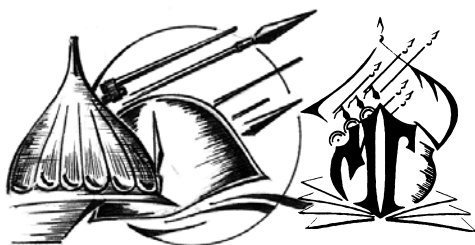

Россия, Русь! Храни себя, храни!

3
2018

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Андрей МУРЗИН. Россия как «этнофедерация», или Борьба за пространство	3
Виталий ДАРЕНСКИЙ. Русофобия — самый опасный вид экстремизма	121
Арсений НИКОЛИН. Украинский тупик	168
Людмила ЕРМИШЕВА. Только победа	180

ПРОЗА

Виктор МАНУЙЛОВ. Сталин. Выбор пути. Главы романа- эпопеи «Жернова»	32
Юрий ШИПНЕВСКИЙ. Два рассказа	136
Елена КАШЕВА. Старушка в кустах. Рассказ	186
Ирина ПРИЩЕПОВА. Моя земля. Эссе	192

ПОЭЗИЯ

Светлана СЫРНЕВА. Разящий свет. Стихи	110
Юрий ВОРОТНИН. Обжитая бездна. Стихи	159
Сергей ПОТЕХИН. Есть и в боли счастья доля. Стихи ...	200
Татьяна КРЫГИНА. Бегу по детству своему. Стихи	207
Стихи поэтов Пскова	229

УРОКИ ИСТОРИИ

Виктор САУЛКИН. «Есть у революции начало...» 212

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Всеволод ТРОИЦКИЙ. **Задача
национального спасения** 239

ДОСЬЕ «МГ»

Андрей СОШЕНКО. **Эксклюзивная бомба** 252

Валерий ХАТЮШИН. **Позор всего западного спорта** 257

СИМВОЛ ВЕРЫ

Алексей ШВЕЧИКОВ. **Сталин и Третий Рим** 262

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Валерий ГАБРУСЕНКО. **О патриотизме
и национализме** 276

Валерий ФИЛИМОНОВ. **Предвестие апокалипсиса** 281

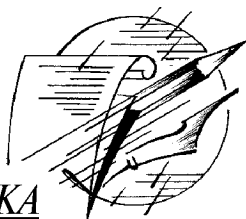
Вероятный сценарий войны 284

Андрей МУРЗИН,
кандидат философских наук

РОССИЯ КАК «ЭТНОФЕДЕРАЦИЯ», ИЛИ БОРЬБА ЗА ПРОСТРАНСТВО

Российская Федерация представляет собой государственное устройство, сочетающее принципы федерализма, унитаризма и автономии, сочетающее территориальные и национально-территориальные начала. Эта сложная пространственная конструкция возникла и сложилась в советский период как форма решения национального вопроса. Но она же придала советскому «нацстроительству» характер пространственно-территориального вопроса, требующего постоянных усилий по сохранению целостности и единства пространства страны.

Если признать, что в распаде Советского Союза национальный вопрос вновь сыграл роль одного из решающих обстоятельств, определяющих пути дальнейшего развития России, то следует обратить внимание, что распад государства в 1991 году произошел именно по тем линиям, что были прочерчены большевиками в виде республиканских границ. Неопределенность образа целого, потеря регионами и республиками своего прежнего места внутри страны заново поставили вопросы о том, какое влияние сегодня оказывает

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

специфическое федеративное устройство российского государства на характер и состояние внутрироссийского пространства и каково положение дел в межнациональных отношениях?

Одним из главных факторов, изменившим ситуацию в стране, стал резкий подъем в 1990-е гг. этнического самосознания, вылившийся в широкий процесс «суверенизации» бывших национальных автономных образований в составе Российской Федерации. Сегодня каждая из 21 национальных республик имеет принятые от лица их народов конституции (в Калмыкии — Степное Уложение), законодательство, парламенты и правительства, собственные государственные символы, государственные языки, республиканское гражданство (в Татарстане).

С другой стороны, впервые за последние несколько столетий настолько ошутимое большинство в национальном составе населения России составили этнические русские (более 80% ее населения), при том, что они, как и прежде, не обладают своей государственностью, отличной от общероссийской. Поэтому большая часть субъектов РФ, в значительной степени однородная по своему национальному составу, объединена вокруг федерального центра, другая часть имеет еще свою республиканскую власть, опирающуюся на ограниченный государственный суверенитет.

Подобные изменения еще больше усилили «асимметричный» характер «этнотерриториальной» федерации, которой, по своему административно-территориальному устройству, по существу, является Российская Федерация (специалисты по государственному праву относят Российскую Федерацию к государствам с «абсолютной асимметрией»). Несмотря на то, что в ст. 5 Конституции РФ, принятой в 1993 г., зафиксировано равноправие субъектов Федерации, в ней же они наделяются разным правовым статусом: республики имеют статус государств в составе РФ, их государственный суверенитет является реализацией права народов на самоопределение, а области и края функционируют на основе полномочий, переданных им федеральным центром. Но дело даже не в отсутствии декларируемого равноправия между различными субъектами Федерации, а в том, куда толкает национальные республики выделенность их статусов, какие тенденции в их политическом и этнокультурном развитии поддерживает, какое влияние оказывает на состояние общероссийского пространства.

В условиях, когда распалось всё, что составляло форму прежнего внутрироссийского единства («советский народ»,

«советская культура», «дружба народов»), когда общность исторических судеб разных российских народов стараются поставить под сомнение, этническая идентичность начала превалировать над общегражданской. На первый план выдвинулись этнокультурные и религиозные различия народов России, а также экономические и социальные интересы развития своих национальных образований, обнажив действительные контуры российской территориальной «этнофедерации». Произошла своего рода «этнизация» российского государства.

Неоднократно заявлялось, что Россия является единственной страной на постсоветском пространстве, которая не пошла по пути строительства национального государства, но избрала путь развития в качестве государства многонационального и федеративного (хотя, кажется, несколько странным ставить себе в заслугу движение по инерции, неспособность сделать решающий выбор и принять ответственность за него). Но какова была природа прежнего федеративного государства? Признано, что одним из главных противоречий его внутренней пространственной конструкции на протяжении всей истории советской власти оставалось то, что в ней не находилось места государствообразующему русскому народу.

Российскую империю в начале XX века можно представить в качестве некоего гибридного государственного образования — империи, совмещавшей в себе различные черты, но развивавшейся в сторону превращения в национальное государство. Объединявшая многие народы, она должна была регулировать их положение внутри России и их отношения с окружающими, что в той или иной степени делало ее внутреннее пространство конфликтным. Но к началу XX века в российском государстве было только несколько территориальных автономий, отличающихся особым национальным составом населения и порядком управления (Великое княжество Финляндское, Царство Польское, отчасти Малороссия). После Октябрьской революции 1917 года бывшая империя в соответствии с принятой «Декларацией прав трудящегося и эксплуатируемого народа» (1918 г.) превратилась на основе «свободного союза свободных наций» в федерацию Советских национальных республик.

Новой властью Россия больше не мыслилась как государство, объединенное на базе русской культуры, русского языка и традиций. Россия перестала быть государством русского народа. Русские, в представлении большевиков, являлись всего лишь одним из народов России, а их культура не могла иметь никаких преимуществ перед другими.

К началу 1920-х гг. вся территория бывшей империи была поделена между различными национальными образованиями в соответствии с большевистским пониманием того, что общности территории является необходимым условием существования нации. К 1932 году в СССР, помимо союзных республик, насчитывалось 19 автономных республик, 17 автономных областей, 10 национальных округов, 250 национальных районов и 5800 национальных сельских советов.

Положение русского народа в системе межнациональных отношений и характер советской национальной политики изначально были определены ленинским тезисом о вине «великодержавной» нации за «великорусский шовинизм», требовании соблюдения не только формального равенства наций, но такого неравенства, которое «возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большей, то неравенство, которое складывается фактически».

Советское государство всеми силами пыталось не допустить политизации, ограничить или даже исключить проявления русского национального сознания, введя их в русло наднационального государственного патриотизма и советской идентичности (при этом не отказываясь от его использования особенно в критические для государства моменты). В конце 1930-х годов ему вменили обязанности по исполнению долга «старшего брата» в «семье советских народов».

По одной из концепций, получившей распространение в последнее время, советская территориальная этнофедерация стала не формой сохранения прежней российской империи, но превратилась в «империю позитивной дискриминации», «империю наоборот» (Тьерри Мартин), где дискриминируемым оказалось русское большинство. При этом данная концепция упускает из виду то, что власть в СССР не была властью национальных меньшинств, этнических групп и национальных республик. Руководствуясь коммунистической идеологией, власть решала свои задачи. Кроме того, русские оставались самым большим народом страны, что в культурно-бытовом плане, в повседневной жизни не могло не играть определенной роли в их положении, отношении к ним других народов. Власть, пытаясь не утратить их поддержку, играла на противоречиях самосознания русских, дрейфуя между этнической и гражданской идентичностью.

Попытка представить региональное пространство современной Российской Федерации за пределами национальных образований в качестве «многонационального», то есть «общего», свидетельствует о том, что власть, как и прежде, пытается сохранить единство общероссийского пространства

за счет сдерживания роста национального самосознания русских. Хотя в начале XXI века приходится говорить о «сложном социокультурном самочувствии русского народа, неудовлетворенности его этнокультурных потребностей». И это на фоне национального подъема, этнической мобилизации, взрыва пассионарности, переживаемых другими народами России. Но в то же время в республиках этноцентрические тенденции в настоящий момент не только не преодолены, а напротив, наполнились реальным содержанием.

После окончания периода «суверенизации», после долгой борьбы начала 2000-х за приведение республиканских законодательств в соответствие с общефедеральными нормами, произошли перемены, касающиеся прежде всего официальных отношений республик с федеральным центром. Но всё то, что в 1990-е годы еще только декларировалось, теперь конституировалось, приняв вид некой данности реализующихся национальных проектов. Борьба за суверенизацию превратилась в политику по этнокультурному развитию, а республиканская этнократия приняла вид истеблишмента.

Как показывает любой непредвзятый анализ, в политике большинства национальных республик этнический подход продолжает доминировать над общегражданским. По сравнению с 1990 годами акцент теперь сместился из политико-правовой сферы в область культурно-бытовых отношений, образования, воспитания. Все основные институты (государственная и муниципальная власть, система воспитания и образования, средства массовой информации и пр.) в рамках национально-территориальных образований сосредоточены на конструировании и воспроизводстве «титულიной» этничности, что должно восприниматься как их естественное стремление, опирающееся теперь на поддержку со стороны федеральной национальной политики этнокультурного развития народов России.

Так, в Концепции государственной национальной политики Республики Татарстан (2013 г.) говорится, что она «строится на двух фундаментальных приоритетных положениях: необходимости всестороннего развития татарского народа и укрепления Республики Татарстан как исторически сложившейся формы его государственности и обеспечения равных условий жизнедеятельности с представителям всех народов, проживающих в Республике Татарстан».

К вопросам государственной национальной политики в республике, требующим особого внимания, Концепция относит «укрепление статуса Республики Татарстан как исторического, духовного и этнокультурного центра всего татар-

ского народа, создание условий для интеллектуальной, экономической и иной консолидации татар». В республике принята государственная программа «Сохранение национальной идентичности татарского народа» и другие программы, реализующие заданные установки. Стержневым для республик стало не просто стремление дистанцироваться от федерального центра, но устойчивое представление о внутрисосудском пространстве, как о поделенном на «свое», республиканское и общероссийское.

За последнее десятилетие большинство национальных республик Российской Федерации отметили в качестве своих новых праздников годовщины вхождения в состав России или присоединения к российскому государству. Калмыкия отметила 400 лет присоединения к России, Башкирия — 450 лет, Бурятия — 350, Кабардино-Балкария — 460, Республика Коми — 650 лет. Все юбилеи так или иначе проходили под лозунгом «Навеки с Россией!».

Но если вдуматься, то нетрудно заметить, что все эти празднования и их лозунги могут наполняться разным смыслом в зависимости от контекста и расставленных акцентов. Они могут утверждать дружбу народов, единство государства, но одновременно могут быть превращены в праздник отдельного народа, подчеркивающий его значимость, самостоятельную роль в истории, праздник, выделяющий ценность его этнокультурных традиций. В газете «Республика» (издании правительства и Государственного совета Республики Коми) интервью с директором республиканского Института языка, литературы и истории к юбилею вхождения Коми края в состав Московского государства было озаглавлено «Москве не сразу удалось установить власть над Коми краем». А в заключение интервью ученый отвечает на вопрос о том, как бы развивалась история, если бы Коми край не вошел в состав Русского государства в XIV веке.

Данные юбилеи конструируют пространственную оппозицию, в основе которой тезис «мы» (республика, народ) — не Россия, Россия — это то, что находится за пределами нашего национального дома. Кроме того, вольно или невольно формируется представление о том, что Россия расширялась, присоединяя к себе разные страны, среди которых страна Коми, созданная коми, или страна Дагестан, которую создали дагестанцы, и так далее. Это в значительной степени соответствует концепциям этнической истории, разрабатываемым в разных республиках, но никак не соответствует исторической истине. Подобное придает таким празднованиям смысл некой метафоры, характеризующей сегодняш-

ную позицию национальных республик в отношениях с федеральным центром.

Конфликтогенность данной модели, делящей пространство России на «свое» (национальное) и «общее» (не имеющее этнической определенности, «многонациональное»), проявляется в том, что за пределами своей республики многие ее представители не ассоциируют себя с местной социальной и культурной средой, воспринимая ее во многом как чужеродную, где действуют другие нормы морали и допустим иной стиль поведения. Это формирует у них двойственное ощущение пространства, где тебе как гражданину России должны быть гарантированы все права, но как от представителя республики не могут требовать полной ответственности. Где единственной референтной группой выступает только землячество и его авторитет, а закон — это лишь конкретный представитель полиции со всеми вытекающими отсюда выводами.

Всё это начинает приобретать особый смысл в условиях нерегулируемой внутрироссийской миграции, которая приобрела в стране ярко выраженный этноизбирательный характер. Весьма значительную роль здесь играет Северный Кавказ. Во внутрироссийскую миграцию в настоящее время вовлечены сотни тысяч по преимуществу молодых людей из сельской местности Дагестана, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и других северокавказских республик, которые чаще всего едут в Москву и Санкт-Петербург, а также в южные регионы, такие как Ростовская область, Ставропольский и Краснодарский край. По данным УФМС по Ставропольскому краю в среднем в регион из республик Северного Кавказа ежегодно переезжают около 6 тыс. человек. Число же выходцев из Чечни, переехавших за десять лет в другие регионы, эксперты оценивают минимум в 100 тыс. человек.

Представители северокавказских республик, оказывающиеся за пределами своих республик, настаивают на своем праве повсюду жить в соответствии с собственными культурно-бытовыми привычками и традициями, даже когда это фактически идет вразрез с правом местных жителей на принятый способ жизни, формы межличностного общения, публичного поведения и т.д. Не случайно то, что все так называемые резонансные конфликты на межнациональной почве (Кондопога, Пугачевск, Сагра, Бирюлево и др.), как правило, происходили и происходят в стране на культурно-бытовой почве или начинаются как таковые.

Принято считать, что главное — это идеологический, общегражданский уровень сознания. На деле же именно по-

вседневная культура (формы общения, поведения, организация быта, традиции и пр.) реализует ее этническое начало, становясь, в свою очередь, формой социальной организации культурных различий.

Нет ничего удивительного, что все исследования в сфере межнациональных отношений сходятся на том, что в период до известных событий 2014 года в стране происходила радикализация большинства, усиление ксенофобских настроений, растущее неприятие как приезжих из дальнего зарубежья мигрантов, так и выходцев из северокавказских республик.

Бывшее министерство регионального развития в 2012 г. сообщало, что по их данным лишь 45% жителей России удовлетворены реализацией своих этнокультурных прав (в Москве удовлетворенных положением дел в сфере межнациональных отношений оказалось лишь 27,4%). 62% опрошенных ответили утвердительно на вопрос, следует ли ограничить въезд представителей некоторых национальностей в их регион.

В опросе Левада-центра, проведенном в то же время в 45 регионах страны на тему «Россияне о миграции и межнациональной напряженности» при ответе на вопрос «Какие чувства вы лично испытываете по отношению к выходцам из южных республик, проживающих в вашем городе, районе?», 25% опрошенных ответили, что — раздражение (еще 30% — неприязнь; 6% — страх).

37% участников опроса, выполненного для Общественной палаты Российской Федерации в мае—июле 2013 г., заявили, что русские находятся в униженном положении в своей собственной стране (а в столичных регионах, как оказалось, так считает еще больше — почти половина русских — 46%)! В том же году по данным «Левада-центра» лозунг «Россия для русских» (как назревший или желательный в «разумных пределах») поддержало в ходе опросов 66% россиян (в июле 2014 г. — 54%).

Этноцентрическая политика национальных республик, нерегулируемая массовая внутренняя миграция, ограниченность влияния федерального центра в республиках ведут к фрагментации и дезинтеграции единого социокультурного пространства страны.

Исход четверти миллионов русских в 1990-е годы почти из всех республик Северного Кавказа, уже привел к тому, что часть северокавказских республик (Чечня, Ингушетия) превратились в моноэтнические образования. Это таит в себе угрозу дальнейшей политизации этничности, усиления центробежных тенденций. После изменения сложившегося эт-

нического баланса началась эскалация межкавказских противоречий. При этом на место русских в республиках приходят не всегда представители титульной нации, но активно растут этносы, такие, как курды в Адыгее, чеченцы и турки-месхетинцы в Кабардино-Балкарии. Несколько лет разгорался территориальный спор в отношении между Республикой Северная Осетия—Алания и Республикой Ингушетия, Чеченской республикой и Ингушетией из-за Сунженского района (в 2012—2013 гг.). Межэтнические конфликты с участием различных северокавказских этнических групп происходят на Кубани и в Ставрополье. По оценке бывшего президента Чеченской Республики Алу Алханова, если не предпринимать необходимых мер, «процесс вытеснения русского населения, сопровождаемый территориальной экспансией народов Северного Кавказа в соседние регионы, создаст качественно новую ситуацию на южных рубежах нашей страны».

Более зыбкой стала исторически сложившаяся этнокультурная ситуация и в других республиках. В Якутии малые народы Севера в отличие от титульного народа тоже оказались, по их представлениям, не в равных условиях. Ревниво наблюдают за действиями титульных этносов ительмены в Корякском округе или эскимосы в Чукотском округе. Татарстан не удовлетворен положением татар в ряде соседних поволжских республик (в том числе на территории Башкортостана, Удмуртии, Мордовии) Но его попытки повлиять на ситуацию наталкиваются на те же «рогатки» этноцентричности, но уже как проявление этноцентризма других национальных республик. Активно сокращается этнокультурное и этноязыковое разнообразие в Тыве, где численность русских в составе населения республики уменьшилось в несколько раз.

Другим следствием миграции русских из ряда национальных республик явилось возрождение доиндустриальной, патриархальной культуры. В некоторых республиках, в частности, Тыве и отчасти Якутии подобный процесс в различных сферах жизни приобрел настолько глубокий характер, что для ученых из этих республик это стало уже постоянной темой научной рефлексии. По словам ставшего в 2013 г. главой республики Дагестан Р.Абдулатипова, в республике фактически невозможно найти ни одной точки роста. В качестве примера он приводил ситуацию в Буйнакске, где в промышленности занято всего 1,28% населения, а в начале Октябрьской революции в Дагестане в промышленности было занято 4,7 процента. «Прошло 100 лет, и мы сделали шаг назад», — констатировал бывший глава Дагестана.

Серьезным деформациям подвергается культурно-образовательное пространство России. В Татарстане (в Казани и Набережных Челнах в 2011—2012 гг.), в Башкортостане, ряде других республик родители русских детей выступали с протестами против сокращения (по сравнению с общероссийскими) объемов изучения русского языка и литературы, пытаясь добиться введения добровольного изучения национальных языков. Обязательное изучение языка коми в школах республики с долей титульного этноса 24% или бурятского языка — с долей титульного этноса менее 30% оказывает неблагоприятное влияние на характер межэтнических отношений. Положение усугубляется тем, что, в отличие от всех остальных народов страны русские, по существующим в России законам, не могут выбрать для изучения в школе свой язык как родной.

Одной из немногих институций, всегда объединявших территорию России и ее народы, является Русская Православная Церковь. Во многих республиках в период подъема этнического самосознания возникло отношение к православию как к «религии русских», требующее замены его различными верованиями, например, шаманизмом в Якутии и Тыве, язычеством — в Поволжских республиках (Мордовия, Чувашия, Удмуртия). В Марий Эл система народных языческих верований, в немалой степени благодаря усилиям национальной интеллигенции, была превращена в никогда не существовавшую ранее «Традиционную религию марийского народа».

В этих условиях проблема сохранения единства социокультурного пространства страны не может быть решена сама по себе. Политика этноцентризма, поддерживающая высокий уровень этнической мобилизованности в республиках, при сдерживании процессов этнического пробуждения у русских как самого многочисленного народа Российской Федерации делает неустойчивой не только межнациональную ситуацию в стране, но и расшатывает всю существующую государственную конструкцию. Многоязычная и мультикультурная Россия оказывается не застрахованной от распада.

Следует помнить, что в российском ментальном поле по-прежнему присутствуют различные геополитические проекты («Кавказский эмират», «Великая Черкесия», «Идель-Урал», «Великий Туран» и пр.), ищут возможность усилить свое влияние пантюркизм, панисламизм, финно-угорский мир.

Паннациональные идеи как одна из форм идеологии политизированной идентичности способны становиться поли-

тическим инструментом постольку, поскольку провоцируют необходимость устанавливать этнокультурные маркеры, конструировать культурные и религиозные границы, разделяющие народы России и пространство страны. Это причина, по которой паннационализм оказывается нередко связан с реализацией геополитических амбиций и интересов соседних государств, стремящихся включить в зону своего влияния российские народы с территориями их проживания.

При поддержке Саудовской Аравии, Ирана и Турции происходит активный рост влияния исламизма в республиках российского Северного Кавказа и Поволжья. К этому относится распространение ваххабизма в современной России как одной из агрессивных и нетрадиционных для России ветвей ислама. К 2013 году ваххабитские общины были созданы почти во всех субъектах РФ.

Идея мусульманской солидарности, «единства в вере» тесно переплетается с комплексом представлений о близости тюркских народов (включая в расширенном варианте, помимо тюрков, также бурят, калмыков и народов тунгусо-маньчжурской группы). Пантюркизм служит идейно-политической основой проекта создания тюркского государства Великий Туран, захватывая территорию России вверх, к северу от Ирана, и от Кавказа до Саян. Ведущую роль в работе Ассамблеи тюркских народов (АТН), учрежденной в 1991 году в Казани, играет Турция.

В республиках Поволжья националистические движения идут по пути сближения с исламскими фундаменталистами, угрожая превращением Приволжского Федерального округа в «Дагестан на Волге». В Татарстане, Башкирии, Чувашии установка на использование мирных методов культурной и экономической экспансии сторонников пантюркизма включает, тем не менее, рассуждения об освобождении от «последствий колониализма», пропаганду отказа от русского языка в образовательном процессе этих республик.

Идея единого финно-угорского пространства развивается при поддержке официальных властей Финляндии, Венгрии, Эстонии и региональных властей ряда российских республик. Финляндия пытается вести работу во всех 9 российских автономиях (с общим населением 7,5 млн. человек), где проживают финно-угорские народы. Тема «возвращения» Карелии остается одной из самых обсуждаемых в Финляндии. Международное финно-угорское движение претендует на то, чтобы стать неправительственной организацией, интегрированной в структуры Организации Объединенных Наций, при которой уже действует Форум коренных наро-

дов, в котором финно-угорское движение имеет своих представителей.

На востоке страны «буддийские» республики — Калмыкию, Туву и Бурятию — опекает далай-лама. В Монголии время от времени выходит на поверхность идея создания «Великой Монголии» за счет объединения Бурятии, Тувы и Читинской области. Продолжают расширяться масштабы китайского нелегального проникновения в южную часть Дальнего Востока.

Когда говорят, что эти движения и проекты сегодня не имеют сколько-нибудь широкого распространения, то недооценивают силу подобных идей, их способность «овладевать массами». Попытки актуализировать эти проекты не прекращаются. Что означала, например, кампания, развернутая зарубежными адыгами, с призывами бойкотировать сочинскую Олимпиаду, чем руководствовался предприниматель В. Дрезнера, пытаясь организовать референдум о присоединении приграничных районов Республики Карелии к Финляндии, или в какой среде сегодня вербуют себе тысячи сторонников на территории Российской Федерации представители запрещенного в стране Игила?

Следует согласиться с выводом Центра стратегических исследований о том, что хотя в настоящее время непосредственная угроза открытого проявления сепаратизма в каком бы то ни было регионе РФ отсутствует, но *«распад государства может выразиться не только в территориальной рецессии, но и в блокировании выполнения базовых функций и прерогатив государства, к числу которых относятся верховенство его юрисдикции на всей территории страны, поддержание базовых стандартов в сфере права и безопасности, монополия на легитимное насилие и т.д. Симптомы такого социального распада государственности (который не менее опасен, чем территориальный и, в конечном счете, перерастает в него) в Российской Федерации, к сожалению, имеют место».*

Исторически пространство России образовывали вокруг русского этнического ядра народы с разными национальными и религиозными традициями, опытом государственного строительства, находящиеся подчас на разных ступенях цивилизационного развития. Когда сегодня, стремясь обосновать историческую обреченность Советского Союза, ставят вопрос о том, что могло быть общего между Эстонией и, скажем, Узбекистаном, то почему бы не продолжить этот ряд и не спросить, а что было общего в XIX веке между Великим Княжеством Финляндским в составе Российской Империи и Хивинским ханством, Бухарским эмиратом, Восточной

Грузией (царством Картли-Кахети), вошедшей в состав империи по Георгиевскому трактату, и самоедами, лопарями, вогулами и другими народами Севера? Что общего между другими российскими народами, не одно столетие живущими рядом друг с другом?

Объединяющим их началом была не только государственная власть, но само пространство России, пространство русской культуры, русской жизни и православной веры. Пространство обладало собственной властью. Оно размыкало этнические культуры, вводило от сосредоточенности на себе, на отношениях только с ближайшим окружением, открывало возможность быть включенными в большой исторический процесс, позволяло обрести себя в пространстве огромного евразийского государства-цивилизации, опирающегося на культурно-цивилизационное многообразие России, населенного разными народами.

Здесь уместно напомнить, что русская философия видела сверхнациональное призвание России в признании национального сознания населяющих ее народов, принятии их духовных потребностей. И как следствие отмечалась невозможность как механического сплава потерявших духовный облик народов, так и обособленного их существования в противовес вселенскому единству.

Распад СССР, последовавшие за ним развал экономики, ухудшение социального положения людей, снижение уровня жизни, распространение коррупции в массовом сознании представителей национальных республик стали восприниматься во многом как вина русского народа (игравшего в советском государстве навязанную ему роль «старшего брата»). В историческом сознании всплыли обиды, связанные с политическими репрессиями, депортациями народов и даже «колониаторской политикой» Российской империи. Поэтому будущее российской государственности в настоящий момент времени во многом определяется тем, сумеют ли русские вернуть себе моральный авторитет и духовное лидерство.

В этом отношении решение «русского вопроса» как центральной проблемы организации и формирования внутрисосудского пространства через выделение в составе Российской Федерации «Русской республики» или семи «Русских Республик» имело бы разрушительные последствия для всего пространства России.

Сама по себе идея создания «Русской республики» не нова. В 1920-е годы возможность ее создания рассматривалась в процессе образования РСФСР, в 1936 году — при обсужде-

нии Конституции СССР. Но следует согласиться с тем мнением, что в решении нуждается не проблема отсутствия среди прочих «Русской республики», а исправление того положения, при котором русская нация выпала из поля национальной политики государства.

Обособление русской нации в рамках «Русской республики» как федеративной части России означало бы не только сужение суверенных прав русского народа как государствообразующей нации, но и утрату основы для сохранения единства внутрироссийского пространства, открыло бы путь для трансформации существующей федерации в конфедерацию, этническую «герметизацию» национальных республик, вытеснение из них русского населения с последующей реальной перспективой окончательного распада страны.

Даже понимание существующего федеративного устройства современного российского государства может быть наполнено новым содержанием, если представить его как выражение государственного единства народов России (в том числе представляющих собой этнотерриториальные общности), сложившиеся вокруг русского народа. Данное понимание не противоречит принципам российского федерализма, сохраняя при этом право ее народов на разные формы автономии (включая республиканский статус). Одновременно следует иметь в виду, что в федеративных государствах, помимо «нации сограждан», связанных политико-правовыми отношениями, могут сосуществовать и развиваться сообщества неполитического типа («этнонации»), границы автономности существования которых определяются их лингвистической и культурной особенностями. В настоящее время около 130 этносов и этнических групп в Российской Федерации (составляющих примерно 7% ее населения) не имеют национально-территориальных образований.

Ситуация могла бы начать меняться уже сейчас, но ее главным сдерживающим фактором остается укоренившийся в советский период страх перед русским национализмом. Современное российское государство, до последнего времени обходя вопрос об этнокультурном и правовом положении русских, как будто стремилось сразу перескочить на следующую ступень в общественном развитии, где национальный вопрос уже не имел бы нынешнего значения.

Предполагалось, что решение проблем лежит через деэтнизацию общественной и государственной жизни, вытеснение национальности гражданственностью (что теоретически обосновывается возможностью одновременного отказа всеми этническими общностями от понятия нации как

«мифической дефиниции», «политической метафоры»). Для этого требуется разогреть «плавильный котел ассимиляции», чтобы «забыть о нации» и осуществить «нулевой вариант» (В.А. Тишков).

В соответствии с данными установками место «советского народа» должны занять «россияне», которые составят фундамент нового «государства-нации», в котором гражданско-государственная идентичность будет превалировать над этнической. Народ рассматривается при этом как совокупность граждан-индивидов, организуемых системой формально-правовых отношений.

Следует принять во внимание то, что понятие «русские» в Российской Империи было синонимом «православные», в Советском Союзе представление о новой исторической общности людей — «советском народе» базировалось на коммунистической идеологии. В этом отношении понятие «россияне» малосодержательно, и в этом его слабость. Сейчас оно имеет скорее какую-то географическую (отчасти геокультурную) коннотацию, за ним ничего не стоит — ни вера, ни идеология.

Гражданско-либеральные ценности без опоры на национальную культуру, которая продуцирует конкретные формы социальности, не могут на том этапе, на котором находится российский социум, выполнить роль объединяющего начала, обеспечить прочный фундамент межнационального единства. Сегодня российское общество всё еще демонстрирует неспособность прийти к согласию по многим принципиальным вопросам общественного бытия, включая согласование права личности и интересов государства, политических свобод и общественной безопасности, свободы художественного самовыражения и норм морали, светского характера государства и влияния на него религиозных институтов и пр. За всем этим стоит не просто столкновение частных мнений или позиций отдельных частей общества, а борьба различных сил за формирование соционормативного ядра современной российской культуры.

Установку на скорейшее создание в стране единой гражданской, политической нации, с одной стороны, а с другой — различные варианты преобразования административно-территориального устройства государства (укрупнение регионов, их слияние с национальными автономиями, «губернизация», смена названий субъектов федерации по территориальному принципу и пр.) — можно в определенном смысле рассматривать именно как стремление «выскочить» из неестественной ситуации, когда деэтнизированное русское боль-

шинство служит лишь пространственной средой для диалога между федеральным центром и национальными республиками.

Если действительно начать последовательно проводить в жизнь тезис о равенстве и равноправии всех народов России, то это потребует поиска другого основания для формирования единства внутрисоссийского пространства. Если мы преодолеем aberrации восприятия, то обнаружим, что представление о ситуации изменяется: все российские народы по факту окажутся внутри «русского» пространства. И тогда станет понятно, что действительным основанием единства этого пространства может быть, как и прежде в истории России, только русская культура, всегда создававшая и объединявшая это пространство, включающая в себя культуры и национальные традиции всех народов, пестовавшая их, создававшая условия для их становления, и одновременно сама обогащаясь благодаря им.

В то же время есть устойчивое ощущение исчерпанности на сегодняшний день возможностей политических и административных методов (результаты уже произведенных административно-территориальных преобразований, слияния областей и национальных автономий требуют осмысления). Но это не исчерпанность возможностей вообще, а конкретных действий в рамках жесткого проектного подхода, своего рода социального инжиниринга в сфере, где мы имеем дело с национальными чувствами. Предлагал же бывший Минрегион за 124,6 млрд. рублей довести долю считающих себя россиянами к 2018 году до 86%, а за 36,6 млрд. рублей — до 64%.

Установка на скорейшее преодоление этнокультурной и этноконфессиональной гетерогенности России ведет сегодня не к гармонизации межэтнических взаимоотношений, а к росту конфликтности в обществе. Достаточно напомнить, какой острый отклик в республиках вызывало обсуждение проектов перехода России от нынешней «этнической» модели к модели территориальной федерации в форме ее «губернизации», предполагающей выравнивание статуса всех регионов.

Качественное изменение состояния системы межнациональных отношений возможно только на пути ее постепенной эволюции, борьбы за общественное мнение, изменений общественного сознания, которые на определенном этапе подведут российский социум и государство к постановке вопросов о конкретных формах его государственного и территориально-административного устройства. Нужно понять в связи с этим, в какой корректировке нуждается политика российского государства в сфере межнациональных отношений.

Целью государственной национальной политики, разработанной на основе Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года и заявленной в соответствующей программе, является укрепление единства многонационального народа Российской Федерации (т.е. «российской нации»). Достижение поставленной цели предполагает одновременно реализацию двух следующих задач: «содействие укреплению гражданского единства и гармонизации межнациональных отношений, содействие этнокультурному многообразию народов России».

Следует обратить внимание на то, что на уровне задач, переводящих программные установки в плоскость требований практической реализации, возникает некоторое противоречие. По-существу, равнозначными выступают и задача «укрепления единства», и установка на развития национальных культур. Но как можно одновременно и объединяться и разделяться, акцентировать то, что нас объединяет, и то, что делает разными?

Обеспечение равноправия наций, этносов, сохранение национальных культур, конечно, должно являться принципиальным и не обсуждаемым условием национальной политики. Но современное российское пространство находится на этапе самоконструирования, его ценностно-нормативное ядро находится в стадии формирования. Это же касается и состояния российского социума, его коллективной идентичности. Национальная политика российского государства в этих условиях не может быть той же, что и у государств, находящихся в состоянии гомеостаза (устойчивости, саморегуляции, равновесия). Перед ними объективно стоят разные задачи.

Сегодняшняя ситуация напоминает положение СССР в конце 1930-х годов, когда в результате бурного процесса строительства и создания национальных культур обучение во многих общеобразовательных школах уже было полностью переведено на национальные языки, школьные учебники печатались на 104 языках, газеты — на 87. Более шестидесяти народностей получили свой алфавит. Но оказалось, что центробежные тенденции стали доминировать, а единство пространства страны обеспечивалось лишь государственно-партийными структурами и идеологией.

Тогда партийному руководству стало понятно, что в политике государства необходим решительный поворот, знаком которого стало, в частности, помпезное празднование на государственном уровне в 1937 году юбилея А.С. Пушкина. В 1938 году во всех советских школах было введено обязатель-

ное обучение русскому языку. Путем переработки дореволюционного наследия в короткие сроки была сконструирована «великая русская культура», пронизанная духом государственных и патриотических идей.

Единство пространства современной России, сохраняющееся сегодня, имеет во многом характер инерционного движения. Но тем более важно, исходя из того, в какой фазе развития находится российское общество, переместить акцент в государственной политике на достижение единства российского социума. В противном случае получается, что решение задач поддержки национальных культур оборачивается на практике поддержкой этноцентричных устремлений в национальных образованиях. Руководство национальных республик склонно считать, что вопросы укрепления единства являются заботой федерального центра, а их зоной ответственности является развитие национальной культуры.

Информация о том, что Республика Тыва выиграла конкурс региональных программ на условиях софинансирования с федеральным бюджетом в рамках Федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России на 2014—2020 годы», на сайте Министерства культуры республики превратилось в сообщение следующего вида: «Тыва выиграла конкурс Минкультуры РФ на софинансирование программ по этнокультурному развитию».

Чтобы понять, является ли это просто результатом стремления к краткости изложения или чем-то неслучайным, достаточно сопоставить объем мероприятий по развитию и поддержке национальной культуры в программе деятельности любого республиканского министерства культуры с числом мероприятий по укреплению единства внутрироссийского пространства. Кстати, в первую десятку регионов-победителей данного ФЦП вошли также Республика Коми, Чеченская Республика, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Ямало-Ненецкий автономный округ, Республика Дагестан, Псковская область и Республика Татарстан.

Условием эффективности национальной политики современной России, имея в виду этнотерриториальную природу российского федерализма, является то, что она должна сопрягаться с политикой региональной. Невозможно в России ставить и решать вопросы формирования системы межнациональных отношений изолированно от проблем федерализма и положения регионов.

Проводя в настоящих условиях политику активной поддержки этнокультурного развития республик, государство,

если называть вещи своими именами, продолжает идти по пути советского «нацстроительства», имеющего логическое завершение в создании национальных государств на территории Российской Федерации. При этом федеральный центр сам поставил себя в положение, при котором он оказался без поддержки регионов — один на один с национальными республиками, что сужает возможности для маневра в его трудном диалоге с ними.

С другой стороны, и у русского вопроса тоже существует своя пространственная проекция. Этнические русские составляют 90% и более в составе населения 30 из 57 областей (включая 2 города федерального значения) Российской Федерации. Одной из составных частей курса государства на упрочение единства внутрirosсийского пространства и выравнивание ситуации между его субъектами может быть усиление не только экономической и социокультурной значимости регионов, соответствующее их реальной роли в жизни страны, но и признание их этнокультурного ресурса.

Необходимо, чтобы национальные образования осознали, что они существуют не в какой-то деэтнизированной, общей (ничейной) среде, а в реальном пространстве, объединенном русской культурой, русским языком (чтобы не возникали требования «утверждения глобуса Республики Татарстан», на чем в начале 1990-х годов настаивал ряд депутатов республиканского парламента).

Характер этнопозиционирования российских регионов определяется общей направленностью государственной национальной политики, которое находит свое выражение в представлении о России как одной из самых многонациональных, поликультурных и поликонфессиональных стран. Это представление вылилось в единую формулу — «наша область такая же многонациональная, как и вся Россия».

В русле данной политики декларирование своего многонационального характера каждым из субъектов РФ выступает обязательным условием признания его неразрывной связи с общегосударственным организмом, подтверждением принадлежности к внутрirosсийскому пространству. В последнее десятилетие российские регионы словно бы включились в состязание за звание самого многонационального субъекта РФ.

Можно взять любую из областей Центрального федерального округа (Тверскую, Ивановскую, Владимирскую, Орловскую, Белгородскую, Тульскую и др.), где исторически свыше 90 процентов населения территории составляют русские, и в каждой из них губернаторы, начальники региональ-

ных УФМС, сотрудники Росстата и журналисты настаивают на том, что их области «исторически являются многонациональными» субъектами РФ.

По данным Воронежстата, опирающегося на данные проведенной в 2010 году переписи населения, в Воронежской области проживают представители 178 национальностей, среди которых к «наиболее многочисленным» национальностям относятся: русские — 95,5%, а также украинцы (1,9%), армяне (0,5%), цыгане (0,2%), азербайджанцы (0,2%). Руководитель делегации Ярославской области во время посещения дагестанского Дербента заявляет, что оба города схожи между собой тем, что в них «испокон веков в мире и согласии живут представители разных народностей». В частности, в Ярославской области «присутствуют» представители более 150 народностей. А представитель в Совете Федерации от Курской области ставит всем в пример «многонациональную» Курскую область, где в мире и согласии проживают 142 народа (при том, что в данной области 96% составляют русские, еще 1,7% — украинцы).

То же самое и в других федеральных округах. Так, РИА «Новости» распространяет информацию, что в «многонациональной» Вологодской области, в которой 97,3% населения — русские, проживает 162 этноса. В Свердловской области, заявляющей о себе как «одной из самых многонациональных», — 160. Но это еще не предел. В Новосибирской области, где русские составляют 93,1%, зафиксировано 180 национальностей, что привело к обсуждению необходимости разработки комплексного плана мероприятий по гармонизации межнациональных отношений и целевой программы на 2014—2017 годы «Многонациональный Новосибирск». К этому, правда, следует добавить, что согласно опросу 2016 года (итоги которого были представлены на заседании Консультативного совета по вопросам этнокультурного развития и межнациональных отношений при мэрии Новосибирска) проблемы межнациональных отношений заняли по значимости 13-е место из 15, волнующих горожан.

Превращение любой области в «многонациональную» легко совершается с помощью «использования» материалов Всероссийской переписи населения (невозможно же представить современное открытое общество, где 100% жителей составляли бы представители одной национальности). Не берется во внимание, что данные переписи населения как часть статистической информации, характеризуют лишь количественную сторону явления и не описывают природу сложных социальных процессов. Эти данные по отношению

к задачам анализа тех же межэтнических отношений носят первичный характер и требуют интерпретации.

По статистике, самое большое число космонавтов на душу населения (а именно — один) проживает в Монголии. По статистике, самое большое число автомобилей на душу населения среди стран Западной Европы собирается в Словакии. Какой же вывод следует сделать об этих государствах, исходя из подобного обращения со статистическими данными?

Не спасает положение лукавая журналистская практика говорить о числе «представителей» каких-либо народов. Межнациональные отношения являются, по определению, отношениями между нациями, народами, этносами, а не характеристикой межличностных отношений. Можно ли утверждать, что присутствие одного-двух человек конкретной национальности делает регион с миллионным населением «многонациональным»? **Но направленность, заданная установками федеральной национальной политики, пересиливает даже здравый смысл, не говоря уже о научности подхода.**

По данным того же Воронежжстата, на территории области проживают 89 национальностей с численностью 10—15 человек, 34 — по одному человеку. В Новосибирской области 68 народов представлены не более чем пятью человеками каждый. Из насчитанных 160 народов Свердловской области 31 национальность представлена одним человеком (среди которых «латиноамериканец», чамалал, алеут, австралиец, бразилец, колумбиец, конголезец, экваторианец и т.д.). При этом из выступлений губернатора Свердловской области можно узнать, что каждый из этих «народов», наряду с другими, внес большой вклад в строительство промышленного Урала.

Искажение природы действительно сложного явления можно было бы считать недоразумением или спекуляцией понятиями, если бы подобная «информация» не выступала в качестве основы понимания этнокультурного характера региона и протекающих в нем процессов, не касалась региональных стратегий реализации национальной политики, не определяла целей и задач региональных программ деятельности. Ведь 180 наций Новосибирской области фигурируют в качестве базовой характеристики в Государственной программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Новосибирской области на 2015—2020 годы». Аналогичный факт обращения с числами имеет место во всех подобных программах других регионов.

Чтобы иметь партнеров по взаимодействию в сфере межнациональных отношений, областные власти поддерживают создание национально-культурных объединений, автоно-

мий и т.д. Так, в Нижегородской области официально зарегистрировано 39 национальных общественных объединений граждан, включая 18 национально-культурных автономий. В Ярославской области в 2012 году было зарегистрировано 35 национально-культурных объединений. А в Свердловской области к началу 2016 года действовало более 100 национально-культурных организаций и 22 национально-культурные автономии.

Относительно роли различных этнических диаспор и их национально-культурных организаций важно отметить, что, например, 4 тысячи дагестанцев, приехавших в Ярославскую область, начавших свой бизнес в регионе или встраивающихся в существующую структуру торгово-производственной деятельности, продолжают чувствовать себя представителями другой этнической общности, другой культуры. Одновременно подобные этнические группы по факту своего присутствия претендуют на то, чтобы всё социокультурное пространство региона, в данном случае Ярославля — одного из старейших русских городов с тысячелетней историей, жемчужины «Золотого кольца» России, — было «переформатировано» и переструктурировано.

Формирование образа «многонациональной» Ярославской области «Ярославль — земля мира и согласия» является ведущей темой, развиваемой представителями национально-культурных объединений области. Они рассчитывают на особое внимание местной власти, поднимают вопросы об этнокультурной ситуации в регионе и сами активно стремятся формировать ее, утверждая собственную роль и место в пространстве региона, пытаясь представить его как поле, которое должно делиться между разными народами, представителями различных этнических культур, включая (спасибо и за это) русских. И власти идут им навстречу, организуя среди прочих, например, отдельные «Дни русской культуры» в рамках проекта «Этномир Ярославского края», включенного в реализуемую областную целевую программу «Гармонизация межнациональных отношений в Ярославской области».

Есть другой вариант: «Ярославия» остается неразрывной частью русской истории, культуры и духовно-религиозной жизни, землей, сыгравшей важную роль в становлении русской государственности. А приезжие, принимая этот факт, признавая его важность и значение, будут стремиться адаптироваться к местной социокультурной среде, с уважением относиться к ее культурно-бытовым основам, будут направлять свои усилия к тому, чтобы интегрироваться в территориаль-

ное сообщество, а не противопоставлять себя ему. Но этот взгляд остается неактуальным.

Проводимая политика выступает не отражением требований действительности, но скорее является выражением общего представления о том, какой должна быть национальная политика в современном мире. По сути, мы сами пытаемся создать «многонациональную» Россию, формируя и тиражируя образ-концепт «одной из самых многонациональных стран мира». Хотя в действительности среди государств со схожей численностью населения Россия является страной с наиболее однородным по составу населением, за исключением Японии.

Более того, парадоксальность ситуации заключается в том, что национальная численность республик Российской Федерации составляет около 10 процентов граждан России. Можно было бы сказать, что именно эта часть населения страны стремится определять национально-культурную политику государства, формирование облика современной России. Но в действительности эта «группа влияния» еще меньше, ее ядро составляют националисты, поддерживающие республиканскую этнократию, опирающуюся на них.

Спекуляции на национальном вопросе приводят к тому, что интересы государства в сфере национальных отношений сводятся к политике поддержки этнических культур малых народов, национальных диаспор, мигрантов, гастарбайтеров. Федеральным и региональным властям не удается провести различие между важностью их поддержки и общими целями национальной политики, отвечающими интересам государства.

Объединяющим признаком региональных программ по этнокультурному развитию является то, что миллионы русских — коренных жителей областей — характеризуются в них лишь тем, что входят в состав «народа Волгоградской области» или народа, «проживающего на территории Новосибирской области». Во Владимирской и Воронежской областях русские — это «одна из наиболее крупных национальных обществ», и они относятся к «многочисленным национальностям» этих областей.

Проблема заключается в том, что проводимая политика не принимает во внимание факт существования в стране «русских регионов». Соответственно, она не признает за ними права на проявление какой-либо специфики в их этнопозиционировании, не предлагает и не разрабатывает модели этнокультурного развития для таких областей. Это положение препятствует развитию общественной рефлексии и выработке исследовательских подходов к проблеме.

Отдельные регионы, которые не в силах игнорировать очевидные противоречия в программах по этнокультурному развитию, изобретают свои, порою неуклюжие формулировки, призванные увязать этнокультурные потребности большинства населения с установкой на гармонизацию межнациональных отношений. Так возникают нелепые определения типа: «мультикультурный регион с русской доминантой» (Владимир), «полиэтнический регион с русской этнической доминантой» (Кострома) и даже «моноэтнический регион с многонациональным населением» (Нижний Новгород).

При этом национальные республики давно выработали свой подход и сделали его официальным. В их конституциях речь идет о сохранении и развитии культуры, к примеру, «татарского народа и национальных культур представителей других народов, проживающих на территории Республики Татарстан» или о сохранении и защите исторического и культурного наследия, развитии культуры «башкирского народа и других народов»; содействии сохранению самобытности и этнической неповторимости «калмыцкого, русского и других народов республики»; сохранении и развитии языка и культуры «удмуртского народа, языков и культуры других народов».

Если бы произошли изменения в реальной политике федерального центра, если бы «русские регионы» могли так же, как национальные республики, проводить политику, отвечающую их подлинным этнокультурным приоритетам, то, скорее всего, разговоры о необходимости создания какой-то «русской республики» или чего-то подобного оказались бы бессмысленными. А также излишними оказались бы проекты законов «о русской государствообразующей нации» и поправки в Конституцию РФ.

Препятствием для продвижения в данном направлении для «русских» регионов является непонимание ответственными чиновниками того, как это может повлиять на конфигурацию внутрирегионального и внутрироссийского пространства и вызовет ли это подъем русского национализма?

В понимании того, кто относится к «русским», мы следуем в русле Декларации русской идентичности, предложенной XVIII конгрессом Всемирного Собора русского народа. К русскому народу относится тот, кто считает себя русским (что делает возможным существование такой идентичности, как русские татары, русские армяне и так далее), кто разделяет ценности русской культуры, для кого дорога история России и важны интересы государства.

Говоря о формах проявления русского национального самосознания, следует иметь в виду еще и то, что в самоидентификации этнических русских, их региональная принадлежность во многих случаях по своей значимости не уступает национальной. Питирим Сорокин в изданной в 1920 году «Системе социологии» писал о том, что «из всех связей, которые соединяют людей между собой, связи по местности являются самыми сильными. Одно и то же местожительство порождает в людях общность стремлений и интересов. <...> В итоге образуется группа, отмеченная колоритом данного места. Таковы в России типы «ярославца», «помора», «сибиряка» и т.п.».

Что касается взаимоотношений региональной и этнической идентичности, то в общем случае идентичность региональная выступает как более универсальное надэтническое основание организации в границах регионального пространства локального сообщества. В силу этого она оказывается способной примирять межэтнические противоречия, объединяя разных по национальной принадлежности и вероисповеданию людей. Например, в Уральском регионе в самые напряженные и драматические моменты 1990-х годов межнациональные отношения оставались наиболее стабильными, что заставило даже говорить о феномене «уральской толерантности».

Про сибирскую региональную идентичность можно сказать, что она сопряжена с многообразными локальными культурными и этническими идентичностями. «Интенсивность чувства принадлежности к сибирскому социальному и культурному сообществу столь велика, что перекрывает собою идентичности этнические. Иначе говоря, сибирячество имеет множество социальных лакун, ситуаций, коммуникативных фонов, в которых этничность не принято актуализировать. Вместо этого используется термин «сибиряк» или просто указывается место проживания, рождения» (П. Сорокин).

С точки зрения поиска возможностей большей интеграции национальных республик во внутрисоссийское пространство имеет смысл обратить внимание на опыт существования межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия — наиболее значимых институтов межрегиональной интеграции, которые возникли в начале 1990-х годов («Черноземье», «Большой Урал», «Большая Волга», «Сибирское соглашение» и др.). Среди прочих аспектов существования ассоциаций следует выделить то, что они объединяли по территориальному признаку различные области и национальные образования. Так, в состав межрегиональной

Ассоциации экономического взаимодействия «Большой Урал» наряду со Свердловской, Челябинской и другими областями, Пермским краем вошли Республика Башкортостан, Удмуртская Республика, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Ямало-Ненецкий автономный округ.

Взаимодействие в рамках одного объединения с областями, которые уже в силу своей промышленной специализации, большой концентрации предприятий ВПК, всегда ощущали свою причастность к решению общегосударственных задач («Урал — опорный край державы», Челябинская область — «Ядерный щит Родины») и национальных республик не могло не влиять на позиционирование последних. Они одновременно ощущали свою принадлежность к Уральскому региону как *своему* геокультурному пространству, исторически сложившемуся здесь единству народов — как составной части государственного целого.

Когда Муртаза Рахимов, обращаясь к участникам заседания Совета Ассоциации «Большой Урал», говорил: «Уральский регион в самые трудные времена всегда выступал и будет выступать одним из становых хребтов отечественной экономики, надежной базой формирующейся перспективы развития России, реализации ее могучего интеллектуального, производственного, кадрового потенциала». Для него в этих словах значение роли Башкортостана было неотделимо от сознания значения вклада Урала в целом в развитие государства. Дело не в том, какой вес имела эта риторика, насколько она выражала действительную позицию политика, главы национальной республики. Принципиальным было само наличие символического ресурса, который мог быть использован в качестве основы идентичности жителей республики, для осознания места Башкортостана в формирующемся общероссийском пространстве.

С другой стороны, разве отнесение Республики Башкортостан и Удмуртской Республики при определении границ федеральных округов к Приволжскому федеральному округу, когда они оказались в новом окружении, вынужденные заново выстраивать свое позиционирование, усилило их интегрированность в общероссийское пространство, способствовало преодолению этноцентричности? Также можно поставить вопрос о том, какую роль этот отрыв от уральских областей мог сыграть в расширении процессов исламской «интеграции» Башкортостана, объединение радикальных этнонациональных движений на его территории с другими — из ближайшего окружения.

Не так уж много можно привести примеров, работающих на интеграцию национальных республик в общероссийское пространство, когда они выступают от лица России, в защиту ее интересов, что могло бы способствовать определению их роли и места в пространстве страны. После проведения Универсиады была сделана попытка превратить лозунг «Казань — спортивная столица России» в ее бренд. Другой пример — переброска чеченской военной полиции в сирийский Алеппо. Или можно задуматься над тем, в чем сами республики видят сегодня свою связь с общероссийским пространством.

Тема внутреннего единства современной России обсуждается преимущественно в контексте политико-экономического состояния государства или его административно-территориального устройства. При этом недостаточно внимания уделяется тому обстоятельству, что существование больших референтных систем тесно связано с проблемой форм и способов их самопрезентации в массовом сознании. Как целостное образование социальная суперсистема становится представимой для себя самой, обретает конкретную форму своего выражения в образах, знаках, символах, производимых культурой и массмедиа.

В наиболее выраженном виде гражданско-политическое и социокультурное пространство страны тяготеет к тому, чтобы предстать в виде законченной знаково-символической системы, воплощающей в себе представления о прошлом страны, ее главных духовно-нравственных ценностях, источниках жизнестойкости и основах единства.

Сегодня не хватает масштабного образа внутрироссийского пространства, включающего представление об исторической роли Центральной России в создании государства, главных историко-духовных центров страны, значения Нечерноземья, промышленного Урала и Кузбасса. Не хватает образа пространства, объединяющего «край тысячи озер» (Карелия) и многоликое Поволжье, где на юге «Вратами Кавказа» служит Ставрополье, на западе находится один из самых больших эксклавов мира — Калининградская область, а на востоке — российский Дальний Восток, форпост государства на Тихом океане, где есть наукограды с мировой известностью, «Колыбель космонавтики» и студенческие «столицы», где образ Сибири с ее пространствами, Алтаем, Байкалом, Якутией, промышленными районами, историческими и научными центрами является частью образа, без которого непредставима Россия.

Н.А. Бердяев в работе «Судьба России», вышедшей в 1918 году, много размышлял в социально-философском ключе об «ушибленности ширью», о роли пространства, порабошающего своей безграничностью, довлеющего над русской историей и народом. Спустя столетие перед народом России по-прежнему стоит задача принять на себя ответственность и труд организовать это пространство, что предполагает радикально иное, чем прежде, отношение к государству и культуре. «Без такого внутреннего сдвига русский народ не может иметь будущего, — писал Бердяев. — Не может перейти в новый фазис своего исторического бытия, поистине исторического бытия, и само русское государство подвергается опасности разложения».

Нужно изменение направленности реальной политики государства, и тогда начнут формироваться новые стратегии и программы, возникать и наполняться подлинным смыслом разнообразные формы деятельности по укреплению единства внутрироссийского пространства. Например, станет понятна необходимость пропаганды и поддержки русской культуры в республиках, а не только малосодержательных мероприятий по укреплению межнационального единства. Получат поддержку русские, живущие в республиках, в половине из которых они составляют большинство, и соответственно не станет вызывать сопротивления вопрос об их адекватном представительстве в органах законодательной и исполнительной власти. Будет, наконец, осознана потребность в разработке специальной политики по отношению к национальной интеллигенции республик, а Русская Православная Церковь получит дополнительную опору, которая не позволит ей ослабить свою миссионерскую деятельность, ибо вопросы веры не могут быть сведены к обеспечению этнической идентификации.

Несмотря на то, что в сегодняшней Российской Федерации сформированы основы ее политической системы, определились ключевые государственные институты и механизмы, она с точки зрения задач национально-государственного строительства и организации ее внутреннего пространства (в том числе как пространства межнационального взаимодействия) всё еще в значительной степени представляет собой переходное образование, возникшее вследствие глобального геополитического процесса, частью которого явился распад Советского Союза.

Инерция сознания мешает российскому обществу обрести себя в новой реальности. Нет больше той идеологии, которая служила идейной основой в создании существующей

конструкции внутрироссийского пространства, включая ее административно-территориальное устройство. Но этнотерриториальная федерация в ее нынешнем виде продолжает восприниматься едва ли не как единственная форма, способная воспроизводить и развивать российскую цивилизационную модель. Более того, эта федеративная конструкция в ее сложившемся качестве пытается найти себе опору в признанных ценностях современного мира, в том числе сформированных в русле политики мультикультурализма, таких как этническая толерантность, равенство этнокультурных прав, значение каждой национально-культурной традиции.

Внутрироссийское пространство находится на этапе самоконструирования, поиска фундаментальных оснований, которые способствовали бы сохранению его целостности и укреплению внутреннего единства. Попытка объединить в идеологическом и политическом смысле «державность» (патриотизм) с либерализмом является выражением временного компромисса. Объективно интересам Российской Федерации соответствует движение не в сторону дальнейшего этнокультурного обособления российских народов, их расхождения по своим национальным «домам», укоренения на российской почве модели их параллельного сосуществования. Россия нуждается сегодня в выработке долговременной стратегии сближения народов, поиске такой стратегии национально-государственного строительства, которая будет способствовать усилению интегрированности ее внутреннего пространства, позволив избежать повторения случившегося с СССР.

г. Екатеринбург

СТАЛИН. ВЫБОР ПУТИ

ГЛАВЫ РОМАНА-ЭПОПЕИ «ЖЕРНОВА»

Глава 1

Иосиф Виссарионович Джугашвили (Сталин), сорокадвух-летний член Политбюро ЦК ВКП(б), допил чай, отодвинул в сторону чашку, вытер салфеткой рот и усы. Невидящим взором скользнув по своей жене, сидевшей напротив, глянул на настенные часы — они показывали без четверти пять — и стал неторопливо набивать табаком трубку. Его светло-карие с желтизной глаза — цвета незрелого табака — были устремлены вовнутрь, даже зрачки сошлись к переносице, а на лбу углубились две поперечные складки.

Молодая жена Сталина не пыталась с ним заговорить, зная, что Иосиф либо не обратит внимания на ее слова, либо бесцеремонно оборвет на полуслове. Убирая со стола, она двигалась осторожно, стараясь не греметь посудой и ничем не отвлекать мужа от его мыслей.

Конечно, ей бы в мужа кого-нибудь попроще и помоложе, чтобы чувствовать себя с ним на равных, болтать обо всем, как с сестрой Аней или братом Павлом. Но в начале семнадцатого года, когда Джугашвили (в те времена партийная клич-

ПРОЗА

ка Коба), только что вернувшийся из сибирской ссылки, появился в их петроградской квартире, она влюбилась в него со всей романтической пылкостью девчонки, взбудораженной недавно и на ее глазах совершившейся революцией, всеобщим энтузиазмом, а этот спокойный человек казался ей чуть ли не символом и этой революции, и всеобщего энтузиазма.

Надя смутно помнила Иосифа еще по Баку. Говорили, будто он вытащил ее из моря, когда она начала тонуть. Как она очутилась в воде, куда смотрели родители? — всё это было прозой и не имело значения. В ту пору Наде было три года, и, естественно, оценила она поступок Иосифа значительно позднее. Но и помимо этого, сколько себя помнит, в ее семье об Иосифе всегда ходили легенды как о несгибаемом революционере, человеке исключительной смелости и мужества. Он несколько раз бежал из ссылок, в том числе из сибирской, сумел подняться над национальными традициями и предрассудками, и то, что он когда-то спас ей жизнь, тоже стало одной из легенд, которые создали в ее воображении образ благородного рыцаря из романов Вальтера Скотта. Недаром он первую партийную кличку взял себе из грузинских сказаний о доблестном рыцаре Кобе, защитнике угнетенных. И только потом вторую — Сталин.

И вот весной семнадцатого года легенды воплотились в живого человека, при этом ничего не потеряв, более того, утвердившись в каждом своем слове. К тому же он, едва появившись в их петроградской квартире, глянул на нее своими удивительными табачными глазами, — глянул на нее не как на ребенка, а как на уже вполне взрослую женщину — и Надя сразу же это почувствовала всем своим существом и потянулась к нему, замирая от страха и ожидания.

Между тем в Петрограде события сменялись одно за другим с ошеломляющей непоследовательностью и быстротой, вселяя то отчаяние, то радужные надежды. Солидные и знающие люди, почти каждый день собиравшиеся на квартире Аллилуевых, до хрипоты и ругани, до взаимных оскорблений спорили друг с другом, не сходясь в оценке как самих событий, так и своей роли в этих событиях.

На какое-то время всё будто бы встало на свои места, когда в квартире Аллилуевых поселился Ленин, ставший центром всеобщего притяжения. Однако Владимир Ильич прожил у них всего несколько дней, исчез так же неожиданно, как и появился, а после его исчезновения бурные события в Петрограде, как и по всей России, стали казаться еще противоречивее и сложнее.

Лишь Иосиф всегда оставался спокойным. Он будто что-то знал такое, что неведомо было никому, в споры почти не вступал, иногда ронял несколько слов на довольно корявом русском языке, с едва уловимой усмешкой перевода взгляд своих глаз с одного заядлого спорщика на другого.

Из отдельных реплик отца и его друзей Надя знала, что Коба является одной из главных фигур среди петроградских большевиков, и тот факт, что он не кичится своим положением, не пытается как-то выделиться, повелевать людьми или поучать их, наполняло сердце девушки гордостью и еще большей любовью.

С некоторых пор Надя стала замечать, что спокойно оценивающий взгляд табачных глаз Иосифа теплел, когда встречался с ее взглядом, она поспешно отводила свой, боясь, что этот мудрый и пронизательный человек прочитает ее тайные мысли, и надеясь, что он-таки их прочитает.

Но раньше других ее мысли и чувства прочитала мать. Однажды она высказала своей дочери всё, что думала о ее начавшемся сближении с Иосифом Джугашвили-Сталиным:

— Он тебе не пара, Надюша, — говорила Ольга Евгеньевна, стараясь смягчить слова задушевностью тона и сочувственной улыбкой. — Во-первых, он на двадцать два года старше тебя, и эта разница в возрасте особенно скажется с годами: вы перестанете находить общий язык, разные интересы и восприятие действительности сделают вас чужими. Таковы последствия всех разновозрастных браков. Во-вторых, у Иосифа трудный характер. Говорят, что он бывает вспыльчив и груб. Но главное, он, как и многие другие, стремится к власти, а власть портит людей, особенно если эти люди не имеют соответствующего воспитания и образования.

— Ну и что? — Надя вскинула головку с гладко зачесанными черными волосами, заплетенными в одну тугую косу, широко распахнула черные глаза и, плотно сжав маленький рот, воинственно выставила тяжеловатый подбородок. — Ну и что с того, что старше? А если я его люблю? Что тогда? Ну и что, что трудный характер? И у меня тоже характер, так значит, на мне нельзя никому жениться? А то, что Иосиф стремится к власти, так мне это даже нравится: значит, он не какая-то там посредственность, а человек дела и великой идеи, которую хочет претворить в жизнь активным в этом деле участием. Наконец, выходить замуж за такую серость, как Гуфельд, я не хочу. Или ты считаешь, что я обязательно должна выйти замуж за Гуфельда?

— Нет, я так не считаю, — тихо ответила Ольга Евгеньевна, хотя втайне именно так и считала, тем более что и Натан

Гуфельд увивался возле ее дочери. И тяжело вздохнув, добавила: — Смотри, доченька, не пожалеть бы потом.

Ах, как давно состоялся тот нелегкий для обеих разговор, как редко Надя вспоминала его, сколько всяких событий случилось за это время! Но неужели мама была права?

Их «свадебное путешествие» началось в начале июня 1918 года с поездки в Царицын, куда Ленин послал Иосифа добывать хлеб для голодающих рабочих Москвы, Питера и других промышленных городов Центральной России.

Они ехали на двух бронепоездах, мимо проплывали леса, поля, убогие деревни, богатые села, шумливые города, грохотали под колесами вагонов железные мосты. Деревушки пугливо отбежали вдаль, и оттуда, с косогорья, надвинув на подслеповатые окна-глаза соломенные шапки, хмуро разглядывали дымящие поезда. Просторно раскинувшиеся селения, наоборот, жались к железной дороге, выставив напоказ свои дворы, сады и огороды, церкви и пыльные площади; города теснились домами вокруг вокзалов и товарных станций, будто готовились к отъезду.

Чем дальше на юг, тем обширнее были поля с еще не сжатыми хлебами, с зелеными арбузами и дынями, длинными грядами цветущего картофеля, солнечными разливами подсолнечника, с просторными лугами, на которых паслись стада коров и овец, с прудами, покрытыми белой пеной уток и гусей. Глядя на всё это богатство, наполнявшее бескрайние сельские просторы, голод, охвативший столицу новой России и промышленные центры, казался чудовищной нелепостью..

На станциях продавали молоко, яйца, мед, ранние огурцы, черешню, молодой картофель, душистые караваи хлеба домашней выпечки, пряники, сдобные лепешки и пироги. Крестьяне за свои продукты предпочитали «керенки», еще охотнее меняли их на одежду и обувь, гвозди и керосин, которые по совету бывалых людей были прихвачены из Москвы специально для обмена, так что после Москвы все наедались до отвала.

Правду сказать, те, кто ехал в бронепоездах, настоящего голода не знали: власть себя и тех, кто ее охранял, кормила сносно, в самом Кремле даже с некоторыми изысками, но довольно однообразно. А тут такое изобилие. И все разговоры вертелись вокруг того, как накормить рабочих и армию, основу нового строя, как взять у крестьян это продовольствие, ничего не давая взамен, потому что давать практически было нечего: заводы и фабрики стояли, а уголь, нефть, железо и хлопок находились в руках у кадетов.

Иногда к самой железной дороге вылетали неизвестные всадники на разномастных лошадях, они дико свистели и что-то орали, стреляя в воздух, но гулкая очередь бортового пулемета заставляла их рассеиваться и пропадать из глаз.

По пути на юг Сталин встречался в своем вагоне с представителями местных властей, запирался с ними в специальном помещении для заседаний, выходил оттуда, то добродушно ухмыляясь в усы, то с холодным бешенством в еще более пожелтевших глазах и затвердевших скулах.

В любом случае Надя садилась за «Ундервуд», Иосиф диктовал ей короткое резюме на состоявшуюся встречу, а телеграфист на аппарате Морзе отстукивал это резюме в Москву предсовнаркома товарищу Ленину. Итогом такого резюме чаще всего было требование незамедлительной замены руководителя губернской соввласти на другого, более решительного и, несомненно, более преданного пролетарской революции товарища.

В Царицыне Иосиф с головой погрузился в бурлящий водоворот начавшейся гражданской войны, начисто позабыв о существовании своей юной жены. Домой, то есть в специальный вагон, отцепленный от бронепоезда, ушедшего громить белоказаков, рвавшихся к Царицыну с запада, Иосиф приходил поздно, иногда под утро, когда Надя уже спала. От него густо разило потом, табаком, иногда винным перегаром, конской мочой и польнью. Он клал на откидной столик тяжелый револьвер, медленно раздевался и, откинув одеяло, ложился к ней на узкое вагонное ложе, шарил по ее телу шершавыми ладонями, задирая ночную сорочку, молча и торопливо делал свое мужское дело и тут же засыпал как убитый.

Надя осторожно снимала со своей груди его безвольную руку, тихонько выбиралась из-под одеяла, переходила на постель мужа и долго лежала с открытыми глазами, глотая непрошенные слезы: не такими видела она супружеские отношения в своих девичьих грёзах, как-то не так должна была вершиться по ночам супружеская близость, и уж во всяком случае должен был Иосиф находить для нее при этом ласковые слова, говорящие о любви...

А за бронированной стеной вагона, в котором размещалась их крохотная с Иосифом квартирка, — как, впрочем, и штаб по заготовке хлеба и командование Царицынским фронтом — ни днем, ни ночью не прекращалась бурная и непонятная для Нади жизнь: раздавались гудки паровозов и сиплый рев речных буксиров, грохот сцепляемых вагонов, стук колес уходящих на север хлебных эшелонов, окрики часо-

вых, нервная стрельба патрулей, далекое татаканье пулеметов и буханье пушек.

Что происходило вокруг города и в нём самом, Надя узнавала из бумаг, которые в отдельном купе печатала на штабном «Ундервуде», из отрывочных реплик красных командиров. Происходящее пугало ее, заставляя болезненно сжиматься сердце. По ночам ей чудилось, как в город неожиданно врываются пьяные бородатые казаки и узкоглазые калмыки, рубя всех направо и налево кривыми саблями, захватывают в плен ее, Иосифа и всех остальных...

Боже, зачем только она согласилась ехать в этот Царицын!

Задевая за все выступы длинными саблями, скрипя ремнями, большие и горластые, топали по вагону командующий 10-й армии бронзоволицый, простоватый на вид Ворошилов, усатый командир кавалерийского корпуса Буденный, комиссар этого же корпуса Щаденко, командующий артиллерией фронта медвежеватый Кулик, поглядывая на Надю откровенно голодными глазами. От них, как и от ее Иосифа, разлило потом, табаком, самогонкой, полынью и конской мочой. Они были грубы, хвастливы, озлоблены, речь их была корява, и лучше всего они понимали друг друга, когда слабривали эту речь матерными словами.

Тихий, вежливый и предупредительный, появлялся в коридоре вагона начальник штаба Царицынского фронта Александр Ильич Егоров, бывший полковник царской армии. Он осторожно нес на плечах свою тяжелую голову с аккуратно зачесанными назад густыми волосами, его грубое, будто вырубленное из мореного дуба неподвижное лицо не выражало ничего, кроме усталости и постоянного напряжения. На него иногда покрикивали на заседаниях штаба и Буденный, и Щаденко, и Ворошилов, недоверчиво косился и отпускал колотые замечания Иосиф, но Александр Ильич из себя не выходил, ровного голоса не менял, только чаще окутывался дымом асмоловских папирос.

Часто и всегда неожиданно, будто только что стоял под дверью, с застывшей виноватой ухмылкой на узких губах в коридоре появлялся Генрих Ягода, бывший провизор, которого Иосиф прихватил с собой в Нижнем Новгороде. Этот Ягода, со странным ударением на втором слого своей фамилии, двигался всегда как-то излишне осторожно, будто весь состоял из острых углов и шипов и потому боялся задеть кого-то и поранить. При этом на угловатом лице его было написано сострадание и жалость к каждому человеку, на которого падал его смущенный взгляд, и даже ко всему человечеству, словно он нечаянно выдал этому человечеству не лекарство,

а нечто совсем противоположное. И Наде тоже. Да и пахло от него, как казалось ей, карболкой, рыбьим жиром и гнилыми зубами.

Между тем Наде было известно доподлинно, что бывший провизор в Нижнем Новгороде работал в Чека, а в Царицыне выполняет какие-то тайные и, надо думать, весьма щекотливые поручения Иосифа, что он подобран Иосифом не из милости, а исключительно потому, что Генрих Ягода находится в родстве с самим неукротимым председателем ВЦИКа Яковом Свердловым, с председателем Реввоенсовета решительным Троцким, и ей часто казалось, что Ягода представлен к Иосифу, чтобы следить за ним и за другими революционерами и докладывать о каждом их шаге в Москву.

А над этими людьми стояла в раздумье, опершись на сверкающую косу, сама Смерть, и, чувствуя ее смрадное дыхание, они делали всё, чтобы отбросить ее от себя подальше, натравив ее на своих врагов. А врагов у Иосифа и его товарищей по партии было слишком много, они рисовались воображению Нади многочисленными Кашеями Бессмертными, выступающими заодно со Смертью.

Однако, вопреки ожиданиям, под Царицыном эти люди Кашеев победили и Смерть от себя отогнали. Надя, которая долгие и тревожные дни Царицынской эпопеи провела за штабным «Ундервудом», печатая приказы, инструкции и всякие другие бумаги, в которых нередко мелькало слово «расстрелять» и которые чаще всего подписывал ее Иосиф и Генрих Ягода, постепенно осознала, что произошло это избавление от Смерти не в последнюю очередь благодаря железной воле и упорству ее мужа.

При этом Надя не думала о тех людях, которых ее Иосиф обрекал на смерть одним росчерком пера: перед ней была лишь бумага с ничего не говорящими ей фамилиями. Да и нервная обстановка, в которой она жила, заставляла ее думать исключительно о самой себе и любимом ею человеке.

С некоторых пор Надя смотрела на своего мужа не столько бездумно преданными, сколько изумленно испуганными глазами, не понимая, каким образом он сумел подчинить себе своевольную массу крикливых, грубых и сильных людей, каждый из которых во время споров, не соглашаясь с Иосифом, то и дело хватался за шашку и мог разрубить посланника Ленина пополам одним-единственным ударом.

Однако они не только не разрубили его, но всякий раз поникали перед ним, подобно провинившимся детям, а их хватание за шашки лишь доказывало их бессилие в споре с Иосифом, бессилие перед его великой правдой и его непонятной силой.

После царицынской эпопеи Иосиф уже не брал с собой жену, она оставалась в Москве, в кремлевской квартире, работала в секретариате Фотиевой, где работали почти все жены, дочери и сестры руководящих партийных работников.

Здесь об Иосифе вспоминали не часто, но всегда с ноткой пренебрежения и превосходства, потому что каждая из женщин, в большинстве евреек, принадлежала к лагерю своего мужа, а мужа их ее Иосифа не жаловали, считая неотесанным горцем, серой бездарностью, случайно и явно ненадолго оказавшейся наверху.

Особенно часто в женском обществе осуждали Сталина за его постоянные конфликты с Троцким, которого боготворили за несгибаемую революционность, решительность и красноречие, осуждали громко, чтобы слышала Надя и, возможно, передавала их слова своему мужу. Когда же Троцкого и Сталина одновременно наградили орденами Красного Знамени, многие пожимали плечами и говорили, что Троцкого, командующего всеми революционными войсками, в том числе и военным флотом, — это понятно и оправдано, а вот Сталина, который никем и ничем не командовал...

Из-за всего этого Надя чувствовала вокруг себя пустоту, ей было обидно, что ее мужа ни во что не ставят, что у всех на устах лишь Ленин, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Дзержинский да Бухарин. И хотя Сталин являлся членом Политбюро, состоявшим из пяти человек, то есть в иерархии власти занимал одно из ведущих мест, Наде хотелось, чтобы ее Иосиф был не ниже других и в глазах окружающих ее людей, чтобы о нем говорили так же уважительно и даже восторженно, как и о других вождах революции.

После окончания Гражданской войны миновало больше года. Теперь Иосиф почти никуда не ездит, возится с бумагами и все заседает, заседает и заседает, словно не замечая, что над ним откровенно подтрунивают, а иногда и просто издеваются все, кому только не лень...

Но не один Сталин был мишенью для злых языков. Надя всем своим существом чувствовала всеобщую вражду и неприязнь каждого к каждому, особенно усилившиеся с болезнью Ленина. Иногда ей казалось, что в центре этой вражды стоит ее Иосиф, стоит в одиночестве, всеми покинутый, и вот-вот случится нечто ужасное и непоправимое: все накинутся на него и, если не растерзают, то наверняка прогонят куда-то далеко-далеко, где живут одни лишь грубые и невежественные люди. Ей хотелось как-то защитить любимого человека, предупредить его, — но о чем? — и Надя лишь плакала по ночам, боясь и ни на что не решаясь.

Конечно, теперь ее Иосиф постоянно рядом, но оттого, что он рядом, мало что изменилось в жизни самой Нади. И хотя за окном давно не стреляют, хотя их уютную квартиру в самом центре Кремля охраняют не только древние стены, но и многочисленные часовые, ощущение опасности, которое накрепко засело в ее голове еще в Царицыне, нисколько не уменьшилось. Главное же — не видно, чтобы такая ненормальная жизнь когда-нибудь кончилась.

Надя посмотрела на мужа, спокойно и старательно раскуривающего трубку, подумала: «Неужели я жалею, что вышла за него? Неужели я действительно хочу привязать его к своей юбке? А ведь ему, с его-то характером да в такой атмосфере наверняка работать очень непросто, и я обязана поддерживать его и помогать ему. Но как, если он не нуждается ни в моей поддержке, ни в моей помощи?»

Надя уловила едва заметное движение на лице мужа, спросила несмело:

— Иосиф, а как здоровье Владимира Ильича?

Сталин пыхнул дымом, медленно поднял голову, глянул на жену изучающим взглядом, ответил, но не сразу, а будто сперва произнеся фразу в уме, как это делают все, кто не слишком уверенно владеет чужим языком:

— Ужьє нэскалко луччэ.

— У-же нес-коль-ко луч-ше, — по складам поправила мужа Надя, потому что он настойчиво просил ее об этом, стараясь освоить русский язык, с которым у него было далеко не все ладно, хотя писал по-русски более-менее грамотно.

Сталин кивнул головой, сощурился и как бы ушел в себя: Надя догадалась, что он повторяет про себя каждое слово.

Вот он снова поднял голову, спросил, старательно выговаривая:

— Как тебе работается с Фотиевой?

— Хорошо. Она строгий, но справедливый товарищ. Ее в секретариате все уважают.

Сталин кивнул головой, словно другого ответа и не ожидал, медленно поднялся из-за стола и направился к двери. Надя провожала его до двери. Она могла бы рассказать ему значительно больше того, что сказала, но ее удерживало от этого сосредоточенное молчание Иосифа. Впрочем, не только это. Она как-то попыталась пересказать разговоры, ведущиеся в секретариате Ленина. Иосиф выслушал ее, не перебивая и не задавая вопросов, долго молчал, расхаживая по комнате, потом остановился в двух шагах от нее, тихо произнес:

— Никогда не говори мне о таких вещах. Это не твоего ума дело. Ты ничего не можешь в этом понимать. — И еще раз повторил, но более жестко: — Ныкагда нэ гавары мнэ о таких вэшшах.

Что-то в его еще более пожелтевших глазах, в окаменевшем лице и самом голосе заставило Надю обмереть. Она поняла: он действительно не хочет этого слышать, он не хочет слышать это от нее, своей жены, он не хочет, чтобы она втянулась в партийные свары. А еще она догадалась — то ли по едва заметной усмешке, потерявшейся в усах, то ли по железной нотке в его глуховатом голосе, что Иосиф и без нее отлично знает, кто и что о нём говорит. Более того, ей показалось, что он надеется когда-нибудь спросить, жестоко спросить с этих людей за все свои нынешние унижения. И от этого ей стало страшно.

В отличие от жены у Сталина не возникало сомнения относительно того, правильно или нет он поступил, женившись на восемнадцатилетней Надежде Аллилуевой. Конечно, если бы он не почувствовал с ее стороны внимания к себе, то не рискнул бы сам это внимание привлекать: и некогда, и разница в возрасте слишком большая, и мог бы ничего не добиться, а самолюбие было бы уязвлено. Но когда оставалось самому сделать лишь шаг навстречу, он этот шаг сделал. И не жалеет об этом. Детски восторженное создание, юное, не залапанное тело — что еще надо для мужчины, для которого женщина — не самое главное в его жизни? Пусть будет рядом, пусть заботится о домашнем очаге, пусть этот очаг станет для мужчины местом душевного отдохновения. Большего от женщины и не требуется.

У двери Иосиф, в мыслях находясь далеко отсюда, механически чмокнул жену в щеку, даже не почувствовав этого, она его — в прокуренные усы, открыл массивную резную дверь и вышел из квартиры, расположенной на втором этаже бывшего Сената.

Глава 2

Сталин шел длинным коридором, шел не спеша, направляясь на заседание секретариата Оргбюро при ЦК РКП(б), руководителем которого являлся с прошлого года.

Со стороны могло показаться, что он идет несколько боком, но казалось так оттого, что левое плечо его было чуть ниже правого, левая рука была чуть короче и поражена сухостью — следствие жестокой расправы пьяного отца за какую-то провинность. Невысокий рост, среднее телосложе-

ние, небольшая, слегка удлинённая голова, покрытая густыми и жесткими черными волосами, зачесанными назад, с легкой рыжинкой у висков; далеко не сократовский, несколько скошенный назад лоб, рассеченный поперек двумя резкими упрямыми складками, черные брови вразлет, прямой нос, прокуренные черные усы с тонкими концами, с более заметной рыжинкой, чем виски, овальный подбородок с ямочкой, полные губы — обычное грузинское лицо, почти ничем не примечательное, разве что следами когда-то перенесенной оспы. Вот только глаза — они смотрели прямо перед собой, смотрели чуть вприщур, пристально и несколько в себя, удерживая на дистанции любого собеседника, не позволяя заглянуть в душу.

Одет Сталин во френч защитного цвета, застегнутый на все пуговицы, скрадывающий непропорциональность его фигуры, в такого же цвета полувоенные брюки, заправленные в мягкие — без подошв — кавказские сапоги. В правой руке черная папка, в левой потухшая трубка с коротким изогнутым чубуком. Трубку Сталин почти не выпускает из рук: она помогает ему отвлечься в затруднительных случаях, «потянуть» время и либо найти нужный ответ, либо уйти от скользкого вопроса. Случалось, он забывал трубку, тогда хватался за первый попавшийся предмет, но с трубкой получалось значительно лучше.

Сталин шел по коридору, устланному толстой ковровой дорожкой, шел мягкой скользящей походкой, в которой было что-то кошачье и неуловимо настороженное. Коридор из экономии освещен весьма скупо, и фигура Сталина скользила вдоль стены и больших резных дверей едва приметной тенью.

Вот он дошел до широкой площадки и ведущей вниз мраморной лестницы, тоже устланной ковровой дорожкой. Задержавшись на мгновение, стал спускаться по ней шупающими шагами.

Снизу поднимался гул голосов, иногда прерываемый взрывами смеха. На лестничной площадке кто-то с малороссийским выговором рассказывал что-то смешное, стараясь перекрыть и гул, и смех; голос рассказчика, высокий, захлебывающийся, будто боящийся, что его оборвут, звучал почти истерически.

Сталин остановился на ступеньках лестницы, вслушался в возбужденный голос.

— Приходит Ленин к Сталину в оргбюро, стучит в дверь, — захлебывался от восторга рассказчик, довольно точно копируя и голос Ленина, и голос Сталина. — «Кто там?» — спра-

шивает Сталин. «Это я, товагищ Ленин, — отвечает Владимир Ильич. — Мне нужна выписка из постановления политбюро по вопгосу о богьбе с бюгокхатизмом. Не могли бы вы, товагищ Сталин, дать мне ее в схочном похядке?» — «Нэ магу, Владымыр Ильч, — отвечает Сталин. — Втарой дэн ишшу, ныкак найты нэ магу».

Дружный и какой-то даже радостный смех оборвал слова рассказчика, и тот, воодушевленный этим смехом, продолжил восторженно-истерически:

— Но это еще не все, товарищи! Самое главное впереди! Слушайте!.. Открывает Владимир Ильич дверь, а на него из двери вываливается гора бумаг, и гдей-то в этой горе ктой-то копошится. Ленин и спрашивает: «Товагищ Сталин, вы игде?» — «Сдэс я, таварыш Лэнын, уже да самого пола дарылса, бумагу нашел, вылызты ныкак нэ магу».

Взрыв хохота Сталин почувствовал даже ногами: ступени лестницы, на которых он стоял, вдруг, показалось, дрогнули и мелко затряслись. Сталин сощурил глаза, недобро усмехнулся и, хотя хохот еще не затих, стал спускаться вниз.

Он прошел мимо толпящихся на площадке людей, глядя прямо перед собой. Лицо его было спокойно, непроницаемо спокойно.

Его проводили молчаливыми взглядами, на лицах всё еще блуждали улыбки поспешно задавленного, однако еще не вполне отпустившего людей смеха, и едва Сталин скрылся за поворотом, взрыв хохота, еще более сильный, еще более радостный, догнал его в коридоре и заставил крепко, до боли в скулах, стиснуть зубы.

«Ничего, — подумал Сталин, продолжая вышагивать всё так же неторопливо. — Смеется тот, кто смеется последним».

В коридоре тоже стояли люди, по два и по три, о чем-то беседуя между собой в ожидании начала заседаний различных и весьма многочисленных комиссий.

Сталина стремительно обогнал подпрыгивающей походкой Николай Бухарин, главный редактор «Правды», член ЦК РКП(б), член Исполкома Коминтерна и многих всяких комиссий и комитетов. У Бухарина острый язык, в своих высказываниях по адресу тех или иных партийных деятелей он не щадит никого, полагая, что имеет исключительное право на такие оценки. Даже Ленин далеко не всегда избегает бухаринских саркастических стрел. Впрочем, и ему отвечают тем же. Троцкий, например, прочно приклеил к Николаю Ивановичу кличку «Коля Балаболкин».

Когда-то именно Николай Бухарин, только что вернувшийся из эмиграции, оттеснил Сталина на вторые роли в га-

зете «Правда», а потом и вовсе выжил из редакции. Это ему принадлежит прозвище «кремлевский сиделец», данное Сталину, как только тот обосновался в Москве после неудачной польской кампании.

Действительно, Сталин теперь занимал — помимо членства в Политбюро — должности наркома по делам национальностей и по совместительству — наркома Рабоче-крестьянской инспекции, заседая то там, то здесь, то еще где-нибудь, почти не покидая Кремля, не выступая ни на заводах и фабриках, ни перед московским партийным и советским активом, редко выступая даже на съездах партии, предоставив это Троцкому, Каменеву, Бухарину и другим любителям поговорить и покрасоваться на трибунах перед народом.

Бухарин протопал мимо Сталина, подрыгивая ягодицами, прижимая к боку объемистый портфель, и скрылся за одной из дверей. Не остановился, не оглянулся, прошел, будто мимо пустого места. Правда, они сегодня уже виделись: Бухарин просил Сталина поставить перед Политбюро вопрос об увеличении штата сотрудников «Правды», но все равно: мог бы оглянуться, слово молвить либо просто кивнуть головой.

Неприязнь Сталина и Бухарина обоюдна, но тщательно скрывается за цветистыми фразами о единстве партийных рядов и едиными марксистскими взглядами на происходящие события. В душе Сталин считает Бухарина слишком непостоянным, вертлявым, не способным на серьезные практические дела интеллигентом, потерявшим связь не только с народом, но и с родиной. Впрочем, не одного только Бухарина, но и всех тех, кто многие годы просидел в эмиграции, не подвергаясь опасностям, никем не руководя, занимаясь пустопорожними рассуждениями, кто вернулся в Россию лишь тогда, когда здесь всё перевернулось вверх дном. Бухарин, наоборот, считает Сталина сугубым практиком, бюрократом по натуре и слишком ревностным строителем централизованного бюрократического аппарата власти, который погубит в конце концов, если Сталина не остановить, и партию, и революцию, о чем Бухарин и твердит на каждом углу.

Бухарина понять можно: он всю жизнь боролся именно с таким аппаратом власти, только называлась эта власть царской, и полагал, что новая бюрократия не может быть лучше только потому, что коммунистическая, ибо любая бюрократия сдерживает полет его, Бухарина, революционной фантазии. Однако Бухарин если и борется с бюрократией, то наскоками, уверенный, что с победой мировой революции бюрократия отомрет сама собой, потеряв свое значение для народных масс — отомрет наподобие хвоста у обезьяны, став-

шей человеком. Бухарину некогда заниматься мелочами: он весь нацелен на мировую революцию. И убежден, что в том недалеке, когда эта революция свершится, сталиным не останетса места. Разве что на периферии, в какой-нибудь Тмутаракани, пока сама история не выбросит их на свалку.

Сталин к таким претензиям Бухарина относится с презрительной враждебностью. Он полностью согласен с Лениным, который не устаеа повторять, что власть чего-нибудь стоиа, если умеет себя защищать, а защищать лучше всего сможеа себя сильная, следовательно, жестко централизованная власть. Как в армии. Именно такую власть Сталин и создает.

Из-за поворота вывернул Лев Давидович Троцкий (Бронштейн), председатель Реввоенсовета Республики, член Политбюро, второй человек после Ленина по популярности и значению в партии и новом государстве, вернее, в том слое, который реально это государство представляет. Троцкий, как всегда, не один: его сопровождает свита не менее чем с полдюжины человек.

Лев Давидович, выставив вперед козлиную бородку, летящей походкой двигался по коридору навстречу Сталину. В круглых стеклах его пенсне дробились блики от коридорных ламп. Его свита, состоящая исключительно из евреев, следовала за ним чуть ли не вприпрыжку, боясь отстать от своего руководителя, благодетеля и кумира.

Не доходя до Сталина нескольких шагов, Троцкий демонстративно повернул голову в сторону и, слегка наклонившись, что-то громко стал говорить не то по-английски, не то по-немецки идущему за плечом помощнику, и все его спутники тоже, как по команде, повернули головы в ту же сторону.

Так они миновали Сталина, почти прижавшегося к стене, а миновав, дружно порскнули слишком уж наигранным смехом.

Троцкого и никого из его команды Сталин сегодня еще не видел, следовательно, весь этот нехитрый трюк был совершен с одной целью — пройти мимо, не заметить, не поздороваться, унизить. Так тонко унижать могут только образованные люди, пропитавшиеся мелкобуржуазным духом тлетворного западничества.

К интеллигентам, как, впрочем, ко всем образованным людям, у Сталина недоверие и неприязнь еще с юношеских лет, когда он, слушатель духовной семинарии, сошелся с кавказскими революционерами, почти сплошь из интеллигентов. Сойтись-то сошелся, да своим среди них не стал, потому что интеллигент к простому человеку относится, как прави-

ло, покровительственно, с некоторой долей превосходства и наигранного сочувствия. Послушаешь иного, так непременно поверишь, что именно страданиями трудового народа они все преисполнены до мозга костей, а копнешь поглубже — за каждым стоит личная обида к старому обществу и власти, не оценивших их талантов, не пустивших в свой замкнутый круг. Такие люди остаются революционерами и радикалами лишь до той поры, пока не удовлетворят своего честолюбия, своего стремления к власти, пока сполна не отомстят своим обидчикам, и как только это случится, революционная шелуха с них слетает, и они предстают перед миром еще более жестокими сатрапами и реакционерами.

Сталин искренне полагает, что власть над людьми — это не столько результат соответствия высоких способностей с высокой же целью, сколько удовлетворение потребностей честолюбивых личностей. При этом идеология для них имеет второстепенное значение. С такими людьми надо держать ухо востро, иначе продадут с потрохами. Себя Сталин к таким личностям не относит. При этом помощников себе выбирает не столько по уму, сколько по личной преданности. Так красавица подбирает себе неказистых подруг, чтобы блистать на их сереньком фоне и, в то же время, доставлять им удовольствие греться в лучах ее броской красоты. Разумеется, Сталин в помыслах своих далек от этого, но закон природы в таких случаях действует на всех одинаково: и на женщин, и на политиков, и на ученых мужей.

Увы, не всех помощников Сталин может подбирать себе сам, иных ему навязывают. И он вполне понимает, почему это делается: всем хочется знать, что делает и думает их соратник, не готовит ли исподтишка какой-нибудь пакости — нет, не революции и советской власти, а другому своему соратнику. В этой слежке всех за всеми Сталин не отстает от других. И делает это, опираясь на аппараты своих наркоматов и секретариата, где у него полно своих людей.

Проводив глазами команду Троцкого, Сталин лишний раз убедился в своей уверенности, что метод борьбы за власть напрямую зависит от воспитания, образования и поставленной перед собой цели. И даже — от национальности. Впрочем, ему, Сталину, в этой среде не привыкать к подобным трюкам. Здесь сумма власти ведет себя подобно лужице ртути, выплеснутой на неровную и неустойчивую поверхность, постоянно колеблясь и перетекая то в одну сторону, то в другую. Он твердо знает лишь одно: надо делать свое дело, обрастать своими людьми, терпеть, ничего не забывать и не прощать.

Сталин чуть шевельнул плечами, еще больше сощурил всё замечающие глаза, пошел дальше, неторопливо и бесшумно. Дыхание его не сбилось, биение сердца осталось ровным, однако в душе пролег еще один шрам, который даст о себе знать через годы.

Глава 3

Секретариат Цэка заседает с десяти часов утра, делает короткие перерывы на обед и полдник и будет заседать, решая текущие вопросы, до позднего вечера. А вопросов прорва, их не перерешаешь и за год, тем более что каждый новый день снимает одни вопросы, усложняет другие, ставит сотни и сотни новых, иногда мелких и никчемных. Однако Сталин накрепко усвоил еще по Царицыну, что в работе с людьми мелких вопросов не бывает: игнорируя мелкие вопросы, можно друга превратить во врага; обращая внимание на будто бы мелочь, можно врага сделать другом; наконец, действительно сложные вопросы решать значительно проще, когда не мешают мелочи.

Главные вопросы обычно рассматриваются в Оргбюро, оттуда часть из них выносится на заседания Совета Труда и Оборона или еще выше — на Политбюро. Членом всех этих руководящих органов Сталин состоит тоже, ему принадлежит право выдвигать в качестве первоочередных одни вопросы и отодвигать во вторую и третью очередь другие. Многих соратников Сталина это бесит, и они не жалеют шпилек в адрес бюрократического аппарата и главного бюрократа товарища Сталина, однако ничего лучше этой бюрократической системы предложить не могут.

Основным вопросом советской власти с первых же дней ее существования, вопросом ее коренной политики и вопросом жизни и смерти являлся — и является до сих пор — вопрос о хлебе, о снабжении продуктами питания городов, промышленных центров и Красной армии, следовательно, об отношении к крестьянству. Чтобы добыть хлеб, из Москвы во все концы необъятной страны постоянно направляются представители, наделенные чрезвычайными полномочиями. От московских полпредов зависит судьба руководителей губернских советов, партийных комитетов, Чека и даже командиров и комиссаров воинских частей, от них зависит, будет или нет в Москве и Питере хлеб, будут или нет рабочие поддерживать советскую власть. Кого послать, какие дать инструкции, как оценить действия посланца — всё это решается в первую очередь на заседаниях Секретариата.

Частенько на эти заседания вызываются губернские руководители с отчетами; случается, что этих руководителей здесь же снимают с должности, иных тут же отдают в руки Чека, а вместо них назначают новых, более решительных, более тонко понимающих текущий момент, следовательно, более преданных партии и революции и, в известном смысле, товарищу Сталину.

Подойдя к двери, за которой заседает Оргбюро, Сталин увидел шагающего по коридору низкорослого, коротконового, квадратного человека. Человек шел, переваливаясь по-утиному, из-за его плеча выглядывал его неизменный спутник, молодой еврей с шапкой чёрных спутанных волос и круглыми очками с сильными стеклами на угреватом носу. В идущих навстречу Сталин узнал руководителя Петрограда Зиновьева и его женоподобного помощника, о которых злые языки поговаривают, будто бы связывают их не только слуховые отношения. Подумал: Зиновьев в последнее время проявляет повышенную активность, которая направлена в основном против Троцкого, оттеснившего ближайшего сподвижника Ленина на вторые роли. В борьбе с Троцким Зиновьев спелся с Каменевым, оба собирают вокруг себя всех, кого обидел или обошел вниманием председатель Реввоенсовета республики и наркомвоенмор. Конечно, Троцкий — слишком яркая фигура, способная затмить многих, но именно эта самородная яркость и дальнорукость слепят ему глаза, мешая видеть то, что под носом, как раз те самые мелочи, которыми опасно пренебрегать.

Сталин подождал, когда Зиновьев подойдет ближе, сам сделал ему навстречу несколько шагов, скупой улыбнулся:

— Как дела в колыбели революции, товарищ Зиновьев? — вместо приветствия спросил он, протягивая руку.

Одутловатое лицо Зиновьева расплылось в приветливой улыбке, хотя глаза оставались холодными и настороженными.

— Идем на всех парах к мировой революции, — ответил он, пожимая руку Сталина. — Боремся с контрой, сплачиваем ряды. На бюрократические ухищрения времени у нас не остается.

— Что ж, прими поздравления от главного бюрократа РСФСР. Поделись опытом. Хороший опыт нам не повредит.

— При случае, при случае, — хохотнул Зиновьев. — Если у тебя, Коба, для этого найдется время. — И, согнав с лица улыбку, спросил: — Каменев у себя, не знаешь?

— Был у себя... час назад.

— Следовательно, и сейчас у себя: Лёве, чтобы сдвинуться с места, нужны сутки, — серьезно произнес Зиновьев, отпуская руку Сталина. И тут же, спохватившись: — Послушай, Коба. Там у тебя, в Секретариате, постановление Коминтерна о приеме в ВКП(б) еврейской компартии. Чистая формальность, поскольку постановление Коминтерна обязательно к исполнению любой компартией. Рассмотрю вне очереди. Люди ждут, горят желанием встать в ряды преобразователей мира. Нам очень нужны эти люди. Двадцать тысяч активных, деятельных товарищей — это большая сила. Надо принять их скопом, без бюрократических проволочек.

— Хорошо, Григорий, мы рассмотрим, — ответил Сталин, и глаза его настороженно пожелтели.

— Как освобожусь, загляну. Есть идеи, — покровительственно похлопал Сталина по плечу Зиновьев, не заметив этой желтизны.

— Буду рад послушать твои идеи, — тоже без улыбки и даже, пожалуй, слишком серьезно ответил Сталин и взялся за бронзовую ручку двери, подумав при этом: «Зиновьев с Каменевым явно что-то замышляют. А двадцать тысяч «зиновьевцев», далеких от интересов рабочего класса, которые наверняка займут руководящие посты в партии и госорганах, — это скорее опасность для партии и пролетарского государства, а не их усиление. Надо будет разузнать, что они с Каменевым задумали».

Глава 4

В просторном помещении за длинным столом уже собрались все члены секретариата Оргбюро. Одни тихо переговариваются, другие молча шелестят бумажками. Бородки, усы, очки или пенсне, галстуки, белые воротнички, поношенные пиджаки, иногда косоворотки. Судя по физиономиям — рабочих двое-трое и ни одного крестьянина. Интеллигенцией тут тоже не пахнет. Много нерусских. Особенно евреев. Это и понятно: евреи так давно боролись за свои права против царской власти, которая им прав не давала, что теперь не намерены никому уступать право самим строить такую власть, которая бы эти права не только не ущемляла, но и расширяла. Вместе с евреями за свои права борются и представители других угнетенных народов: грузин, армян, украинцев, прибалтов, венгров, поляков и прочих и прочих. Это и есть интернационализм в действии. Что касается русских, то им никаких прав и не нужно: их у русских и так сверх всякой меры. Более того, надо кое-что и урезать. В том числе и такие,

как право угнетать малые народы и национальности. А пролетариат и трудовое крестьянство национальности не имеют, следовательно, им национальные права вообще без надобности. Русская партийная интеллигенция с пониманием относиться к такой постановке вопроса отчасти из чувства вины и самоуничижения, отчасти из боязни, что у нее отнимут не только национальные, но и всякие другие права.

В помещении сдержанный гул голосов плавает в густых слоях табачного дыма. Иногда в углу раздается короткий взрыв хохота: это Лазарь Каганович, один из трех секретарей Цэка, рассказал очередной анекдот про бедного Зяму. В анекдотах Лазаря Зяма всегда бедный, всегда бессребреник, как в русских сказках Иван — всегда дурачок.

Ждали Сталина.

Тот вошел ровно в пять, минута в минуту, не задерживаясь прошагал в дальний конец стола и занял свое председательское место.

По правую руку от него сидит Вячеслав Михайлович Молотов, похожий на кота: круглолицый, неразговорчивый, с усами щеточкой и круглыми стеклами пенсне на коротком носу. Он сосредоточенно перелистывает бумаги и весь погружен в это довольно скучное для многих занятие. По левую руку — Лазарь Моисеевич Каганович. Все трое — секретари Цэка, но Сталин — еще и член Политбюро, следовательно, главный среди прочих. Однако власти у товарища Сталина практически никакой, зато возможности безграничны.

— Ну что ж, продолжим, — негромко произнес Сталин, усевшись в свое кресло, и вопросительно глянул на Молотова. — Что у нас там дальше, товарищ Молотов?

— Д-дальше, т-товарищ С-сталин, у нас за-заявление т-товарища К-калнинша Г-генриха Оттовича, ч-члена Р-рКП(б) с де-девятнадцатого г-года, о не-неправильном, н-на его в-взгляд, ре-решении Во-воронежского губкома об отстранении его от занимаемой до-должности, — доложил Молотов, сильно заикаясь, но постепенно, по мере говорения, сглаживая и исправляя свою речь.

— Какую должность занимал товарищ Калнинш? — тут же спросил Сталин.

— Зампредгубсовета по работе с крестьянством. В решении губкома записано, что товарищ Калнинш постановление Политбюро о проведении новой политики по отношению к крестьянству воспринял в корне неправильно, вел себя по отношению к крестьянской массе грубо, вызывая, провоцируя ее на необдуманные, опрометчивые действия, в результате чего произошли столкновения между крестьяна-

ми одного из уездов с посланными туда представителями губсовета. Имеются жертвы с той и другой стороны. Губком рекомендовал использовать товарища Калнинша на другой работе, но товарищ Калнинш отказался. Кстати, — добавил Молотов, — до настоящей должности товарищ Калнинш входил в особую тройку Пролетарской дивизии, где проявил себя с положительной стороны.

— А кем товарищ Калнинш был до девятнадцатого года?

— До девятнадцатого года он состоял в меньшевиках, — ответил Молотов, заглянув в бумаги.

— Пригласите сюда товарища Калнинша, — произнес Сталин, ни к кому не обращаясь, и сидящий на противоположном конце стола молодой остролицый еврей с рыжеватой барашковой шевелюрой вскочил, подошел к двери, открыл ее и, высунувшись в коридор, крикнул:

— Товарищ Калнинш, вас таки уже просят взайтить! — доказывая построением своей фразы, что он, скорее всего, выходец из Одессы.

В комнату вошел высокий и широкий в кости человек, с большой головой, маленькими светлыми глазками и мощной нижней челюстью, одетый в полувоенный френч и обутый в высокие — до колен — сапоги.

Ему предложили сесть за отдельно стоящий столик.

Стул с высокой спинкой жалобно скрипнул под грузным телом товарища Калнинша. Положив руки-лопаты на стол, он выжидательно уставился на Сталина светлыми глазками из-под низко надвинутых белесых бровей.

— Чем вы объясните, товарищ Калнинш, ваше несогласие с решением губкома? — спросил Сталин и внимательно посмотрел на заявителя.

— Это не мощно объяснять, — пристукнул товарищ Калнинш огромным кулаком по инкрустированной крышке стола, и стол с резными гнутыми ножками времен, может быть, Екатерины Великой, издал жалобный хруст. — Это есть происфол секретар губком на мой честный имья. Я есть фыходить ис батрак, я имьеть понятий крестьянски шизнь. Руски крестьян есть ленифый тупость, он не хотеть поньимать слофа партия болшефик, слофа тофарыш Ленин. Я гофорьить ему: надо дафать хлеб кушать рабочи и Красны армий, голодающи Пофолшья, он посылать меня едрьена мать. Это не есть коммунизм, не есть порьядок партия болшефик, нофы польитьик не есть прафильны польитьик. Я так гофорить на губком, они не хотеть поньимать мои слофа.

— Хорошо, товарищ Калнинш, — прервал его Сталин. — Я думаю, товарищи, здесь всё ясно. Какие будут предложе-

ния по дальнейшему использованию товарища Калнинша в социалистическом строительстве?

Сталин посмотрел вдоль стола, заметил, как дернулся с места на дальнем конце молодой еврей, спросил:

— У вас есть предложение, товарищ Чистов?

— Да, товахьиц Сталин. Поскольку товахьиц Калнинш хьяботал в тхойке, напхьявить его в хьяспохьяжение товахьица Дзейхжиньського.

— Есть другие предложения? Нет? — Сталин повернулся к Калниншу. — У вас есть возражение против такой постановки вопроса?

— Не-ет, я не имьеть фосрашений, — кивнул тяжелой головой латыш. — Тофарыш Дзершински имьеть добры поньятий на мой имья.

— Подождите в коридоре, товарищ Калнинш. Через пять минут вам вручат постановление Оргбюро.

Латыш поднялся и вышел, осторожно прикрыв за собой тяжелую резную дверь.

— Следующий вопрос, — монотонно заговорил Молотов, когда за латышом закрылась дверь, — это вопрос о кандидатуре чрезвычайного комиссара по сбору продовольственных излишков в пользу голодающих Поволжья в Смоленской, Псковской и Новгородской губерниях. Наркомпрод рекомендует товарища Рафаильского Соломона Абрамыча, который хорошо показал себя в этой роли в Западной Сибири. Сейчас товарищ Рафаильский на пути из Сибири в Москву. Если мы утвердим эту кандидатуру, Наркомпрод даст ему телефонограмму, и он сразу же отправится в интересующие нас губернии.

— Ну, товарища Рафаильского мы все знаем, — произнес Сталин. — Это энергичный и преданный революции и партии товарищ. Он имеет положительный опыт работы по крестьянскому вопросу. Я думаю, что возражений не будет. — И с этими словами посмотрел вдоль стола.

— Нет, товахьиц Сталин, возхажений не будет, — тут же откликнулся неугомонный Чистов.

— Ну, раз товарищ Чистов говорит нет, значит, так тому и быть, — усмехнулся в усы Сталин.

Молотов пошелестел бумагами, повернулся к Сталину.

— Тут вот нам рекомендуют утвердить одного товарища на пост начальника управления распределения Наркомпрода.

— Кто рекомендует? Какого товарища? — спросил Сталин. — Они что — сами не могут решить этот вопрос?

— Рекомендует товарищ Рыков, член коллегии Наркомпрода, заместитель товарища Каменева. А рекомендуют они...

рекомендуют... — зашуршал бумагами Молотов, — рекомендуют товарища Вышинского... Кстати, представитель Наркомпрода, товарищ Халатов, тоже член коллегии, ждет в приемной. Что касается насчет того, что именно к нам, так должность очень ответственная, требует рассмотрения на Цэка.

— Хорошо, пусть заходит.

Всё тот же Чистов с готовностью кинулся к двери, позвал:

— Товахьиш Халатов, уже заходите!

В зал заседаний стремительно вошел молодой человек лет двадцати пяти, черноволос, черноглаз, с тонкими чертами лица, унаследованного от русской матери и турка отца.

— Здравствуйте, товарищи! — произнес он громко, даже, пожалуй, слишком громко, и улыбнулся радостной улыбкой.

Сталин, откинувшись на спинку стула, с любопытством разглядывал молодого человека. И, едва тот положил перед ним бумагу, с отпечатанным на ней текстом с фиолетовой печатью Наркомпрода, спросил:

— Скажи, молодой человек, Баграт Халатов — не твой отец?

— Мой, товарищ Сталин.

— А Вышинский — это не тот Вышинский, который в шестом году сидел в Баиловской крепости?

— Тот самый, товарищ Сталин.

— И что, он по-прежнему ходит в меньшевиках?

— Нет, товарищ Сталин: с двадцатого года товарищ Вышинский ходит в большевиках, — с лучезарной улыбкой ответил Халатов. И добавил: — Товарищ Вышинский показал себя в качестве юриста и практического руководителя знающим, умным и решительным работником в области распределения продовольствия и других материальных благ. Товарищ Каменев считает, что кандидатура товарища Вышинского на эту должность наиболее предпочтительна. Товарищ Рыков и я солидарны с этим мнением товарища Каменева.

— Что ж, это очень хорошо, что вы солидарны с товарищем Каменевым. Что от нас требуется, товарищ Халатов?

— Вынести этот вопрос на ближайшее заседание Цэка. Должность, которую мы предложили товарищу Вышинскому, очень ответственна и распространяется не только на Москву, но и на всю территорию Рэсэфэсээр.

— Как, товарищи, поддержим ходатайство Наркомпрода? — спросил Сталин, пробегая глазами бумагу.

— Кто за, прошу голосовать, — тут же подключился Молотов и, обежав глазами правую и левую стороны длинного стола, подтвердил, кивнув головой: — Принято единогласно.

Затем рассматривали вопросы о работе парторганизаций по проведению в жизнь новой экономической политики; о направлении на учебу в Коммунистическую академию партийных активистов с мест; о дополнительных пайках беременным женам ответственных партийных и советских работников; об утверждении решений губкомов об исключении из партии некоторых руководящих работников, замеченных в злоупотреблении своим служебным положением.

Несколько затянулось обсуждение вопроса об оскорблении товарища Шустермана товарищем Никоновым путем употребления по отношению к товарищу Шустерману со стороны товарища Никонова слова «жид». Товарищ Никонов, рабочий-партиец с пятого года, в свое оправдание ссылался на то, что раньше они, рабочие, да и все другие русские, даже слыхом не слыхивали о том, что жидов называют еще и евреями, что такого слова нет даже в Библии, что слово «жид» не является оскорблением, как не является оскорблением слово «немец» по отношению к германцам, а в Польше так и до сих пор используют слово «жид», и даже выходят газеты и журналы с употреблением этого слова; что, наконец, вот так вот сразу к этому новому слову не привыкнешь, когда с детства употребляешь другое и со всех сторон только и слышишь, что жид да жид. Однако товарищ Шустерман настаивал на том, что товарищ Никонов вложил в слово «жид» именно оскорбительный для товарища Шустермана смысл, и даже тогда, когда он был предупрежден об ответственности за оскорбление в соответствии с принятым сразу же после революции законом, продолжал употреблять это слово, показывая всем свое гнилое антисемитское нутро.

Оба, истец и ответчик, так разволновались, что пришлось их призывать к порядку. После чего было вынесено строгое порицание оскорбителю, от него потребовали тут же принести извинение товарищу Шустерману, что тот и произвел, оговорившись, что пусть тогда и товарищ Шустерман принесет ему извинение за неумытого кацапа и москаля. После чего оба пожали друг другу руки в присутствии членов секретариата и вместе покинули зал заседания.

Заодно было вынесено решение об усилении борьбы с искривлениями политики партии в национальном вопросе, о защите чести и достоинства нацменьшинств и усилении борьбы с великорусским национализмом и шовинизмом.

Затем долго дебатировали заявление товарища Троцкого о недопустимости при рассмотрении дел о групповом нарушении революционной законности со стороны некоторых членов партии начинать список нарушителей с еврейской фами-

лии. Постановили, что таковые списки должны обнародоваться таким образом, чтобы впереди стояла фамилия возглавителя преступной группы, независимо от национальности...

И прочее, и прочее, и прочее...

Шелестят бумаги, не громко, в тон председателю, высказываются члены Оргбюро. Скрипят перья двух женщин-секретарей, сидящих за отдельным столиком, записывающих каждое слово, произнесенное в этом помещении. Рутинная, вязкая болотная рутинная, которой не каждого заставишь заниматься.

Сталин посматривает на говорящих, щурится, трогает рукой прокуренные усы. Трудно понять, что он сам думает по тому или иному вопросу, соглашается с точкой зрения выступающего или нет. Только дав высказаться всем желающим, он предлагает кому-нибудь подвести итоги дискуссии, если таковая имела место, затем ставит вопрос на голосование. Руку поднимает последним, поддерживая большинство.

Часов в восемь вечера, когда уже рассмотрели около сотни всяческих вопросов, когда все устали и с трудом боролись с зевотой, в комнату вошел Лев Борисович Каменев, в связи с болезнью Ленина временно исполняющий его обязанности — обязанности председателя Совнаркома. Невысокий, грузный, фигурой похожий на своего друга Зиновьева, так же тяжело — по-утиному — переваливаясь, он молча прошел через всё помещение, остановился напротив Сталина, оперся обеими руками в крышку стола, не обратив внимания на предложенный стул, заговорил ворчливо:

— Коба, тут у тебя уже недели две лежит заявление от товарища Кацнельсона с просьбой направить его лечиться в Швейцарию или в Швейцарию. Товарищ вполне заслуженный, у него радикулит, полечиться ему совершенно необходимо.

Сталин посмотрел на Молотова, тот полистал свои бумаги, вынул одну из них, положил перед Сталиным.

— Вот, — произнес Сталин, показывая черенком трубки на лежащую перед ним бумагу. — Здесь товарищ Кацнельсон просит отправить его за границу вместе с семьей в количестве восьми человек... Откуда, товарищ Каменев, у рабоче-крестьянского государства возьмутся деньги на такую ораву? Или, может быть, все Кацнельсоны заболели радикулитом? Мы решили отказать товарищу в его просьбе. Лечить радикулит можно и в советской России.

— Я не знал, Коба, что речь идет о всей семье товарища Кацнельсона, — нахмурился Каменев и сел на стоящий рядом стул. — Мне он говорил... Впрочем, одного его отправить, я думаю, можно. Деньги для этого найдутся.

— Мы тоже так думаем, товарищ Каменев, — медленно произнес Сталин, отдавая Каменеву бумагу. — Если, разумеется, не будет возражений со стороны товарища Дзержинского.

— Феликс не будет возражать: я с ним разговаривал по телефону на эту тему, — заверил Лев Борисович. — Боюсь только, что Давид Израилевич один не поедет.

— Это дело товарища Кацнельсона, — негромко обронил Сталин и снова повернулся к Молотову.

— М-мда, — промывчал Каменев, вставая, всем своим видом демонстрируя крайнюю усталость. У двери остановился, обернулся, сделал в воздухе неопределенный жест рукой и произнес: — Тут к вам просится на прием секретарь ЦК ВКСМ товарищ Файвилович. У него вопрос по части... по части... Впрочем, он сам вам скажет.

С этими словами Каменев открыл дверь, кивнул кому-то, и в зал заседаний стремительно вошел молодой человек, сухопарый, рыжий до неправдоподобия, с горящими зелеными глазами, очень похожий на задиристого петуха. Он остановился возле Каменева, вопросительно глянул на него.

— Вот, — произнес Каменев, беря одной рукой Файвиловича за плечо и слегка подталкивая его к столу для заседаний. — Это и есть Файвилович. Прошу уделить ему внимание. — И вышел за дверь, оставив ее открытой, точно Файвиловичу предстоит отсюда позорное бегство.

— Мы вас слушаем, молодой человек, — произнес Сталин, насмешливо разглядывая рыжего представителя комсомольского Цэка, в растерянности топчущегося возле дальнего конца стола под пристальными взглядами членов Оргкомитета.

Файвилович точно ждал этого приглашения. Он кинулся к приставному столу, за которым сидел Сталин, с такой поспешностью, точно боялся, что его остановят и не дадут произнести ни слова, воткнул в стол обе руки с длинными пальцами и заговорил, глотая согласные:

— Мы в Цэка комсомола очень недовольны на отношение к нам старших товарищей из Цэка партии! — выпалил Файвилович. — Старшие товарищи считают, что мы годны лишь заниматься на второстепенных вопросах на бытовое строительство, которые имеют большое расстояние от революционной жизни наше рабоче-крестьянское государство. Такой постановке вопроса нам трудно воспитать молодых коммунистов, которые есть преданные делу революции, ибо они имеют погрязнуть в мещанский бытие... сознании, это самое... на дела рабочего класса и трудовое крестьянство, по-

сколько товарищ Маркс, наш гениальный учитель, учил уже нас на двумя ногами стоять на почве, которая... э-э... которую... создают и удобряют старшие товарищи... не подумайте... что я имею на вид прямом смысле слова, а, так сказать, политическая почва и экономическая надстройка...

Файвилович совсем запутался в почвах и надстройках и не заметил, как лицо Сталина стало подергиваться правой стороной, посерело, в глазах зажглись недобрые огоньки.

— Ви всё сказали, товарищ почвенник? — спросил Сталин в наступившей тишине. — Если вам нечего добавить по существу, то можете передать вашему Цэка, что они еще сопливые недоросли, чтобы учить партию и ее Цэка, как им управлять своим комсомолом. Можете бить свободни. Ми вас не задерживаем. И скажите там, чтобы вас больше сюда не пускали. Ни на какой почве.

— Как вы... как вы так можете говорить? — взвизгнул Файвилович, но в это время к нему подошел один из членов Оргкомитета, взял под руку и вытащил за дверь, приговаривая:

— Письменное указание ваш Цэка получит через курьера.

— Этот паршивый... не научился как следует говорить по-русски, а уже воображает, что может учить других, — произнес Сталин себе под нос, раскуривая трубку, но в тишине его слова услышали все, и над столом пронесся робкий шорох шевелящихся тел. Все поняли, что Сталин всё еще не перековался и что эта его оплошность лишний раз доказывает, как живуче прошлое и как трудно с ним расставаться, если даже член Политбюро... а что говорить об остальных, которые не евреи...

Сталин глянул вдоль стола всё еще мрачно горящими глазами, уловил сочувствующие взгляды русских и хохлов, недоуменные — евреев, постучал по пепельнице трубкой, усмехнулся и, пытаясь сгладить впечатление, добавил:

— Вот какими глупостями нам приходится заниматься, отрывая время от главных вопросов. Но — продолжим. Так какие у нас на сегодня еще вопросы, товарищ Молотов?

Пока Молотов листал свои бумаги, Сталин выдвинул один из ящиков стола, достал из него коробку и принялся выбивать в нее пепел из своей трубки.

— Осталось всего восемь вопросов, товарищ Сталин, — ответил Молотов, снял пенсне и погрузил его в платок, шевеля короткими пальцами.

— Хорошо, — кивнул головой Сталин. — Я думаю, мы должны закончить все наши вопросы, не оставляя их на завтра. Итак, следующий вопрос: о приеме членов... еврейской ком-

партии в ряды ВКП(б). Руководство ЕКП подало заявление о приеме своих членов единым списком. Этот вопрос был рассмотрен на заседании Коминтерна. У нас имеется решение Коминтерна по этому вопросу. Это решение говорит в пользу ЕКП. Но у нас, между прочим, имеется устав ВКП(б). А в нем черным по белому написано: прием в члены нашей партии осуществляется строго индивидуально. При этом нужны рекомендации трех членов партии. С партстажем не менее пяти лет. Рекомендуемые товарищи должны делом доказать свою преданность коммунистическим идеям, марксизму-ленинизму и пролетарскому интернационализму. У кого какие мнения на сей счет? Я имею в виду вынесение этого вопроса на ближайший пленум Цэка.

— Какой там пролетарский интернационализм! — с возмущением воскликнул один из членов секретариата, один из немногих настоящих пролетариев, волею случая поднявшихся столь высоко на волне революции. Его лицо, забронзовевшее и высохшее возле огнедышащей вагранки, со следами ожогов от брызг расплавленного металла, изрезанное глубокими морщинами, хотя его обладателю не было еще и пятидесяти, от волнения пошло синеватыми пятнами. — Там и рабочих-то раз-два и обчелся! — продолжил он, обращаясь непосредственно к Сталину, ища у него поддержки. — А всё больше лавочники, аптекари да адвокаты! И где вы видели другую компартию, в которой бы состояли люди только одной национальности? Что, извиняюсь, за коммунизм собиралась строить эта ЕКП? Только для одних евреев?

Но ни в Сталине, ни в ком другом такой поддержки он явно не видел и не чувствовал, а потому, еще больше волнуясь, размахивая руками, принялся запальчиво доказывать свою точку зрения:

— Я слышал, что в Германии есть партия национал-социалистов, которую настоящие немецкие коммунисты прозвали партией нацистов. Партия исключительно для немцев! Да! Отсюда, товарищи, я делаю категорический вывод: неправдашние коммунисты эти... которые из ЕКП, а, я бы сказал, национал-коммунисты. Вот. То есть на поверку выходит, что они такие же нацисты, как и немцы. А по всему по этому я решительно против. И что, позвольте вас спросить, скажут наши рабочие? У нас на заводах и так на жи... на евреев, которые из местечек, смотрят косо, потому что понаехали, всё им дай, они, глядите-ка, пострадавшие от царизма, а мы, русский пролетариат, тут выходит, с боку припека. Мы, выходит, не пострадали. Мы, значит...

Стук карандаша Молотова сбил выступающего с мысли, он несколько мгновений смотрел на Молотова непонимающими глазами, потом глянул на Сталина, возившегося с трубкой, точно его всё это не касалось, и закончил, торопливо комкая слова:

— Я, это самое, к чему веду? Я веду к тому, что если принимать, то, это самое, исключительно по уставу ВКП(б). И не в члены партии, а в кандидаты. Вот.

Достал из кармана измятый платок, трубно высморкался и затих, хмуря белесые брови.

Сидящий рядом с ним слесарь с завода Мехельсона незаметно под столом сжал его руку.

— Это мнение товарища Иваницкого. Оно, как всегда, грешит некоторой торопливостью, — заговорил Сталин, откладывая трубку в сторону. Заметив, как при этих словах дернулся товарищ Иваницкий, Сталин чуть приподнял ладонь над столом: — Не будем судить товарища Иваницкого слишком строго: он и его товарищи слишком, я бы сказал, натерпелись от заводчика Мехельсона. Такое не скоро забывается. — Спросил: — Есть другие мнения?

Шевельнулся Молотов, предупреждая «другие мнения»:

— Я полагаю, что вопрос все равно решать на пленуме Цэка. Наше дело — выносить или не выносить его на пленум. Тем более что есть решение Коминтерна...

— Еще кто желает высказаться? — спросил Сталин глуховатым голосом, оглядывая сидящих за столом. — Нет желающих? Ну, коль скоро даже Чистов не желает высказываться, ставлю на голосование. Кто за вынесение?

Не сразу, но поднялись все руки. Последним, ни на кого не глядя, поднял свою руку Иваницкий.

Одобрительно покивав головой, поднял свою руку и Сталин, подумав про себя, что впереди еще не одна чистка партийных рядов от примазавшихся элементов и что процентов семьдесят-восемьдесят членов ЕКП рано или поздно попадут в разряд примазавшихся. Время всех расставит на свои места, так что не стоит попусту ломать копыя.

Остальные вопросы были рассмотрены в пять минут.

Глава 5

Только в двенадцатом часу Сталин подходил к двери своей квартиры. Но и здесь, в темном коридоре за поворотом, его ожидали дела в лице личного секретаря Лёвки Мехлиса. Тот стоял у окна, почти скрывшись за тяжелой портьерой, и вышел из-за нее лишь тогда, когда Сталин приблизился шагов на пять.

Сталин вздрогнул от неожиданности, сунул руку в задний карман, где лежал маленький шестизарядный «браунинг».

Мехлис, человек лет тридцати с небольшим, ниже среднего роста, сухощавый, узкоплечий, с густой неряшливой шевелюрой, с фанатическим блеском оливковых глаз, приставленный к Сталину Троцким, но подпавший под влияние «кремлевского сидельца», был поверенным Сталина по щекотливым вопросам: что-то прониюхать, выведать, достать, отрегулировать на том уровне, где пахнет вчерашними щами, поношенными пальто, армяками и зипунами, но на чем держится власть, чьими соками она питается.

Мехлис предостерегающе поднял руки и заговорил свистящим шепотом, почтительно клонясь в сторону Сталина:

— Только что получил сообщение от нашего человека: Владимиру Ильичу стало хуже. — И выжидательно уставился на своего хозяина.

Сталин поволился в кармане, вынул оттуда платок, будто за ним и полез, увидев Мехлиса, но еще не разобрав, кто это, высморкался, убрал платок в карман, кивнул головой и, не произнеся ни слова, шагнул вперед, прямо на Мехлиса, и тот поспешно уступил ему дорогу. Лишь взявшись за ручку двери, Сталин произнес:

— Держи меня в курсе.

Открыл дверь и скрылся в своей квартире.

Из кухни на звук открываемой двери вышла Надежда Сергеевна, в нерешительности остановилась, не доходя трех шагов до мужа.

— Мне бы умыться, — произнес Сталин, расстегивая пуговицы френча. — А потом чаю.

— Чай у меня уже готов, — ответила Надежда Сергеевна, принимая из рук мужа френч. — Тебе помочь?

— Если тебе не трудно.

— Ну, какие могут быть трудности, Иосиф! — всплеснула она свободной рукой. — Давай я помогу помыть тебе спину. Снимай рубашку... Боже, ее уже надо стирать!

Потом они в молчании пили чай.

Сталин, медленно пережевывая бутерброд с колбасой, просматривал сегодняшние газеты, иногда задерживаясь на отдельных абзацах и шурясь, точно видел за печатными строчками людей, их написавших. Иногда что-то подчеркивал толстым мягким карандашом. Его привлекла статья известного журналиста Радека, в которой переход к нэпу рассматривался как отступление мировой революции перед житейскими трудностями, вызванными разрухой и нежеланием рус-

ского крестьянства входить в трудности переходного периода к мирной жизни после стольких лет гражданской войны. В принципе Сталин был согласен с такой постановкой вопроса. Действительно, если всякий раз оглядываться на отсталое крестьянство и другие мелкобуржуазные слои, то мировую революцию придется отложить на неопределенное будущее. А что сулит это будущее, никому не известно. Даже Ленину, убедившему Цэка, что время фронтальных атак миновало, и теперь РСФСР может и должен оказывать положительное, следовательно, и революционное, влияние на мировые процессы своими успехами в социалистическом строительстве. И с этим трудно спорить.

Надежда Сергеевна убрала со стола, помыла посуду, ушла в спальню, а Сталин всё еще сидел за столом, обложившись книгами, что-то иногда выписывая на отдельные листочки бумаги крупными буквами. В прокуренных крепких зубах торчала потухшая трубка, шуршали страницы, шуршал по бумаге карандаш. Сталин наверстывал упущенное время, когда беспечно относился к своему образованию, полагая, что имеющихся знаний для революционной борьбы вполне хватит, не подозревая, что еще при его жизни случится революция и потребуются новые знания.

Глядя на этого человека, можно подумать, что он уже хорошо отдохнул, что позади у него не было долгого дня заседаний: выглядел Сталин свежим, лишь под глазами залегли серые тени да рука иногда останавливала неспешное движение карандаша по бумаге и замирала, в то время как сам Сталин, откинувшись на спинку стула, смотрел прямо перед собой немигающими глазами.

Перед мысленным взором его проходили люди, с которыми он так или иначе сталкивался днем. Он слышал их речи, вдумывался в слова, вникал в интонации голосов, изучал позы, выражение глаз. Его феноменальная память не упускала ни малейшей подробности и, складывая всё вместе, позволяла делать выводы о пригодности того или иного человека на то или иное дело.

К своим личным наблюдениям Сталин присовокуплял информацию, стекающую к нему по линии Рабкрин и Наркомнаца. Если наркомат по делам национальностей ему навязали, то создать партийный орган под названием Рабоче-крестьянская инспекция Сталин предложил Ленину сам. Ленин с горячностью поддержал эту идею. С некоторых пор Рабкрин — это собственное ГПУ Сталина. Действительно, не бегать же за каждой справкой о том или ином совпартработнике к Дзержинскому. И не набегаешься, и подозритель-

но, и своих дел у Дзержинского выше головы, и нет уверенности, что даст всю информацию, не прибережет что-то для себя.

Более того, в информации по линии Рабкрин и Наркомнаца куда больше характеризующих текущий момент фактов, чем в любой другой, поступающей наверх как по линии ОГПУ, так и партийных органов. В Рабкрин пишут рабочие и крестьяне, учителя и врачи, чиновники и партработники, красноармейцы и командиры Красной армии, ученые, писатели, поэты, актеры, — все, кто отчаялся найти правду в другом месте. Они выплескивают свои нужды, заботы, боль, зависть и ненависть в жалобах, заявлениях и просто в доносах. Благодаря этой информации, которую сортируют по категориям в отделе писем Рабкрин, Сталину нет нужды ездить по стране, выступать на митингах, принимать гонцов и ходатаев с мест, он и без того уверенно держит руку на пульсе страны, чувствуя неровное биение ее усталого сердца. Информацию по линии Рабкрин дополняет информация по линии Наркомнаца, что позволяет Сталину знать не только о том, что творится на местах, но еще и о тех или иных государственных и партийных деятелях, знать такое, что каждый из них прячет от чужих глаз пуше, чем иной скопидом прячет свое богатство.

Однако Сталин далеко не со всеми делится даже крохами имеющейся у него информации. Именно в качестве информаторов Рабкрин и Наркомнац вполне устраивают Сталина. Поэтому он даже не пытается «реорганизовывать» тот же Рабкрин, несмотря на все попытки Ленина придать Рабкрину вид не столько собирающего информацию ведомства, сколько контролирующего деятельность верховной власти со стороны рабочих и крестьян.

Помимо всего прочего Сталин твердо знает, что нищую, разоренную войнами страну вытащить из пропасти, не дать раздавить ее мировому империализму можно лишь в том случае, если в ней действует единая воля, направленная на единую цель. Ему претит разногласия на заседаниях СТО, Совнаркома и Политбюро, он видит, что на этих заседаниях сталкиваются не столько обоснованные теорией практические точки зрения на реальное положение вещей, сколько непомерно раздутые амбиции отдельных вождей. Троцкий, например, пытается затмить всех своим остроумием и радикализмом; Зиновьев с Каменевым, как два близнеца, держатся вместе с тех октябрьских дней, когда они выдали Временному правительству дату большевистского восстания своей статьей в газете Максима Горького «Новая жизнь». Тогда

Троцкий особенно на них напустился, грозя им всякими карами, и они с тех пор с недоверием и опаской поглядывают на наркомвоенмора, время от времени набрасываясь на него так, будто тот сейчас же, прямо с заседания, пошлет их под пули. Бухарин тужится переплюнуть Троцкого и в радикализме, и в остроумии, остальные качаются то в одну сторону, то в другую...

Один лишь Ленин пытается сгладить острые углы и заставить всех делать общее дело.

Дело делается, но со скрипом. А с тех пор, как Ленин безвылазно сидит в Горках, прикованный к постели, окруженный зарубежными светилами от медицины, сглаживать углы некому, они всё более выпирают, заслоняя текущие вопросы. И самое опасное — почти антисоветские настроения в армии среди командного и политического состава, подогреваемые Троцким. К тому же от армии осталась лишь десятая часть, то есть менее пятисот тысяч человек, и те плохо вооружены, довольствие получают по заниженным нормам. В армии процветает воровство, дисциплина почти отсутствует, начнись какая-нибудь заварушка, воевать некому. Надо создавать новую армию, совершенно на других основах, растить новый командный состав, временно опираясь на опыт и знания бывших царских генералов и офицеров, но Троцкий, инициатор привлечения в армию бывших царских офицеров и генералов, с некоторых пор всё пустил на самотек, лезет в экономику, протаскивает через Совнарком какие-то сомнительные проекты, опираясь на своих людей в наркоматах и Цэка, на многочисленных родственников за рубежом, готовых зашибить капитал на чем угодно и где угодно, а главное — прибрать к рукам ключевые отрасли идущей ко дну страны.

Глядя на все это, Сталин все решительнее встает на ту точку зрения, что у страны, которой предстоит решать великие задачи, не должно быть много вождей. История России, как и всего остального мира, которую он особенно усердно штудирует по ночам, говорит ему против такого государственного порядка, когда ответственных много, а отвечать некому. Вождь должен быть один, при этом он должен обладать безоговорочным авторитетом и властью. Пока авторитет Ленина удерживает партию от раскола. Пока. Но Ленин серьезно болен и вряд ли протянет слишком долго. В таком случае почему бы его место не занять товарищу Сталину? Надо лишь иметь терпение, не выдавать никому своих притязаний, исподволь подготавливать почву и постепенно устранять возможных соперников. Сегодня на первые роли претендуют

Троцкий и Зиновьев. Пусть. Пусть они свернут друг другу шею. А там будет видно. Там посмотрим, кто окажется наверху.

Морально Сталин вполне готов к борьбе за власть. Но у него нет еще уверенности, что сможет победить в этой борьбе, что ему не сломают шею. Тут нужна чертовская осторожность, чтобы раньше времени никто не раскрыл твоих намерений.

Часы пробили дважды. Сталин откинулся на спинку стула, потянулся, огляделся по сторонам. За кругом света на столе, отбрасываемым настольной лампой под зеленым абажуром, смутно проступают из темноты молчаливые предметы, видевшие за этим столом других людей и другие времена. Тишина струится из темных углов мышинным шорохом и скрипом дряхлеющего здания, безрадостной трелью сверчка. За окном ветер пьяно шумит в кронах деревьев, грудью кидается на окна, заставляя жалобно дребезжать стекла, поразбойничьи врывается в форточку, пузыря оконную занавеску, вздыхает устало и удивленно.

Сталин собрал книги и тетради, погасил лампу, пошел спать, но не в спальню, а в гостиную. Там он устроился на широком диване, лишь разувшись и ослабив пуговицы рубахи, накинув на себя шинель. Какое-то время он смотрел в темноту широко раскрытыми глазами, подводя итоги дня под равномерное почвиркивание сверчка. Не dokonчив какой-то мысли, уснул, будто нырнул в теплую морскую воду, и проснулся, едва заслышав шаги жены.

Сквозь задернутые шторы пробивался скупой свет наступающего дня. Ощущение такое, будто день не прерывался, и Сталин тотчас же подхватил недоконченную, перебитую сном мысль, привычно отметив постоянность и непрерывность движения, но не куда-то вдаль, а всё вверх и вверх... по шажочку, по полшажочка, но непременно вверх. И сегодня он тоже поднимется... на вершок, но поднимется, хотя окружающие его люди вряд ли это заметят, как не замечают роста дерева и даже травы. Они заметят это лишь тогда, когда вдруг увидят, что он стоит так высоко над ними, что приходится заирать голову, чтобы рассмотреть его сапоги.

От этой мысли Сталин усмехнулся в усы, распутив лучики морщин вокруг глаз. Так приятно представлять свой триумф, свое вознесение на вершину власти, сведение счетов со всеми, кто унижал тебя, презирал и просто не замечал. То-то же они попляшут, то-то же попрыгают... Да только не в радость будут им эти их пляски. Нет, не в радость.

Через несколько дней в кремлевской квартире Сталина сидели трое: Каменев, Зиновьев и сам хозяин. Горела над столом лампа, упрятанная в шелковый абажур с кистями, свет ее концентрическими кругами ложился на круглый стол, накрытый холщевой скатертью, на пол и стены, книжный шкаф, кожаный диван. На столе фарфоровый чайник для кипятка и другой, поменьше, для заварки, чашки, блюдца, тарелка с печеньем, розетки для варенья. Чайники уже пусты, разговор вертится вокруг последних событий: положение в Закавказье и на Дальнем Востоке, крестьянские волнения в Сибири, предстоящая Генуэзская конференция, дела Коминтерна, внутривластные дела. Говорит в основном Зиновьев, Каменев время от времени вставляет малозначащие замечания. Сталин помалкивает, слушает, иногда кивает головой, то ли каким-то своим мыслям, то ли соглашаясь с собеседниками.

Сидят уже часа три. Кажется, все сказано, чай выпит, в пепельнице на столе гора окурков, сизый дым слоями висит над столом и тонкой струйкой вытекает в открытую форточку.

— Владимир Ильич очень плох, — вздыхает Зиновьев и горестно качает своей квадратной головой. — Боюсь, долго не протянет...

Зиновьев многие годы жил рядом с Лениным, был его тенью, избавляя вождя от забот о пропитании, быте и прочих мелочах жизни, предоставляя ему широкие возможности революционного творчества. Фактически Григорий Евсеевич был членом семьи, исчезая лишь ненадолго, появляясь нагруженным новостями, с кошельком, набитым ассигнациями. Ленин привык к Зиновьеву, как привыкают к удобной обуви или платью. Надо думать, что и Зиновьев привык к Ленину. Поэтому горестный вид наперсника вождя революции понятен его собеседникам и вызывает молчаливое сочувствие.

Сталин поднял стакан с остывшим чаем, отпил глоток, выжидающе прищурился в сторону Каменева: эти двое напросились к нему в гости, напросились неспроста, пусть выкладывают, с чем пожаловали.

— Да, — не сразу откликнулся Каменев. — Я не могу себе представить, что будет, когда его... если с ним что-то случится.

— Уже случилось, — недовольно проворчал нетерпеливый Зиновьев. — Временами он совершенно теряет память. Да и

вид у него... Я был в Горках два дня назад — совершенно тягостное впечатление. Конечно, медицина достигла в наше время небывалых высот, однако и она не всесильна. А мы, люди революционной практики, должны смотреть на два шага вперед, чтобы не оказаться в луже. Или, во всяком случае, должны называть вещи своими именами. По той же причине.

Скрипнула дверь, вошла Надежда Сергеевна, замерла на пороге, произнесла извиняющимся тоном:

— Я вам чаю... горячего... А то этот наверняка остыл... — и показала рукой на чайник, стоящий на столе.

— Чаю? — вскинулся Зиновьев. — Чаю — это хорошо! Это прекрасно! А то у нас от говорения в горле пересохло! — И хихикнул так, точно заметил у женщины непорядок в одежде: выглядывающую сорочку из-под юбки или спущенный чулок.

— Вот-вот, я так и подумала, — смутилась Надежда Сергеевна и, опустив и чуть склонив голову, быстро оглядела себя. Затем поставила на стол горячий чайник, забрала опустевший, вышла, виновато улыбнувшись мужу, который проводил ее недовольным взглядом.

— Да, Владимир Ильич действительно очень плох, — согласился Каменев, когда дверь закрылась за женой Сталина. — Хотя, разумеется, организм у него сильный, может и выдюжить... Но надолго ли? — вот в чем вопрос. А некоторые товарищи в Цэка ведут себя так, словно товарища Ленина уже нет в живых. Это мы должны иметь в виду и отдавать себе отчет, как их поведение может отразиться на революционном процессе и единстве партии.

— Вот именно! — подхватил Зиновьев и пояснил, встретившись с вопрошающим взглядом Сталина: — Мы имеем в виду Троцкого. Он явно метит в Наполеоны.

— Туда же, по-моему, метит и Бухарин, — вставил Каменев.

— Куда ему! Разве что в наполеончики, — хихикнул Зиновьев. — Не та фигура. — И, повернувшись всем телом к Сталину: — А ты что молчишь, Коба? Уж кому-кому, а тебе хорошо известно истинное положение дел.

— Далеко не всё, — поскромничал Сталин. — Я больше по бумажной части.

— Брось, Коба, — отмахнулся Зиновьев. — Владимир Ильич тебе доверяет, а это что-то значит.

— Я высоко ценю это доверие, — согласился Сталин. — Но я не доктор. Тем более — не оракул, чтобы предсказывать ход событий.

— Осторожничаешь... — произнес с осуждением Зиновьев.

— Положение обязывает, — усмехнулся Сталин и принялся возиться с трубкой.

— Да, положение... — качнул крупной головой Каменев. — Всех нас наше положение обязывает ко многому. Даже и не знаешь, что важнее. Но ясно лишь одно: Троцкому дорогу к власти перекрыть сможем только мы. И никто больше. Потому что Троцкий — это авантюризм и, извините за рифму, небольшевизм, о чем нас предупредил Владимир Ильич. Его увлечение перманентной революцией есть не что иное, как непрекращающаяся гражданская война и смерть революции. А нам надо идти по дороге нэпа, которую указал Владимир Ильич. Другой дороги нет. По крайней мере, в обозримом будущем. Надо встать на ноги, а потом уж всякие эксперименты.

— А Бухарин подпекает Троцкому, — вставил Зиновьев. — Только с другого фланга: «Даешь мировую революцию не позже завтрашнего дня!» Тот же авантюризм и, по сути своей, небольшевизм. Нельзя ждать, пока они споятся. Я тоже за мировую революцию. Я тоже за слом старого государственного и общественного аппарата, человеческого сознания, средневекового уклада и всего прочего. Но Владимир Ильич сказал: «Хватит детской болезни левизны! Народ устал от экспериментов». И я тоже говорю: «Хватит!» Тем более что все попытки поднять западный пролетариат ни к чему пока не привели. Налицо явный спад революционной стихии.

— Но будоражить надо. Нельзя останавливаться, — негромко вставил Сталин. — Остановка есть смерть революции.

— А мы в Коминтерне и не собираемся останавливаться, — вскинулся Зиновьев. — Но сейчас необходим упор на Китай, Индию и другие колониальные страны. — Вырвать их из объятий империализма, лишит ведущие западные державы источников сырья и дешевой рабочей силы — и эти державы закачаются и рухнут под грузом собственных противоречий. Это очевидно.

Сталин молча покивал головой и окутался табачным дымом, оценивая сказанное. Да, Троцкий слишком отдает левизной. Но и Зиновьев тоже. Разница между ними лишь в том, что Троцкий не скрывает своих взглядов, шумит о них где только можно, а Зиновьев мировую революцию делает молча: председателю Коминтерна приходится помалкивать, чтобы не выдать своих эмиссаров, действующих по всему миру. Но налицо очевидный факт: русский народ устал от потрясений, его на новую революцию не заманишь и калачом, он хочет работать, растить детей — жить, одним словом.

И не только русский, но и другие народы. И даже партийная масса. Подловить на этом Троцкого и скovyрнуть его — это они здорово придумали. Но не рано ли? Ленин Троцкого ценит высоко, он его никому не отдаст. Разве что сам Троцкий сделает какую-нибудь глупость. С ним подобное случается...

— Не это сейчас важно, — устало заметил Каменев, прервав молчаливые рассуждения Сталина. — Сейчас важно определиться, что мы можем противопоставить Троцкому. Мы предполагаем, что на одиннадцатом съезде партии речь пойдет о консолидации сил, стоящих на позициях нэпа и ускоренного экономического развития страны. Догнать и перегнать — вот наша задача. На ней и надо консолидировать ленинскую гвардию. Правда, здесь имеется одна тонкость... — И Каменев посмотрел на Зиновьева, как бы спрашивая его, раскрываться или нет.

— Да, есть тонкость, — подхватил Зиновьев. — И тонкость эта состоит в том, что у Троцкого очень высокое положение в партии, большая часть Цэка идет за ним, открыто нам выступать против него нельзя. Особенно в том случае, если Владимир Ильич не поправится к началу съезда. Нам нужно как-то распылить верховную власть, подорвать позиции Троцкого с учетом того факта, что гражданская война закончена и требуется реорганизация власти под мирное строительство. — Зиновьев помолчал немного, раскуривая очередную папиросу, затем продолжил, заглядывая в глаза Сталину. — У нас, Коба, возникла мысль ввести должность Первого или лучше сказать — Генерального секретаря партии, поставить эту должность вслед за председателем Совнаркома и председателем Совета Труда и Оборонь. Тем самым мы выбиваем из рук Троцкого и его команды право распоряжаться партийными кадрами и влиять на настроение партийных масс. Как ты, Коба, смотришь на этот ход? По-моему, очень тонкий ход. Во всяком случае, Троцкий вряд ли придаст этой должности серьезное значение, зато у нас в руках будут практически все козыри.

— Что ж, — произнес Сталин после продолжительной возни с трубкой. — Мысль неплохая. Вопрос лишь в том, кто возглавит новую должность.

— Ты и возглавишь, — хохотнул Зиновьев. — Больше никому! Посуди сам: ты остаешься на прежней должности, только с новым званием и значительным расширением полномочий. Генеральный секретарь — по-моему, звучит недурственно.

— Дело не в звучании, — осторожничал Сталин, — а в способностях. Название — формальность, но эта формальность

требует соответствующего содержания. Я не уверен, сумею ли справиться...

— Сумеешь! — проворчал Каменев. — Я тебя знаю. Собственно говоря, ничего по существу не меняется. Ты по-прежнему возглавляешь Оргбюро и Секретариат, но при этом твой авторитет возрастает многократно.

— А может быть, кого-нибудь другого? — Сталин покопился на Зиновьева, догадываясь, что инициатива исходит от него. Предложил: — Рыкова, например. Или того же Бухарина...

— Да ты что, Коба! — воскликнул Зиновьев. — Бухарина? Не смейся! Писать статейки, выступать на митингах — это Коля Балаболкин может. А чтобы ежедневно и еженощно, кропотливо, вникая во все мелочи — этого и я не сумею, хотя руку тоже набил на всяких заседаниях и совещаниях. Что касается Рыкова, так это типичнейший представитель русских комбывателей и комнационалистов. Завтра же обратят русскими обломовыми и заговорит любое живое дело. Как говорится, избави бог! Нет, Коба, кроме тебя некому. Мы уж с Каменевым перебрали всех — никого! Соглашайся. А я тебе обещаю, что при случае подкину эту идейку Владимиру Ильичу. Уверен, что он встретит ее с одобрением: ему экзерсисы Троцкого тоже вот где сидят — уж я-то знаю. — И Зиновьев провел ладонью у себя под подбородком.

— Я подумаю, — устало произнес Сталин и прикрыл глаза: он и сам хорошо знал, что думает по тому или иному вопросу Ленин. — До съезда еще есть время, — продолжил он. — К тому же мне кажется: этот вопрос надо выносить не на съезд, а на заседание Цэка, избранный этим съездом: меньше шуму, больше толку.

— Вот видишь! — хохотнул Зиновьев. — Мы бы с Каменевым до этого не додумались. Чтобы додуматься до этого, нужны мозги, имеющие определенную направленность. Как раз такие, как у тебя, Коба. Но думать долго нет времени. Ты это учти. Вопрос надо проработать с некоторыми товарищами, которые пройдут в Цэка однозначно. Надо заручиться поддержкой Владимира Ильича... Будем надеяться, что он к съезду встанет на ноги. И вообще, экспромтом такие вопросы не решаются. Сам знаешь, чем это может кончиться.

Сталин молча кивнул головой. Произнес:

— Завтра я скажу вам о своем решении.

— Вот и прекрасно, — бодро воскликнул Зиновьев и поднялся. — Пора и честь знать, как говорят русские. Засиделись мы у тебя. Но я уверен, что мы придем к согласию. — И он покровительственно похлопал Сталина по плечу, как все-

гда, не заметив, как вспыхнули желтые глаза Сталина и померкли, приглушенные опустившимися веками.

Не снимая руки с плеча Сталина, Зиновьев продолжал говорить, широко улыбаясь и поглядывая на медлительного Каменева:

— Нам нужно держаться вместе. Это тем более важно, что у нас не только единые интересы, но и... как бы это сказать? — наши личные интересы нигде не пересекались и, надеюсь, не пересекутся.

— У революционера нет личных интересов, — тихо обронил Сталин.

— Полностью с тобой согласен! — подхватил Зиновьев и продолжил менторским тоном: — Но мы живые люди и ничто человеческое нам не чуждо. Сегодня нет личных интересов кроме революции, завтра они могут появиться. Истинный революционер не должен витать в облаках. Он обязан смотреть вперед и уметь предвидеть возможные варианты развития событий. А мы с вами истинные революционеры — и это доказала история.

Сталин проводил соратников до порога, пожал им руки — энергичную у Зиновьева, вялую у Каменева. Закрыв за ними дверь, вернулся к столу.

Надежда Сергеевна убирала посуду. С тревогой поглядывала на мужа.

— Как сын? — спросил Сталин, не глядя на жену.

— Температурит. Тридцать восемь и две. Был Фрайерман, сказал, что кризис миновал, теперь пойдет на поправку. Я так извелась за последние дни, — осторожно пожаловалась она. — Я бы не перенесла, если бы умер наш Василек.

— Надо второго ребенка, — обронил Сталин и уселся за стол. — Один ребенок — это не семья.

— Сейчас такое время, Иосиф...

— Все времена такие. Лично для нас с тобой они лучше не станут. Надеюсь, и хуже тоже. Что касается врачей... Нашим врачам Ленин не слишком-то доверяет. Особенно членам партии: они давно потеряли квалификацию. Есть верные народные средства лечения простуды. Надо растереть ребенка водкой, чай с малиной и медом — и все пройдет.

— Хорошо бы, — вздохнула Надежда Сергеевна и, видя, что ее Иосиф мыслями где-то далеко от нее, тихо покинула комнату.

«Значит, Троцкого побоку, — думал Сталин, медленно вращая на столе трубку и глядя в темный угол комнаты невидящими глазами. — Ну что ж, побоку так побоку. А что даль-

ше? Дальше на первые роли выходит Зиновьев. А кто такой Зиновьев? Во-первых, патологический трус. Во-вторых, краснобай, прожектёр и лишь едва-едва марксист и революционер. В-третьих, Зиновьев и Каменев в семнадцатом выступили против социалистического переворота, пошли даже на предательство, и нет уверенности, что сделали они это случайно, без каких-то далеко идущих планов или без влияния извне. В-четвертых, Зиновьев — еврей, который превратит всю власть во власть единоплеменников, как он это сделал в Питере, и вызовет тем самым если не новую революцию, то взрыв антиеврейских настроений. А эти настроения уже и сейчас достигли такой черты, дальше которой позволить им подниматься весьма опасно. Даже на уровне секретарей губкомов заметны эти настроения. Особенно после того, как в ВКП(б) была влита еврейская компартия. И они стали отовсюду, где только можно, вытеснять русских. Особенно много их устремилось в ВЧК. Даже Дзержинский — и тот вынужден с этим мириться. Только сами они ничего не замечают. Или пренебрегают всеобщим недовольством, не видя в этом опасности... хотя бы для самих себя. Не говоря о советской власти. Они забыли, что еще совсем недавно казачество и крестьянство выступали под лозунгом: «За советы, но без комиссаров и жидов!»

Сталин перестал вращать трубку, выбил ее в пепельницу, набил табаком, закурил, но делал это механически, не прерывая своих рассуждений:

«Наконец, последнее: наступит момент, когда Зиновьеву-Каменеву станет мешать товарищ Сталин в роли генерального или какого-то еще секретаря Цэка. И что они сделают с товарищем Сталиным? Отправят туда, где раки зимуют. Отсюда вывод: помочь Зиновьеву-Каменеву свергнуть Троцкого, а затем понемногу оттеснить обоих на задний план. В этом случае может пригодиться Бухарин. Следовательно, надо понемногу втягивать его в этот заговор. Два на два — это уже кое-что. Есть еще Калинин, Рыков, которые вряд ли пойдут за Зиновьевым... А там посмотрим».

Глава 7

А Зиновьев с Каменевым, покинув квартиру Сталина, сидели в это время в квартире Каменева, вольготно развалившись в глубоких креслах, потягивали «шустовский» коньяк из пузатых бокалов, курили «асмоловские» папиросы, сохранившиеся в кремлевских кладовых, и перебрасывались ленивыми фразами.

— Сталин не так прост, как тебе кажется, — произнес Каменев.

— А какое это имеет значение? — передернул жирными плечами Зиновьев. — Главное — держать его на поводке, чтобы ни вправо, ни влево. Без нас он ничего не значит.

— У него аппарат.

— А-а, брось, Лева! — отмахнулся Зиновьев рукой с зажатой между пальцами папиросой, оставив в воздухе замысловатую петлю дыма. — У нас с тобой тоже аппараты. И не такие уж маленькие. Тем более что в его аппарате много наших.

— Не так уж и много.

— Значит, надо добавить. У меня в Питере на всех более-менее важных должностях сидят только свои люди. И поэтому я всегда спокоен и за себя, и за нашу власть в городе. Надо то же самое сделать в Москве.

— Это не так просто.

— Я не узнаю тебя, Лева! — воскликнул Зиновьев. — Если у тебя имеются основания подозревать Кобу в заговоре, так и скажи. Разберемся. Я не так хорошо его знаю, как ты, но и особой тайны этот грузин для меня не представляет. Он примитивен, туповат, дальше своего носа видеть не способен. Обычный... как это?... вьючный ишак. Очень удобная скотина, на которую можно валить всё, что понадобится в дальней дороге. А потом поставить его, за ненадобностью, в стойло и пусть жует там свой овес! Ха-ха-хах! — коротко рассмеялся он и весело глянул на тяжело погрузившегося в кресло Каменева. Но тот даже не шелохнулся. И Зиновьев продолжил: — Меня Сталин не волнует ни с какой стороны. Меня волнует Троцкий. У него очень сильная команда, его люди сидят везде. Почти весь командный и комиссарский состав армии прошел через его руки. Следовательно, армия на его стороне. И не считается с этим нельзя. Но у него имеется одно очень уязвимое место: он слишком связан со своими родственниками за границей. Дяди там, племянники. Он им всем задолжал и под шумок отдает долги с большими процентами. При случае мы можем ему поставить это в вину как измену делу революции.

— Чепуха! — оживился Каменев. — Такое же обвинение можно выдвинуть против любого из нас. Эти обстоятельства вообще нельзя даже трогать.

— Согласен, Лео. Полностью с тобой согласен! — тут же замахал руками Зиновьев. — Но на крайний случай сгодиться может всё.

— Нельзя даже допускать до подобных случаев, — проворчал Каменев и, взяв со стола бокал, отпил из него глоток.

— Да, ты, пожалуй, прав, — согласился Зиновьев, тоже хлебнув из бокала. И пояснил: — Сорвалось с языка. Бывает у меня, признаюсь. Исключительно между своими. Но надо иметь в виду, что эти обстоятельства могут использовать другие. Особенно старые связи Троцкого с английской разведкой.

— Я ничего не знаю об этих связях, — проворчал Каменев. — Можно самим обжечься на таких обвинениях. Лично я вижу нашу задачу в другом: мы должны тщательно подготовиться к возможной в ближайшие год-два смерти Ленина. К тому времени у нас должен быть крепкий тыл по всем линиям, — решительно заявил он.

— Так и я о том же самом! — снова оживился Зиновьев. — Вот и пусть Сталин готовит этот тыл в партийных аппаратах Москвы и периферии. А в Питере у меня тылы давно готовы. Каменев зевнул и прикрыл рот пухлой ладонью.

На том же этаже, только в другом крыле бывшего здания Сената, за круглым столом и тоже за коньяком и чаем, сидело человек десять во главе с Львом Давидовичем Троцким. Ни одного озабоченного лица — все веселы, глаза светятся, блуждают улыбки, и громкий хохот время от времени заставляет плескаться в стаканах чай, искриться в бокалах коньяк.

— И вот, представьте себе... — продолжил рассказчик, когда смех затих окончательно, — ...представьте себе пол, заплеванной и даже, извините за выражение, обоссанный, заваленный окурками, а в иных местах и блевотиной, и на этом полу лежит солдатня, подложив под голову сидоры... Вонища-а! — у меня даже слов нет, чтобы передать вам эту атмосферу... И вот один из мужиков, заметив, что я стою в растерянности и не знаю, что делать... а на улице, имейте в виду, мороз под тридцать... И он мне предлагает: «Лягай рядом, паря, туточки аккурат место имеется»... Меня чуть не стошнило.

И снова веселый смех раздвинул стены и выплеснулся наружу, заставляя насельников прочих царских палат отрывать головы от подушек и прислушиваться.

Эти веселые люди пришли в русскую революцию окольными путями. Многие были детьми весьма состоятельных родителей, но никто из них не хотел следовать по их стопам: корпеть в конторах, банках и прочих заведениях, сводить дебет с кредитами, считать копейки, пенсы, центы. В революцию их толкала жажда повелевать на самом верху, где делается большая политика, а в политику их толкала ненависть к стране, к ее власти, к ее народу, огородивших евреев чертой оседлости, сковавших их всякими запретами. Но продрать-

ся наверх через все препоны — дело долгое и хлопотное. Да к тому же никто их наверху не ждет, дальше передней не всякого пустят. Вот они и сомкнулись на нижних политических этажах с теми из аборигенов, кто тоже был недоволен верхами, но по другим причинам, и оказались в конце концов в стане «голодных и рабов», ничего общего с этими «голодными и рабами» не имея. И не прогадали. Теперь они сидели там, где раньше сживали цари и представители высшей российской власти. Они пили их коньяки и вина, ели из посуды с родовыми гербами, сидели на их стульях, спали на их кроватях. Они достигли вершины власти — выше некуда, выше лишь власть над всем миром. Но молились они всегда двум богам: Карлу Марксу и Ротшильду, стояли, по выражению Бакунина, «одной ногой в банковском мире, другой — в социалистическом движении...», подтверждая таким образом единство противоположностей, выведенное философами.

— И все-таки, друзья мои! — воскликнул Троцкий на безукоризненном английском, обводя своих товарищей веселыми глазами: — И все-таки мне нравится такая жизнь! Что бы вы о ней ни говорили. Да, грязь, да, кровь, то да сё, но революций без грязи и крови не бывает. Тем более что в самой грязи нам валяться не обязательно. Более того, скажу я вам, грязь, в которой валяются массы, лечебна, она излечивает от многих болезней, и чем больше грязи, тем — с точки зрения диалектики — сильнее отвращение к ней, сильнее желание от нее избавиться. И не потому, что русский мужик достоин лучших условий существования, а чтобы нам с вами об этого мужика не испачкаться... Кстати! — поднял он вверх руку, призывая к повышенному вниманию. — Кстати сказать, я наблюдал на юге Америки, как там живут негры, работающие на хлопковых плантациях. Точно так и даже хуже. И что же? В их бараки заходят только надсмотрщики, и то лишь в том случае, когда кто-то из рабов, — а там всё еще процветает настоящее рабство! — не вышел на работу. Господам там делать нечего. Зато Америка имеет свой хлопок, свою ткацкую промышленность и всё, что из этих факторов вытекает. А вытекает из этих факторов, проецируемых на нашу российскую действительность, то неперемное условие для перманентной революции, что нам надо заставить русского мужика идти умирать за эту революцию... — извините меня за политический цинизм, — чтобы будущие поколения жили как положено жить людям, а не скотам. Русский мужик на нынешнем этапе исторического развития ни на что другое и не способен. Его надо построить в колонны, и... — ать-два-левой! — Троцкий помолчал немного и, оглядев своих слушате-

лей, добавил: — Но об этом не обязательно говорить самому мужику. Как утверждал Кромвель: «Никто не идет так далеко, как тот, кто не знает, куда идет»... Тем более что так называемое светлое будущее — это, знаете ли... — и он весьма многозначительно пощелкал пальцами: среди своих товарищей, проверенных временем и обстоятельствами, он мог быть вполне откровенным.

И Склянский воскликнул с надрывом в голосе:

— Давайте, друзья, выпьем за то, чтобы высокий дух нашего народа восторжествовал в этом царстве мрака и осветил его нашими жизнями!

Троцкий заметил, весело блестя глазами:

— Этот тост я принимаю лишь потому, что здесь собрались свои люди. В других условиях я стану яростным противником не только подобных тостов, но и самих мыслей... не нарушая их плавного течения, разумеется.

И лица его товарищей озарились понимающими улыбками.

Глава 8

Село Калиновка затерялось среди лесов, полей, холмов и оврагов Курской губернии, засыпанных снегами и выстуженных декабрьскими морозами. Село большое, с церковью, торговыми рядами и лабазами, но обнищавшее за годы войны и двух революций, на четверть растерявшее своих жителей. Из этого села взрослые по осени — еще при царе — уходили на отхожие промыслы, большинство — на шахты и заводы Донецкого угольного бассейна. Иные там и оставались, прикипев к новому делу. Революция пробудила в сёлах надежды на землю и новую жизнь. По сёлам и деревням бузили покинувшие фронт солдаты, вернувшиеся из голодных городов мастеровые, напичканные диковинными идеями, как устроить по-новому крестьянскую жизнь.

В пасмурный декабрьский день в просторной избе, стоящей в самом центре Калиновки, до революции проживал местный купец. Сегодня в ней заседал комитет бедноты совместно с активистами от каждых десяти дворов. Заседали с утра, накурили — не продохнешь, спорили до хрипоты о том, как поделить помещичью землю, поделенную в семнадцатом наспех, так что зажиточным крестьянам досталось больше, хотя земли у них и так было сверх головы.

Накричавшись, сидели, распахнув зипуны и полушубки, потели, смолили самосад, погружая в дым лохматые головы и бороды, терпеливо ждали, с любопытством и почтением взи-

рая на то, как председатель комбеда что-то там прикидывает в своей тетрадке, макая ручку в пузырёк с чернилами.

Председатель, молодой человек лет двадцати пяти, высоколобый, с ранними зальсинами, с узкими серыми глазами, прячущимися за припухлыми веками, сросшимися мочками остро торчащих в стороны ушей, в серой косоворотке и городском пиджаке, был человеком грамотным, то есть закончил два класса церковно-приходской школы, до революции работал на шахтах, окружающих город Юзовку, что в Донецком бассейне. Там он кое-чего поднабрался и, по слухам, являлся одним из заводил среди тамошних мастеровых, так что имел, ко всему прочему, опыт руководящей работы. А главное — был по всем статьям своим человеком, калиновским, потому как именно здесь, едва научившись ходить, начинал с подпасков. Звали председателя Никиткой Хрущевым. Он еще по осени вернулся в родное село вместе со всем своим семейством, можно сказать, едва утек от германцев, которые захватили Донбасс, а вместе с ними туда вернулись и хозяева заводов и шахт, и по всему выходило, что оставаться ему там было не с руки.

Его-то, человека бывалого и знающего, и выбрали калиновские мужики председателем комбеда.

— Вот, — оторвался Хрущев от своей тетрадки и постучал по ней пальцем. — Вот здесь я всё посчитал. Получается на едока десятинна с четвертью. Не принимая во внимание покосов...

— А раньше было вроде как больше, — засомневался лядащий мужик, сидящий в первом ряду, по прозвищу Топорище.

— Так раньше и народу в селе было меньше, — возразил Хрущев.

— Дык сколь народу подалось в город, сколь померло, сколь в войну побило...

— Дык сколь народилось, сколь назад возвернулось, — в тон Топорищу ответил Хрущев, не привыкший лазить за словом в карман. — Ты б еще девяносто второй год помянул, когда перепись была. Тогда и дворов-то имелось полторы сотни, и людей чуть больше тыщи. А нынче дворов уже за двести и людей около двух тыщ. Вот и считай.

— И баб тожеть счел? — спросил кривой на один глаз мужик из третьего ряда. — А ежели она, баба-то, выйдет замуж в другое село или, скажем, в город... или еще куда... Тогда как жеть?

— Нынче, поскольку у нас образовалась советская власть, все равны: и бабы, и мужики, и всякое другое население в

виде детей и младенцев, — наставлял мужиков Хрушев. — Наше село нынче имеет населения тыща восемьсот сорок восемь человек, на них всё и делится без различия полу, возраста и у кого какая вера. Такая вот нынче политическая линия.

— А как с теми, которые вышли на отруб? — не унимался кривой мужик.

— Поскольку они сидят на землях Калиновки, тоже подпадают под общую директиву, — терпеливо разъяснял Хрушев. — Рыба ищет где глубже, а человек, где лучше, — продолжал он ровным голосом. — Во времена столыпинского террора часть народа соблазнилась отрубам и отошла от общины. Что ж их теперь — в омут головой? Все ошибаются. Конь о четырех копытах, а и тот спотыкается. Жизнь — такая, как говорится, вещь, которую в короб не положишь и в красный угол не поставишь. Она сама указывает, кому как быть.

— Это верно! Это, конечное дело, так, кто ж спорит!.. — послышалось с разных сторон. — Главное дело, чтоб всё было по правде, по справедливости.

— А вот как теперь будет с разверсткой? — выкрикнули с задних рядов. — Как будут брать — с едока али с работника? Али подчистую?

— Этот вопрос до самого окончного результата еще не решен, — гнул свою линию Хрушев. — Этот вопрос сложный, пеньковой веревкой его не взнуздаешь. Думаю, раз в нашем селе образовалась советская власть, она и будет решать вопрос с продразверсткой. Чтоб, значит, по всей справедливости. Потому что и армию надо кормить, и рабочий люд, который на заводе производит плуги-бороны, а также ружья и прочую воинскую справу. Поскольку народ произвел революцию за-ради своей собственной пользы, то все должны жить как те братья в одной большой семье, слушать старшего и не выкобениваться.

Хрушев и еще говорил бы и говорил, но на крыльце затопало несколько пар крепких и уверенных ног, затем шаги послышались уже в сенях, дверь распахнулась, и в помещение вместе с морозным облаком один за другим ввалились трое: первый в коже с ног до головы, черняв, чернобород, перетянут ремнями, с револьвером в желтой кобуре, с офицерской саблей в потертых ножнах, в папахе с красной звездой; второй в шинели, лицо тонкое, украшенное щегольскими усиками, — видать, из офицеров, — и тоже обвешан оружием, наподобие рождественской елки; третий... третьим была баба, но тоже в штанах и в коже.

— Здравствуйте, товарищи! — едва переступив порог, произнес бородатый простуженным и слегка картавым голосом, буравя черными глазами таращащихся на него мужиков.

Присутствующие нестройно ответили на приветствие, насторожились.

— Здесь, как нам сообщили, заседает комбед. Кто председатель комбеда? — спросил бородатый.

— Ну, я. А вы кто такие? — поднялся Никита Хрушев, упираясь в стол обеими руками.

— Я есть комиссар четырнадцатой дивизии Красной армии имени товарища Урицкого, героически погибшего за революцию и советскую власть. Моя фамилия Рибак, — отчеканил бородатый. И уточнил: — Рибак Леонид Абрамыч. А это товарищ Авдеенко, заместитель начдива по мобилизации трудящихся в Красную армию. Согласно директиве Совета народных комиссаров и лично товарища Троцкого и в связи с германской интервенцией и выступлениями контрреволюции в лице кадетов и прочей белой сволочи мы имеем предписание провести у вас в селе мобилизацию в Красную армию способных носить оружие граждан мужского полу для защиты рабоче-крестьянской советской власти от посягательств ее злейших врагов и врагов всего трудового народа. Вы как есть активисты советской власти на местах имеете уже полную обязанность способствовать этому мероприятию со всей своей личной сознательностью по отношению к текущему моменту, — выпалил, как из пулемета, бородатый, ни разу не поперхнувшись.

— Попрошу предъявить мандат, — насупился Хрушев под одобрительный гул голосов членов комбеда и активистов.

— Пожалуйста, вот мой мандат, — произнес комиссар Рибак, протиснувшись к столу, и вручил Хрушеву бумагу.

Тот некоторое время изучал ее, затем вернул со словами:

— Бумага ваша в порядке, а только нельзя ли подробнее, товарищ Рибак, разъяснить нам текущий политический момент в смысле, так сказать, недопущения недоразумений по части вашего насущного вопроса. Потому как заседание комбеда тоже есть решение нетерпимого вопроса, от которого зависит победа рабоче-крестьянской власти по всем существенным направлениям мировой революции.

Никита Хрушев, судя по тому, что тоже ни разу не споткнулся, произнося такую длинную речь, был не меньшим докой по части говорения, у него в зубах нужное слово не застрянет, и прибывшие это сразу же оценили, а мужики поддерживали слова председателя комбеда одобрительным гулом: знай, мол, наших.

— Злободневный политический момент на сегодняшний день такой, — заговорил комиссар Рибак, стащив с головы шапку и повернувшись к собравшимся. — Кадеты сгущаются на юге, собирают казаков и отсталый горский элемент. Они под прикрытием германских штыков снова собираются посадить на шею рабочим и крестьянам их заклятых врагов в лице помещиков, банкиров, заводчиков и фабрикантов. В Москве, как вы знаете, летом произошло восстание эсеров. Восстание было подавлено красной гвардией. Тогда враги организовали покушение на вождей мирового пролетариата товарищей Ленина, Урицкого и других видных революционеров. Как вам известно, на всем протяжении Транссиба восстали белочехи. В результате заговора мирового империализма рабочий класс РСФСР, а также поддерживающее его беднейшее крестьянство и остальной трудовой элемент оказались в кольце контрреволюции. Если мы не защитим себя от ее поползновений, нас сметут и потопят в море крови, на наши головы опять сядет царь и вся его свита. Поэтому дело каждого сознательного рабочего и крестьянина добровольно вступить в Рабоче-крестьянскую Красную армию, которая, объединившись с мировым пролетариатом, окончательно сбросит мировой капитал и эксплуатацию человека человеком. Такой на сегодня злободневный политический момент, товарищи крестьяне, — закончил свое разъяснение товарищ Рибак и вытер папашой взопревшее лицо.

— Так, значица, добровольно? Или как? — спросил кривой на один глаз мужик. — И еще один вопрос: только холостые или женатые тожить?

— Кто запишется добровольно, тот проявит свою классовую сознательность и революционную активность. Все остальные будут мобилизованы в срочном порядке согласно декрету Совнаркома. Женатость не имеет значения. Не хотите же вы, товарищи крестьяне, чтобы к вам опять вернулись старые порядки, за свержение которых пролито море крови лучших сынов мирового рабочего класса и трудового крестьянства? Я даже в мыслях не допускаю такого отсталого отношения к всемирной революции, которая разворачивается на наших глазах. Поэтому данной нам властью в вашем селе объявляется чрезвычайное положение. Никто не имеет права покидать село без разрешения военного комиссара или его помощников. Призывной пункт будет расположен здесь, в этом доме, сюда будут вызываться все по имеющимся у нас спискам. И в первую голову — бывшие фронтовики. Попрошу разойтись и довести до сведения ваших односельчан, что через час на сельской площади будет проведен митинг, по-

священный всеобщей мобилизации в Красную армию, а также сбору хлебных излишков для пропитания трудящихся Москвы и других промышленных городов.

— Вот те, бабушка, и Юрьев день, — проворчал кривой мужик себе в бороду, но комиссар Рибак сделал вид, что не расслышал этого контрреволюционного ворчания.

Остальные молча нахлобучивали на головы шапки и покидали помещение.

На площади, где сбилось с десятков саней, топтались на морозе солдаты в остроконечных суконных шлемах. От лошадей, покрытых попонами, шел пар. Сельские мальчишки крутились возле, с любопытством разглядывая приезжих. Бабы растаскивали малышню по избам.

А в это время приезжие устраивались в помещениях комбеда. В горнице, где только что проходило заседание, всё еще в растерянности топтался Никита Хрущев, перебирая на столе бумажки и складывая их в серую папку. Барышня в коже уже пристроилась сбоку, стучала двумя пальцами по клавишам «Ундервуда». В другой комнате фельдшер с помощниками готовился к освидетельствованию новобранцев. Люди в военном деловито сновали по дому, не замечая Хрущева, и он не знал, что ему делать в данный текущий момент, куда податься.

— Кстати! — воскликнул комиссар Рибак, обернувшись к Хрущеву. — Вы — большевик?

— Нет, сочувствующий.

— Это не имеет значения. Мне сказали, что вы бывший рабочий. Надеюсь, что вы самолично, как председатель комбеда, покажете пример односельчанам и запишетесь добровольцем. Советую вам поступить именно таким образом, — не без насмешливой угрозы произнес Рибак. — Судя по вашему виду, вы здоровый малый, от мобилизации вам не отвертеться.

— Да-да-да... Разумеется, разумеется, — пробормотал Хрущев, уверенный, что, поскольку он при выборной должности, мобилизация на него распространяться вроде бы не должна, тем более что без него некому проводить политику партии в конкретном селе Калиновка в таком вопиющем вопросе, как передел общественной земли. Но комиссар смотрел на него с такой настойчивостью и откровенным недоверием, будто Никита Хрущев есть враг советской власти, что возражать ему Никита поопасался. — Я только схожу домой, предупреджу жену и родителей, — сказал он, натягивая на себя полушубок.

— Не опоздайте на митинг! — бросил вслед Хрущеву Рибак всё с той же насмешливой угрозой. — Именно на митинге вы и должны проявить свою пролетарскую инициативу и сознательность.

Никита Хрущев шел домой, а в голове его ворочались тяжелые мысли. И все о том, каким образом избежать мобилизации. Товарищей, которые знали его по профсоюзной работе в шахтерском поселке, рядом нет, в уездном или волостном комитетах партии его практически никто не знает, как и он никого, следовательно, заступиться некому. Пожалуй, этот чертов Рибак прав: от мобилизации не отвертеться и лучше самому проявить инициативу. Вот только как быть с семьей? Времена, судя по всему, наступают трудные, жена к крестьянскому делу непривычна, даже собственная земля может ее не выручить, от отца с матерью помощь невелика. Так что куда ни кинь, всюду клин. Да и сам он... один бог знает, удастся ли ему вернуться живым под родительский кров.

Дома жена, Ефросинья, встретила Никиту широко распахнутыми от страха глазами. Отец его, Сергей Никанорович, не преминул попенять своему неугомонному сыну:

— Сколь раз говаривал тебе, чтоб не путался с босяками и бунтовщиками. Нет, полез чёрту в пасть, а таперича как бы не пропасть. Ну, загребут ты, а что супружница твоя с малыши детьми будет делать? А, не дай бог, придут сюды кадеты — что тогда? Куды нам со всей оравой деваться? А ведь спросят: где ваш сын и муж обретається в настоящий текущий момент? В красные подался? И на шворку.

— Неча, батя, заране заупокойную заказывать, — отбивался Никита. — Ты лучше побереги хлеб, а то пойдут по дворам, выгребут до последнего зернышка. А я уж как-нибудь выкручусь. Чай не дурак.

— Во-во, умных-то нынче как раз больше всего и бьют. А дуракам и так с рук сходит.

— Хватит вам препираться, — вступилась за сына мать Никиты Ксения Ивановна. — Щи простынут.

Хрущевы расселись за столом. Никита посмотрел на карманные часы: время подходило к назначенному сроку проведения митинга, и он быстро завозил деревянной ложкой в глиняной чашке, торопливо откусывая от краюхи хлеба большие куски.

— Подавишься ишшо, — проворчал Сергей Никанорович. — Чем агитировать будешь?

Но Никита уже не слушал ворчню своего отца, торопливо натягивал на себя полушубок, дожевывая кусок говядины.

К назначенному сроку, хотя посыльные обежали все избы, на митинг собралось менее половины села. Комиссар Рибак прохаживался по просторному крыльцу, хмурился, поглядывал искося на Хрущева. Народ тянулся медленно, сбивался в кучи поодаль. В поле за селом виднелись конные, с другой стороны, на взгорке — еще. Обложили, чтоб никто не вырвался.

— Подходите ближе, товарищи! — кричал Хрушев, выбрасывая изо рта облачка пара. — В куче-то оно и теплее и веселее! Товарищ комиссар Рибак желают разъяснить вам текущий момент и сказать вам слово по поручению товарища Ленина и товарища Троцкого, как они есть первейшие вожди рабочего класса и мировой революции!

Мужики подтянулись к крыльцу. Угрюмо поглядывали на военных.

Комиссар Рибак прервал свое хождение, сорвал с себя папаху и выкрикнул зычным голосом:

— Товарищи крестьяне! Международная буржуазия решила поставить на колени рабочих, солдат и крестьян, совершивших беспрецедентную в истории человечества революцию! Она решила залить наши поля вашей кровью и вновь посадить на вашу шею помещиков и капиталистов! Но она просчитается. Она не знает о классовой солидарности между рабочими и беднейшими крестьянами, о близости мировой революции, которую предсказали великие вожди угнетенных и гениальные мыслители Маркс и Энгельс о том, что эта революция в самое ближайшее время сметет всех угнетателей и что лишь тогда наступит всеобщий мир и процветание для всех народов. Надо только в данный момент напрячь свою волю и подавить контрреволюцию, а для этого все должны, как один, вступить в Красную армию, которая своей мозолистой рукой, под руководством видного большевика товарища Троцкого, который является наркомом по военным и морским делам, уничтожит всю контру.

И еще долго говорил товарищ Рибак, стараясь погасить в глазах своих слушателей недоверие, растопить в них холодок, зажечь в них огонь борьбы и самопожертвования. Ора-тора слушали молча, переминаясь с ноги на ногу. Закончив свою речь, Рибак стал выкрикивать и рубить морозный воздух рукой:

— Да здравствует мировая революция! Да здравствует партия большевиков, ведущая трудящиеся массы к светлому будущему! Да здравствуют наши вожди товарищи Ленин и Троцкий! Ура!

Ему похлопали, но жиденько, а «ура» подхватило разве что человек пять, и среди них громче всех Никита Хрушев.

— Слово предоставляется председателю комбеда товарищу Хрущеву, — почти без паузы объявил комиссар, и Никита шагнул к перилам крыльца, набрал в грудь побольше воздуха и тоже принялся кидать в толпу своим звонким голосом подходящие к текущему моменту слова:

— Товарищи и граждане крестьяне! Как сказал здесь товарищ комиссар, контра подняла голову и хочет всех нас загнать в хомут царской неволи. Мы только что с членами комбеда и выборными активистами поделили общинную и помещичью землю промеж всеми едоками нашего села, а вернется помещик и отымет у нас эту землю, и опять, как в прежние времена, хлеба в лучшем случае будет хватать до Пасхи, а там жри кору и отруби, иди в кабалу к кулакам. Мы этой жизнью сыты по горло. Нам такой жизни больше не надо. Ленин и большевики сказали крестьянам: «Вся земля — ваша. Кто на ней работает, тот ей и владеет». Без Красной армии мы за собой землю не сохраним. Поэтому я первым запишусь в добровольном порядке в красное войско, чтобы бить кадетов и всякую сволочь. Призываю всех мужиков, которые в силах, записываться тоже. Всем миром мы кадетам голову свернем! Да здравствует мировая революция! Да здравствуют товарищи Ленин и Троцкий, наши рабоче-крестьянские вожаки! Смерть мировой контре!

И Никита Хрущев подошел — под жиденькие хлопки — к столу, взял карандаш и написал против своей фамилии: «Согласный!» И расписался.

Глава 9

В селе Калиновка по всеобщей мобилизации под ружье было поставлено около сотни мужиков от двадцати до сорока лет. Комиссар Рибак сразу же отличил Никиту Хрущева от остальной массы новобранцев. Он поручил ему распространение среди них газет, листовок и прочего агитационного материала, а также проводить разъяснительные беседы по текущему моменту. И вообще держал возле себя на побегушках.

Никита с жаром принялся за дело, понимая, что чем ближе к начальству, тем дальше от стрельбы и прочих неприятностей. В таком разе, пришло ему в голову, было бы не худо записаться и в партию большевиков. Глядишь, и вообще с ружьем дела иметь не придется.

Войско, набранное в округе, через пару дней двинулось походным порядком к железной дороге, провожаемое плачем и воем жен и матерей. Новобранцы топали по заснеженной дороге, угрюмо поглядывая на ближайший лес.

Никита, довольно быстро преодолев тоску расставания с семьей, решил, не откладывая дела в долгий ящик, при первой же возможности обратиться к комиссару по поводу записи в партию. И, едва случился привал, тут же и обратился:

— Товарищ комиссар, — начал Никита издалика. — Я в Юзовке, еще до революции, имел твердое намерение насчет вступления в партию большевиков. Но мне всё казалось, что я не готов для такого святого дела, что мне грамотности и понимания политического момента не хватает. Оно, как говорится, сразу только петух на курицу вскакивает, а понимание приходит постепенно, как тому общинному бугаю, который, пока всех коров не перенюхает, за дело не возьмется. Должен вам сказать, товарищ комиссар, со всей пролетарской ответственностью, что я со всей своей душой отношусь к советской власти и мировой революции. Что касается текущего момента и указаний вождей мировой революции Маркса-Ленина-Троцкого, так я этим своим прискорбным недостатком займусь в порядке самообразования.

Никита аж взмок, произнося эту свою речь, стараясь изо всех сил понравиться товарищу Рибаку, который слушал молча и всё поглядывал вдаль с тревогой, точно ожидая каких-то неприятностей.

— В партию, говоришь? Что ж, посмотрим, посмотрим, — пробормотал он.

Никита решил, что надо еще поднажать и выкинул самый крупный козырь, какой только имел:

— Я еще в Юзовке разговаривал об этом же самом с товарищем Кагановичем. В марте семнадцатого он выступал у нас в Юзовке... Меня тогда избрали председателем профкома шахтоуправления...

— Ты знал Кагановича? — встрепенулся Рибак.

— Знал. Правда, не то чтобы очень, потому что тогда, как вам уже доложил, больше по профсоюзной линии выступал...

— Это меняет дело. Товарищ Каганович — известный деятель нашей партии. Что ж ты сразу не сказал об этом?

— Так ведь неловко как-то, — заскромничал Хрущев. — Подумаете еще, что я прикрываюсь именем товарища Кагановича...

— А как ты в Калиновке очутился? Почему не примкнул к донецким рабочим, которые ушли на восток?

— Приболел малость, товарищ комиссар, — соврал Никита. — Думали — тиф. Обошлось. Только поэтому.

— Ну что ж, я думаю, месяца через два-три ты можешь подавать заявление. Пусть товарищи тебя узнают получше, составят мнение... Сам понимаешь: партия — она не для всех

и каждого, а только для самых преданных делу мировой революции и коммунизму.

— Я понимаю, товарищ комиссар. Очень хорошо понимаю. Как говорят в народе: потрать час, чтоб получше наостричь топор, выгадаешь целый день.

— Ну-ну, — хмыкнул комиссар Рибак и даже лоб наморщил, пытаясь вникнуть в смысл пословицы.

К вечеру, обрстая в каждом селе новыми новобранцами, одетыми кто во что горазд, но уже частью получившими оружие, на ходу делясь на взводы, роты и батальоны, прибыли на станцию, погрузились в теплушки. Никита Хрущев оставался при своих земляках в качестве политбойца, на остановках бегал в штабной пассажирский вагон, получал от комдива Рибака информацию и указания, листовки и газеты, переходил из вагона в вагон, неся в массы партийное слово о текущем моменте.

Никто не знал, куда идет эшелон, где остановится, будут ли какие учения, выдадут ли оружие безоружным. На другой день эшелон прибыл в Белгород, выгрузился, новобранцы разместились в казармах. Начались учения. Началось и бегство неосознательных крестьян из рядов образовавшегося войска. Несколько человек поймали и расстреляли перед строем. Бегство прекратилось.

Никиту Хрущева определили в саперный батальон. Как и все, он топал в строю, колот штыком соломенное чучело, учился ходить цепью в атаку, ползать по-пластунски, стрелять по мишеням, изучал по схемам разные укрепления, какие приходится строить саперам, и всякое оружие. В то же время оставался политбойцом, посещал инструктажи, слушал лекции по внутреннему и международному моментам, по вечерам читал тоненькие брошюры со статьями Ленина, Троцкого, Бухарина и других большевистских вождей.

Работая на шахте или заводе, Хрущев вполне обходился газетами самых разных направлений, и ему казалось, что все партии за революцию и новую жизнь. Какой она будет, эта новая жизнь, Никита толком представить не мог. Отец его, например, мечтал поднакопить деньжонок и завести свое дело. Многие рабочие мечтали о том же. У самого Никиты никаких мечтаний не имелось. Он жил одним днем, под завязку наполненным событиями, варился если не в самом центре этих событий, то и не с краю, — и это его вполне устраивало. А что будет дальше — проживем, как говорится, увидим.

Беспокойный характер, бьющая через край энергия не давали ему сидеть на месте и ждать, когда кто-то потянет его за

шкирку. Ладно, если потянут куда надо, а то ведь могут и в отхожее место. Так что лучше выбирать самому, в каком направлении двигаться. Главное, чтобы вместе со всеми. Потому что без окружающих его рабочих он, Никита Хрущев, кто? Никто. А с людьми и он человек. И не самый маленький.

Недели через две Хрущева привлекли к выпуску боевого листа под названием «Красноармеец». Он обзавелся штатом грамотных бойцов в своем батальоне, сам руководил ими и направлял их повседневную деятельность по политическому воспитанию остальных красноармейцев; маршировать на плац выходил всё реже, в наряд или караул и вовсе не посылали.

Правда, над ним теперь стоял новый комиссар — комиссар саперного батальона Фрайерман. Но вот беда: не мог Никита Хрущев найти с ним общего языка, хотя и стал его правой рукой, так что этот польский еврей, очень плохо изъяснявшийся по-русски и с высокомерием относившийся как к самому Хрущеву, так и к бойцам батальона, без Никиты и шагу шагнуть не мог, потому что бойцы с трудом его понимали, выказывая ему свое пренебрежение, строили из себя идиотов и демонстративно обращались к Хрущеву, чтобы тот растолковал им слова комиссара. И Хрущев растолковывал, как мог. Стычки между ним и комиссаром происходили чуть ли не каждый день, а разводить самолюбивого Хрущева с высокомерным Фрайерманом приходилось комдиву Рыбаку.

Едва потеплело, саперный батальон стал учиться на практике ладить переправы, устраивать позиции и заграждения из колючей проволоки, взрывать мосты и всё, что потребуется, а также чинить оружие вплоть до пулеметов и пушек. В этом деле Никита разобрался даже быстрее многих, поскольку еще на шахте овладел основными приемами слесарного дела.

Учения в Орле продлились несколько месяцев, затем дивизия была спешно направлена на юг против Деникина. В Екатеринодаре Хрущева приняли в партию большевиков и почти сразу же назначили комиссаром саперного батальона, а Фрайермана перевели в особый отдел. Дивизия то наступала, то отступала, в конце двадцатого года ее перебросили в Туапсе, откуда она пошла побережьем к границам Грузии, где власть захватили меньшевики. Боев здесь почти не велось, Красная армия вошла в Грузию и утвердила там советскую власть.

В двадцать первом году Хрущева демобилизовали, и он вернулся в Калиновку, из которой всё это время не получал никаких известий. Он застал село окончательно обнищавшим, обезлюдевшим, обобранным продотрядами до после-

днего зернышка. Жена его, Ефросинья, померла от тифа, дети, Леонид и Юлия, владели полугодовалое существование. Оставаться в селе не было никакого смысла: и к крестьянскому труду душа у Никиты не легала, и толку от этого труда по нынешним временам никакого не предвиделось, так что в деревне шибко-то не развернешься — даже и с партбилетом в кармане.

И Никита забрал детей и подался в Юзовку.

Глава 10

— Микита! Хрушев! Чертяка лысый! Звидкиля ты узявся? — воскликнул секретарь юзовской окружной парторганизации Семен Пилипенко, едва Никита Хрушев, одетый в шинель и буденовку, перешагнул порог его кабинета.

— С Кавказского фронта, Сэмэн. Оттудова.

— Скажи на милость, га! А у нас тут балакали, що ты подался до села, зализ у клуню да там и ховався усе то время, що мы с беляками мордувались.

— Мало ли что у вас тут балакають. Принимай меня на партийный учет, а я пока подберу себе работу.

— Да ты нияк вже записался у партию? О це дило доброе! И кем же ты працювал усе это время?

— Комиссаром батальона, затем инструктором политотдела армии.

— О це гарно! О це самый раз! Нам как раз таки политически грамотные хлопцы и нужны. Пойдешь заместителем председателя Рутченковского рудоуправления по политической части. У тебя опыт работы на заводе имеется, а нам трэба пускать производство. Понимаешь, французы, бельгийцы та нимци, черт бы их усах побрав, которые тут хозяйничали до революции, утекли и всю документацию зибралы з собою. А нам трэба пускать домны, коксовы батареи, много чего еще, а инженеров нема. Людей трэба кормить, для этого трэба что-то выконувати, менять на хлеб, потому как крестьяне, черти полосатые, задарма ничего давать не желают. Вот тебе мандат, дуй до горы, а пид гору воно само покатится... Да, еще ось чого. Тут так дило, — замылся Пилипенко. — Таке, значица, дило. Есть указание з Москвы, вид самого аж товарища Ленина, чтобы усю документацию, уси протоколы и прочие бумаги вели на украинській мове. То есть на украинськом языке. Ну и... усе останне тэж.

— Останне — цэ шо таке?

— А то самое, что и заседания там усякие, выступления, доклады... Так ты поимей в виду этот существенный момент.

Шоб, значица, ниякого притеснення и... как его? — великодержавного шовинизму. Живем на Украине и размовлять промеж себя должны на украинській мове. Не взирая там на то, кто ты такой есть: русский, еврей чи татарин. Такая ось установка. Имей цэ в виду. Спрашивать будем по всей, значица, партийной строгости.

— А где ее взять, эту самую мову? — спросил Хрушев. — Ты вот есть природный хохол, а что-то не шибко-то на своей мове размовляешь... Да и чего они там, в Москве? Говорили и говорили, каждый как умел — и все друг друга понимали. А теперь что? А теперь какой-нибудь дурак послушает меня и скажет, что я не выполняю директиву центра?

— Ну, ты, Микита, эти штучки брось! — посуровел Пилипенко. — Есть решение партии, значица, сполный. Скажет партия — и негритяньський язык учить станешь. Партия — вона знае, шо робить в данный исторический момент, яку вести политику по национальному вопросу.

Никита Хрушев шел от станции по улице поселка, то и дело застревая в жирной грязи, держась поближе к заборам, и покосившиеся хибарки с подозрением следили за ним подслеповатыми окошками. Чуть в стороне сквозь сетку дождя темнели мрачные тени мертвых доменных печей, коксовых батарей и заводских корпусов. Еще дальше, едва различимые, высились терриконы, уходя своими дымящимися вершинами за горизонт. Запустение царило всюду, куда ни глянь, и у Никиты Хрущева заныло в груди от неуверенности, что всё это можно оживить. Однако без оживления никак нельзя. Без этого его, Никиту, просто отодвинут в сторону более решительные и знающие люди. Так нет же! Он в лепешку расшибётся, а доверие старших товарищей оправдает. Надо только найти нужный конец в этом перепутавшемся хаосе мнений и желаний, потянуть за него со всей силой и решительностью, и вытянуть... А что удастся вытянуть, покажет время.

В кабинете, который когда-то занимал директор рудоуправления, сидели человек пять рабочих и кумекали, как пустить производство.

— Ничего не получится. Что мы знаем? Ничего мы не знаем. Я могу лишь загружать в домну шихту, а сколько чего, это как мастер велит. А мастеру — инженер. А как домну разжечь, я в этом деле ни бум-бум. Так и все остальные: каждый знает лишь свое дело, — говорил старый рабочий, угрюмо поглядывая на своих товарищей.

Вошедший незамеченным Хрущев кашлянул в кулак.

Сгрудившиеся за столом люди обернулись. Один из них, ровесник Хрущева, Иван Загорулько, работавший с ним вместе в Юзовке, узнал Никиту, обрадовался:

— Нашего полку прибыло! Здорово, Микита! Нам уже звонили, сказали, что посылают тебя давать нам всем политическое направление. Присаживайся и начинай давать. А то мы тут совсем запарились, а направления ни черта найти не можем.

Никита Хрущев обошел всех, с каждым поздоровался за руку, затем сел за стол, положил перед собой буденовку, пригладил редкие волосы.

— Мне уже сказали, какие тут у вас трудности, — заговорил он солидно. — Я, пока до вас добирался по вашим болотам, малость покумекал и кое-что смекнул. Может, пригодится...

— Валяй! А мы послушаем.

— А на каком языке валять? — спросил Хрущев, хитренько поглядывая на товарищей. — Украинской мовы я не знаю, а в окружке мне сказали, что на другой какой мове разговлять запрещено.

— Да ну их к чертям собачьим! В Москве выдумляют от нечего делать, а тут выкручивайся, як хочешь! — воскликнул всё тот же Загорулько. — Спокон веку тут разговляли кому как вздумается — и ничего, жили. Да и места эти считались российскими, русскими то есть, они и Харьков построили, и донецкий уголь освоили. А мы, хохлы, уж потом к этому делу прибились. Так что валяй, Микита, как умеешь! Главное, чтобы понятно было.

— Ну, если что так. Тогда слушайте. Я вот что думаю... — И тут Хрущев сбился с солидного тона, заговорил азартно, напористо: — Я думаю, надо всех, кто работал на коксовых батареях, на домнах, мартенах и в других местах, собрать и поставить каждого на свое место. Затем грамотные должны записать всё, что они знают о своей работе от начала до конца... каждый на своем месте. Получится... как это?.. технологическая линия — вот! И одновременно начать ремонтировать воздуходувки, подъемники, рельсовые пути, пополнять запасы угля, руды, извести и прочего. С подготовки производства надо начинать. Вот с чего. Сперва восстановить коксо-химический завод. А то домну задуем, глядь, а загружать нечем — пустое дело.

— Это верно! Что верно, то верно! — обрадовался Загорулько. — Сразу видно, что человек глянул со стороны и попал в самый корень. С этого и начнем. А то у нас тут некоторые

партийцы руки опустили по случаю нэпа, философию развели. Ты, Микита, знал Остапчука? Всю гражданскую прошел, батальоном командовал. А дня три назад застрелился. Оставил записку: нет, мол, никаких сил моих терпеть, когда буржуи опять нам на шею садятся...

— Ну и дурак! — отрезал Хрущев. — Кто ж им позволит на нашу шею сесть? С какого такого чернозему? Товарищ Ленин что сказал? Товарищ Ленин сказал, что другого пути, акромья нэпа, у нас нету, что власть остается у рабочих — это главное, а буржуи пушай пока наладят товарообмен с крестьянином, мелкое производство, а мы кое-чему у них поучимся, а потом — к ногтю. Вот как надо понимать текущий момент и не поддаваться панике.

— Это правильно, — подхватил Загорулько. — Таковую линию и надо проводить промеж наших рабочих.

— Вот и давай сегодня-завтра соберем всех рабочих, мастеров, какие остались, объясним, что к чему, и зачнем, — напирал Хрущев. — Зачин — великое дело. Ну, сделаем одну плавку не такую, другую-третью, а там пойдет. Не боги горшки обжигают. И надо потрясти инженеров. Может, кто остался. Не все же с белыми сбежали.

— Осталось несколько человек, да только дела с нами иметь не хотят, — махнул рукой Загорулько. — Спичками, семечками на базаре торгуют, сахаринном. Один открыл мастерскую по починке примусов и керосинок...

— Что значит — не хотят! — возмутился Хрущев. — Взять за шкуру, притащить на завод. На бельгийцев работать хотели? На немцев с французами работали? А на рабочих не хотят? Душу из них вынуть, а заставить...

— Душу вынуть легко, а вот заставить... — Загорулько сокрушенно покрутил круглой головой. — Сейчас не те времена, Микита. Партия открыла простор для частного сектора, и препятствовать мы не можем.

— Всё это мелкобуржуазные отговорки: можем — не можем. Нэп — явление временное. Сегодня нэп, завтра — частное предпринимательство по боку. Товарищ Троцкий правильную линию предлагает: всех, хочет или не хочет, заставить трудиться там, где нужно для мировой революции. Не для того мы кровь проливали, чтобы вернуть всё на старое. Ленин сказал, что через десять-пятнадцать лет надо построить коммунизм, а если так будем валандаться, то не только коммунизма, но и социализма через сто лет не построим!

— Ну и как ты, Никита, это себе мыслишь?

— Что — мыслю? Насчет инженеров? Провести мобилизацию. Вот как я себе это мыслю. А рабочие сами придут. Жрать-

то чего-то надо. Голод — не тетка, он кого хошь приведет в соответствие.

На том и порешили.

Худо-бедно, а коксовые батареи отремонтировали, домны зажгли, пошел чугу́н, за ним сталь, качество, конечно, не то, но... лиха беда начало. Зарплату рабочим выдавали в стальных и чугунных слитках: бери и делай, что хочешь. И делали: кто плуги, кто бороны, кто тяпки-мотыги, лопаты да ухваты, продавали нэпманам-перекупщикам, покупали хлеб.

Никита Хрущев дневал и ночевал на производстве, в кабинете не засиживался, вникал в каждую мелочь, ел на ходу, спал в кабинете или где придется, дома бывал редко, препоручив детей приходящей женщине. Он многому научился за эти месяцы работы, можно сказать, вслепую, когда прозревали все вместе и все вместе обретали в себе чувство хозяина всех этих заводов, шахт и рудников. В то же время Хрущев всё больше понимал, что знаний ему, увы, не хватает, что если и дальше он будет вести дела таким дедовским способом, то дождется такого момента, что придут другие, знающие, и ототрут его в сторону. Об этом он помнил постоянно, и на каждого новенького смотрел с опаской.

Как ни трудно было бросать начатое, упросил Хрущев окружком партии послать его на учебу в Юзовский индустриальный техникум. Одновременно с этим поступил и на рабфак. На рабфаке постигал азы грамоты за среднюю школу, в техникуме — азы производства, химии, физики, металлостроения и прочих наук.

Слава, как говорится, богу, и на рабфаке, и в техникуме преподавали на русском языке, хотя среди студентов находились упёртые хохлы, которые возмущались этим и требовали полной украинизации учебного процесса. Но их быстро поставили на место, то есть в тёмном углу объяснили, что время поджимает, империалисты не дремлют, а пушки не разбирают, кто на каком языке балакает. Да и сами упёртые хохлы говорили чёрт знает на каком языке, а чтобы преподавать на нём же, писать, вести протоколы и прочее, так подобных и вообще не находилось. И дело постепенно пустили на самотек, а потом и вовсе замяли.

На рабфаке же Никита приглядел молодую женщину, Нину Петровну Кухарчук. Не красавица, но... с лица ведь воду не пить. Зато крепко подкована по части политэкономии, философии и прочих наук, партийцы со стажем относятся к ней с почтением. Впрочем, не только эти соображения толкнули Никиту к молодой женщине, не только ее необыкновенная

солидность и умение объяснить простым языком самые трудные вопросы, а еще и необходимость дать своим детям если и не мать, то такую женщину, которая бы ее заменила. И он решил этот вопрос так же, как решал все другие — без всяких сомнений и проволочек: так, мол, с моей стороны и так, дорогой товарищ Нина, а всё остальное зависит от тебя. «Я согласна», — сказала Кухарчук, и стали они жить-поживать гражданским браком. Тем более что советская власть этому не препятствовала, а попов, какие еще остались, никто не спрашивал.

Глава 11

По улицам Москвы мела поземка. Снежные вихри, выстуженные тридцатиградусным морозом, хлестали по стенам домов, сухим шорохом наполняя почти безлюдные улицы. Низкое небо серой мутью несло над самыми крышами, цепляясь за маковки церквей; заледенелые ветки деревьев, словно тысячи хрустальных висюлек, звенели при каждом порыве ветра, с мольбой обращая к небу корявые руки.

Человек лет двадцати шести, чуть выше среднего роста, одетый в потертую короткополую шубейку, широкими шагами шел по улице Рождественке, прикрывая от встречного ледяного ветра лицо высоким бобровым воротником, тоже основательно потертым. Звали этого человека Алексеем Петровичем Задоновым, и был он сыном известного в стране строителя железнодорожных мостов Петра Аристарховича Задонова, высоко ценимого не только старой, но и нынешней властью. Алексей Петрович спешил в Верховный суд РСФСР, расположенный на улице Ильинке, где в качестве обвинителя на процессе по делу о взяточниках и расхитителях в аппарате Наркомата путей сообщения должен выступать Андрей Январьевич Вышинский.

Задонов глянул на часы и понял, что опаздывает. Заметив извозчика, дремлющего на козлах, в то время как его лошаденка медленно брела среди высоких сугробов, Задонов перебежал на другую сторону улицы, вскочил на приступок рессорного возка, ткнул кулаком в извозничью спину и, когда из бараньего воротника показалась бородатая физиономия с сосульками на усах, велел везти себя на Ильинку.

— Поспешай, братец, опаздываю! — крикнул он извозчику в сонное лицо, и тот, встрепенувшись, забрал в руки вожжи и, подергав ими, прохрипел:

— Ну, пшла, ш-шал-лава!

И лошаденка послушно пустилась вихляющей рысью.

Возле здания суда Задонов щедро расплатился с извозчиком и вошел в подъезд, предъявив милиционеру удостоверение нештатного сотрудника газеты «Гудок».

На этот процесс Алексея Задонова гнала не только популярность Вышинского, завоеванная им в качестве обвинителя с начала двадцатых среди московских обывателей, часто собиравшихся послушать его зажигательные речи, отличавшиеся непримиримостью ко всяким жуликам и прохиндеям, оказавшимся у власти, но более всего потому, что редактору газеты Наркомата путей сообщения «Гудок» понадобился отчет о процессе, который, собственно говоря, и был затеян на основе критических публикаций этой газеты.

К тому же это было первое задание, которое нештатный корреспондент Задонов получил от самого главного редактора, и, если ему удастся сделать такой материал, который главного устроит, то, вполне возможно, его возьмут в штат, и тогда закончится то двойственное положение, которое уже второй год угнетает его своей неопределенностью.

Слава богу, Задонов успел к самому началу заседания, потому что, опоздай он хотя бы на минуту, его могли бы и не пустить, и тогда вышел бы полный конфуз, который положил бы конец его мечтаниям и надеждам.

Дело в том, что Алексей, как и его старший брат Лев, идя по стопам своего отца, закончил МИИЖД — Московский институт инженеров железнодорожного транспорта, и еще в институте начал пописывать в разные газеты мелкие заметки на технические темы, чаще всего касающиеся железных дорог и всего того, кто и зачем по ним ездит, что по ним возят и куда, но не из каких-то там идейных или политических соображений, а исключительно по причине своего стеснительного финансового положения и нежелания разрешать это унизительное положение с помощью отца или старшего брата. Однако ему бы и в голову не пришло искать заработок таким необычным способом, если бы его не избрали в факультетскую редколлегияу стенной газеты, выходящую раз в неделю под названием «Наше железное будущее».

В то время, то есть сразу же после Февральской революции, но более всего после большевистского переворота, в институте желдортранса, как, впрочем, и во всех других учебных заведениях Москвы и прочих городов, общественная жизнь бурлила, как в перегретом паровозном котле, иногда перехлёстывая через край, втягивая в свои водовороты и таких весьма пассивных с политической точки зрения людей, каким и был Алексей Задонов, потомственный дворянин — по матери, удостоенный этого звания за заслуги перед тро-

ном и отечеством — по отцу. Тогда в стенах учебных заведений царило студенческое самоуправление, свергавшее профессоров-ретроградов и призывавшее на кафедры молодых и скороспелых энтузиастов. Стенная газета в те поры была рупором молодых радикалов и революционеров, заполонивших институтские аудитории. Через некоторое время выяснилось, что Алексей Задонов «владеет пером», способностью анализировать события и давать им весьма оригинальное толкование. И кто-то посоветовал ему предъявить эти способности тому же «Гудку» и, чем чёрт не шутит, иметь с этого кое-что на карманные расходы. Алексей Задонов после некоторых колебаний эти свои способности предъявил, был принят в редакции довольно благосклонно и вскоре получил удостоверение нештатного сотрудника.

Поначалу он не лез из кожи вон: небольшие заметки, публикуемые раза два-три в месяц, вполне удовлетворяли его весьма скромные потребности, но к четвертому курсу речь шла уже не столько о карманных расходах, сколько о поддержании бюджета молодой семьи, которая образовалась как-то незаметно и почти что вдруг: то есть и невеста хороша и молода, и чувства к ней какие-то имеются, и она к нему тоже что-то там питает, но не до такой же степени, чтобы — семья. Однако родители вмешались — и семья образовалась. Это потом Алексей поймет, каким образом и почему, но тогда думать над этим было некогда, жизнь неслась вперед, ломая все закосневшие преграды и ограничения. Ну, женился, ну, вышла замуж — и что? Да ровным счетом — ничего особенного. А там поглядим. Однако семья есть семья, а он как бы ее глава, следовательно... И Алексей стал пописывать уже вполне целенаправленно и основательно, а газеты — в основном всё тот же «Гудок» — печатать его «писюльки». Не все, конечно, но большую часть из того, что он приносил. И это тянется до сих пор. Он уж и институт закончил (с золотым дипломом, между прочим), и поступил в проектно-конструкторское бюро паровых двигателей, и зарплату получает почти регулярно, и ценят его в этом самом бюро, и хлебно-продуктовая карточка у него как у фабричного рабочего, то есть с известными привилегиями, полученными от пролетарской же власти, и уж должность у него старшего инженера-проектировщика, а только чем дальше, тем всё больше охладевает он к своей профессии, тем всё глубже затягивает его в журналистику, которая сулит безграничные возможности в сравнении с сидением за кульманом, тем более что и сама журналистика связана с его профессией, где всё — или почти всё — ему ясно и понятно,

и никто, начиная с паровозного кочегара и кончая начальником какого-нибудь железнодорожного главка, — никто не может повесить ему на уши лапшу, втереть очки, выдать чёрное за белое.

Между тем в самой газете таких людей — раз-два и обчелся. А если быть безукоризненно точным, то — ни одного. Нельзя же назвать специалистом в области желдортранса Ефима Рессорского (а на самом деле Фрумкина), который в молодости работал буфетчиком в вагоне-ресторане фирменного поезда Москва—Варшава и возил, как он однажды признался, туда-сюда разную контрабанду. И тоже пописывал в газеты на желдортемы, избегая даже намека на свою потайную деятельность.

Что касается Заданова, то со временем гонорары перестали быть главным пунктом в его отношениях с газетой. Главным стало совсем другое: он как-то незаметно стал получать от своих писаний удовольствие и даже наслаждение, чего не получал от копчения за кульманом. Он получал наслаждение даже от предвкушения предстоящего творчества.

Вот и сегодня, едва выйдя из дому, он сразу же окунулся в атмосферу... может быть, и не в атмосферу, потому что атмосфера — это снаружи, а во что-то такое, что возникло в нём самом и захватило его целиком, и всё, что видели его глаза и чувствовало его тело, — всё это было как бы прелюдией к тому репортажу, который он напишет для газеты. Только поэтому свист ветра в замёрзших ветвях деревьев напомнил ему звон хрустальных висюлек под сводами огромного зала, где вот-вот должно произойти что-то значительное, но никогда этот многоголосый свист ветра не пробудил бы в нём таких напоминаний, не вызвал бы таких ассоциаций, если бы он шел в свое проектно-конструкторское бюро.

— Встать! Суд идет! — объявил секретарь суда, прилизанный молодой человек в полувоенном френче цвета хаки с большими накладными карманами, прервав стремительный поток беспорядочных мыслей Алексея Заданова.

И по залу прошел почти восторженный шепоток:

— Вышинский! Сам Вышинский!

И точно: в зал вслед за судьей, тоже весьма еще молодым человеком, однако с шикарной лысиной, вошел Вышинский, исполняющий обязанности обвинителя на предыдущих и нынешнем судебном процессе. Ничего особенного: невысокого роста, с прилизанными волосами на прямой пробор, лицом аскета и праведника, то есть из той породы людей, которые если во что-то верят, то с такой страстной силой и убежденностью, что ими со временем начинает двигать не

любовь к человечеству, а ненависть к тем, кто не разделяет их взглядов, то есть к большей части этого человечества.

Задонов до этого Вышинского видел и слушал дважды еще в августе-сентябре семнадцатого года: тот возглавлял управу Якиманского района и выступал на митингах от имени партии меньшевиков. Тогда Вышинский призывал народ сплотиться вокруг Временного правительства для победоносного завершения войны с Германией, напрячь для этого все силы и не поддаваться на посулы большевиков, которые хотят силой захватить власть в Петрограде, не дожидаясь выборов в Учредительное собрание. Оратор был убедителен, и большая часть митингующих поддерживала его аплодисментами и криками. После его выступлений других ораторов, особенно из большевиков, затюкивали и освистывали.

Большевики власть всё-таки захватили. И не только в Петрограде и Москве. Но со временем и по всей России. Задонов, однако, не связывал того Вышинского с этим: мало ли в России Вышинских! Тем более что тот, с Якиманки, настолько яростно защищал Временное правительство, что поверить в превращение того меньшевика в нынешнего большевика можно было, лишь обладая чудовищной фантазией. И всё-таки это был тот самый Вышинский. Только теперь он обзавелся усиками, отчего узкий рот его превратился в узкую щель. При этом, как ни странно, не растерял ни грана былой уверенности.

Вышинский прошел к своему месту торопливым шагом, не глядя по сторонам, в одной руке портфель, другая отмахивает в такт шагам. Казалось, что он спешит поскорее занять свое место, где может почувствовать себя в безопасности, огражденный от всех прочих своей должностью и занимаемым положением. Сев, он с подозрением оглядел зал серыми глазами, упрятанными глубоко в подлобье, положил портфель на стол, достал оттуда толстую папку, бутылку с минеральной водой и стакан, футляр с очками, очки водрузил на нос, посмотрел, щелкнув крышкой, на большие карманные часы, прикрепленные цепочкой к жилету, убрал часы и нетерпеливо глянул на секретаря, который о чем-то тихо переговаривался с судьей, и только потом на адвоката, обосновавшегося по другую сторону от судейского стола, представляя собой полную противоположность обвинителю: то есть был кругл, суетлив и лыс.

Алексею Задонову впервые выпал жребий присутствовать на судебном заседании. Но пару обвинительных речей Вышинского довелось как-то прочитать в «Известиях».

Помнится, одно из дел было возбуждено против группы возглавителей какого-то треста, образованного из чиновников главка наркомата сельского хозяйства для помощи голодающим Поволжья. В обязанности этих чиновников входило спасение скота в пораженных засухой районах, на что были отпущены огромные по тем временам деньги. А они, вместо спасения, по предварительному между собой сговору, вступили на путь систематического казнокрадства, втягивая в это дело нэпманов, отправляя помощь куда угодно, но только не тем, кому она была предназначена, покупая дома и квартиры в Питере, Москве и других городах, за бесценно приобретая бывшие барские усадьбы, скаковых лошадей и прочее, и прочее.

Да-да, Алексей помнил это дело: о нём много говорили в то тяжелое и весьма неустойчивое время, делая из него вывод, что, судя по всему, советская власть долго не продержится, если нэпманы и совслужащие, в том числе и члены партии, стали расхватывать недвижимую, имея виды на то время, когда большевики канут в небытие и власть перейдет в руки деловых людей, твердо знающих, что нужно для России и ее народа. Тем более что и наверху шла грызня среди партийных лидеров за первенство, и эта грызня время от времени прорывалась наружу, вселяя надежды многих и многих на возвращение если и не всего прошлого, то главной его части.

Следствие по делу работников треста длилось года два, завершилось в мае 1923 года. О нем писали довольно часто, но за этой писаниной Алексей не следил: и не до того было, и за всем не уследишь. Однако речь прокурора Вышинского прочел внимательно. Что поразило Алексея в этой речи, да и не только его, так это как ее автор выстроил прямую связь между этим преступлением и текущим политическим моментом. Получалось, что если бы не этот самый момент, если бы, скажем, случилось подобное лет десять назад, то преступление можно было бы квалифицировать как весьма заурядное предпринимательство, с некоторым уклоном в сторону нарушения существующих законов. Но времена изменились, и то, что вчера было нормой, теперь стало преступлением. Между тем, помнится, большинство подсудимых получили небольшие сроки, да и те были им прощены по случаю амнистии в честь годовщины Октябрьской революции. Но двоих-троих возглавителей треста приговорили к высшей мере без права на амнистию, и приговор был вскоре же приведен в исполнение.

Однако наибольшую известность Вышинский получил после дела, возбужденного в 1923-м же году против питерс-

ких судебных работников, которые закрывали дела не чистых на руку нэпманов, — разумеется, за большие взятки. Тут были замешаны прокуроры, судьи, следователи, дознаватели, адвокаты, и не только какие-то там рядовые сошки, а и в больших чинах и должностях весьма высоких — с одной стороны, с другой — непманы и те, кто выступал в качестве посредников между теми и другими.

Дело слушалось в Ленинграде выездной сессией Верховного суда РСФСР в мае 1924 года. Процесс дознания, начатый полгода назад, освещался всеми советскими газетами почти ежедневно. В киосках выстраивались очереди с раннего утра. Газетами шуршали в трамваях, на работе и дома. На кухнях коммуналок вспыхивали горячие споры о том, кто победит: Вышинский или адвокаты. Поразило Алексея Задорова, как, впрочем, и всех его знакомых, что преступными судебными работниками оказались в основном русские, а нэпманами — евреи. И хотя сам Вышинский в своей обвинительной речи не делил их по национальному признаку, однако тем, кто читал его речь, это неделение бросилось в глаза, из чего делались далеко идущие выводы.

— Вот, — ткнул пальцем в газету Петр Аристархович, обращаясь к сыновьям Петру и Алексею. — Вот кому больше всего революция оказалась на руку. Какой там к чертям собачьим пролетариат! Какой такой коммунизм! — восклицал он с возмущением, точно ему самому позарез нужны были и пролетариат и коммунизм. — Ворье — с одной стороны, их покровители — с другой. Не зря Горький твердил на каждом углу, что в Питере власть захватили воры и жулики во главе с Зиновьевым. Вот оно и подтвердилось со всей очевидностью. Потому и услали так называемого великого пролетарского писателя в бессрочную эмиграцию... чтобы не мешал воровать. А вы говорите...

И хотя сыновья ничего такого не говорили, тем не менее по части совласти имели несколько отличное от отцовского мнение... в основном по частным вопросам. Потому что считали, что в принципе вопрос о власти как бы решен самой Историей, а кто окажется наверху из той обоймы большевистских вождей, которые остались после смерти Ленина, значения не имело.

Смерть Ленина на время прервала процесс. Но она же придала адвокатам новые силы: они заседали, выгораживая своих подзащитных, и казалось, что обвинителю не устоять против корпоративной сплоченности служителей Фемиды. Однако Вышинский не только устоял. Он одержал над адвокатами верх. И появившееся наконец сообщение о приговоре

суда было тому красноречивым доказательством: с десятков судебных и нэпманов отправили в сибирские лагеря на десять лет, семнадцать человек расстреляли. Такого финала никто из Задоновых и их друзей не ожидал. Тем более что среди расстрелянных были и коммунисты. Другое дело, что коммунистами они оказались липовыми, но всё-таки, что ни говори, входили в некую касту, причастную к созданию новой власти.

— Ну, если большевики и дальше будут точно так же поступать с российским жульем, то, глядишь, у нас со временем что-нибудь да изменится в лучшую сторону, — заключил Петр Аристархович, прочитав сообщение о приговоре в газете. Но тут же и поправился: — Но очень и очень не скоро. Триста лет в России воровали, и чтобы одним махом — такого не может быть. Петр Великий — уж на что решительно ломал прошлое, а и тот обломал лишь верхушки, не тронув самих корней.

И сыновья в этом вопросе с отцом были полностью согласны.

Глава 12

Главный редактор постарался — и Задонов получил кое-какие данные о Вышинском: родился в Одессе в 1883 году, родители происходят из польской шляхты; в 1905 году, будучи меньшевиком, принимал активное участие в революционных выступлениях бакинских рабочих и студентов, командуя боевой дружиной, был ранен черносотенцами, арестован, сидел в Бакинской тюрьме, но недолго: каким-то образом сумел выйти сухим из воды, уехать в Киев. Юридическое образование получил в Киевском университете. Февральскую революцию семнадцатого года встретил в Москве. Поскольку меньшевики вошли в состав Временного правительства, Вышинский был назначен комиссаром Первого участка милиции Якиманского района Москвы, а затем избран председателем (мэром) районной управы, но к двадцатому году перекарсился, то есть вступил в партию большевиков и стал ревностным адептом новой веры, избежав каким-то образом репрессий со стороны новой власти. Женат, имеет дочку.

Информация была скупой, но таила в себе прорву всяких возможностей, если, скажем, взять судьбу Вышинского за основу и наделить ею будущего героя повести или романа. При этом главный, дав прочитать Задонову машинописный текст, явно сделанный под копирку, предупредил, чтобы тот

пользовался этими сведениями с большой осторожностью: мало ли что.

Сам Алексей к большевикам относился без малейшей симпатии, приняв их как неизбежное зло, которое должно вот-вот пожрать самое себя, но почему-то всё не пожирало и не пожирало, а, наоборот, забирало всё в свои руки, вызывая к себе даже некоторое уважение за нестигаемость перед Западом, грозившим новой России всякими карами. Поэтому он не мог поверить, что и сидящий за прокурорским столом Вышинский искренен в своих словах и помыслах. Непреодолимые обстоятельства, повернувшие Россию на сто семьдесят градусов, — вот что должно двигать и, судя по всему, двигает такими людьми, как Вышинский. Как, впрочем, и самим Алексеем Задоновым. С этим приходится мириться и как-то вживаться в новые условия жизни, чтобы не просто существовать, но и приносить пользу отечеству.

Да-да, именно Отечеству — с большой буквы! И никак иначе. Пока же перед ним, Задоновым, стоит вполне конкретная задача: написать репортаж из зала суда и так, чтобы его напечатали. Более того: чтобы обыватель почувствовал не только удовлетворение от справедливого приговора, — если он, разумеется, последует, на что очень надеялся Алексей Задонов, — но и некую закономерность, следовательно, и твердую уверенность в будущем. Пусть и при большевиках. Ну и... помимо всего прочего — тут тебе и деньги, тут тебе и возможные перспективы.

В зал начали вводить обвиняемых.

Они входили в боковые двери один за другим, большинство опустив голову и не глядя по сторонам. Но были и такие, кто голову не опускал, вертел ею, оглядывая присутствующих в поисках знакомых лиц. Кто-то продолжал держать руки за спиной, как и велели при выходе из камеры; кто-то не знал, куда девать свои руки, и то засовывал их в карманы, то складывал на груди.

Но вот подсудимые расселись на длинных скамьях, и секретарь суда стал выкликать их пофамильно. Одни вскакивали с испугом, откликались громко, точно это давало им надежду на послабление приговора, другие поднимались медленно, откликались с явной неохотой и так же медленно садились. Лица их точно одеревенели в какой-то момент да так и остались с выражением полной обреченности и беспросветности.

Во время всей этой процедуры в зале то и дело раздавались задавленные женские вскрики и рыдания, и Алексей, представив себя сперва на месте подсудимых, затем их родствен-

ников, почувствовал, как по телу его прошла волна озноба, точно и его фамилию вот-вот выкликнет прилизанный секретарь, и Маша, молодая жена его, и брат Петр, и жена его Катерина, и родители вот так же зажмут себе рот руками, чтобы не выпустить наружу рвущийся крик отчаяния и боли.

Во всё это время Вышинский не обращал ни на кого своего внимания, перебирал в серой папке листки, иногда что-то вписывая в них карандашом. Не было заметно, чтобы он волновался или каким-то образом показывал свою причастность к происходящему. Видать, привык и к слезам, и к обморокам, и к запоздалому раскаянию, ожесточил свое сердце, вытиснив из него жалость и сочувствие.

Все эти странные мелочи, предворяющие главное, так захватили Задонова, что он ни о чем другом не думал и ни в чем не сомневался, быстро записывая короткими фразами свое впечатление от первых минут судебной рутины. И когда эта рутина подошла к концу, слово было предоставлено главному обвинителю.

Вышинский встал, не спеша собрал свои бумаги и заговорил. Начал он с общей характеристики дела: бывший главк, ведающий закупками и распределением материальных ресурсов, был в свое время преобразован в трест с известной свободой деятельности, не исключая хозяйственной и деловой инициативы, которая, однако, должна была направляться на улучшение порученного дела, направляться на пользу революции и рабочего класса, на выработку основ социалистического строительства, на расширение сети железных дорог, улучшение их обслуживания и многое другое, исходя из опыта частнопредпринимательской деятельности. Вместо всего этого подсудимые встали на путь прямого жульничества и воровства, встали на путь личного обогащения, втянув в орбиту своих грязных делишек неустойчивый элемент.

Чем дольше говорил Вышинский, тем яростнее становилась его речь, энергичнее жестикуляция. При этом он то и дело пользовался примерами из русской литературы, особенно из Гоголя, и по залу то и дело прокатывался одобрителный смешок: слушатели, исключая родственников, были на его стороне. И теперь, собрав вместе все факты, громил шайку врагов революции и советской власти, состоящую не только из старых спецов, но и молодых, оказавшихся втянутыми в это дело. И даже коммунистов.

Алексей записывал, записывал, записывал, не очень-то вникая в смысл, стараясь записать как можно подробнее, пока еще не зная, как он распорядится своими записями.

Открывались потрясающие картины масштабного жульничества и казнокрадства, о которых даже не подозревали газетчики, писавшие о том, что в Наркомате желдортранса вторятся какие-то странные дела: пропадают вагоны и даже целые составы с лесом, цементом, гвоздями, оцинкованным железом, рельсами и шпалами, зерном и фуражом, промтоварами и прочим, и прочим, и прочим. Обвиняемые отпирались, утверждая, что всё дело в путанице, царящей в управлении перевозок, что они-то, безвинные обвиняемые, все вагоны и поезда направляли туда, куда надо, а если вагонов и недосчитывались на станции назначения, то исключительно потому, что руководство треста так поставило дело, что на местах погрузки шла борьба среди рядовых работников за экономию этих самых вагонов, и то, что обычно грузили на десяток платформ, им удавалось погрузить на девять или даже восемь, что и отмечалось приказами по тресту и наркомату. А все недоразумения сводились к тому, что на местах не умеют считать, что там сидят невежественные в этом отношении люди, а они, руководители треста, тут ни при чем. Что касается покупки домов в больших городах и бывших помещичьих усадеб, скаковых лошадей, автомобилей и драгоценностей для своих жён и дочерей, то всё это было сделано давно, когда запрета на подобные покупки еще не было, что деньги брались из фамильных накоплений через Торгсин с уплатой всех налогов и пошлин.

Вышинский говорил почти два часа. Он подробно разобрал каждый эпизод, дал характеристику каждому участнику преступной группы, разделив ее на три части: руководители афер, посредники и исполнители, которые хотя и догадывались, что тут что-то не так, однако помалкивали, тем более что молчание неплохо оплачивалось.

Адвокаты в сравнении с прокурором выглядели мальчишками для битвы. Вышинский явно забивал их своей аргументацией и эмоциональностью. И Задонов мысленно аплодировал прокурору.

Наконец был оглашен приговор: кого-то оправдать, но таких было немного, кому-то дать весьма малые сроки — от трех месяцев до полугода, кому-то десять лет с конфискацией имущества и поражением в правах на три-пять лет, кого-то расстрелять — и тоже с конфискацией имущества... и как следствие всего этого — рыдания, крики отчаяния, вопли, суета милиционеров и медицинских работников.

Когда всё это закончилось, Алексей вышел на улицу, а там всё тот же мороз, позёмка, и лишь небо очистилось от облаков, вывездилось, обещая морозы еще лютее. Отойдя не-

много от здания суда, он оглянулся, и ему показалось, что всё это ему приснилось или внушилось каким-то таинственным образом, потому что окружающий это здание мир не развалился, не принял другой облик: всё те же дома, улицы, спешащие куда-то редкие прохожие, дребезжащие трамваи, куда-то летящие лихачи с закутанными в меха нэпманами и нэпманшами, редкие автомобили и фонари. Странно, но и в нём самом тоже ничего не изменилось и вряд ли изменится, в то время как приговоренных уводят в камеры без всякой надежды на изменение приговора.

Придя домой и закрывшись в домашней библиотеке, она же кабинет отца, предоставленный ему для работы, разложив на столе свои записи, Алексей стал вникать в существо дела, и на него вновь навалилось всё пережитое в суде, но пережитое торопливо, между строчками в блокноте и на отдельных листах, и он, потрясённый, испугался, что не сможет одолеть эту глыбищу людских страстей, что это вообще невозможно описать, и так описать, чтобы все, прочитавшие твои писания, прониклись теми же чувствами, какие обуревают тебя самого. И был момент, когда он готов был позвонить главному редактору газеты и повиниться в своей немощи. Тем более что к этому примешивалось отношение отца, с самого начала не одобрявшего наметившуюся измену младшего сына семейной традиции. Он встречал его статейки в газете желчными насмешками, не видел в них проку, не верил в способности сына, но более всего в то, что всё им написанное вытекало из его принципиальных взглядов на сотрудничество с властью.

— Одно дело — конструировать машины, другое дело — лезть в политику, в которой ты ни уха ни рыла, — ворчал старик. — Машина — она и есть машина, для нее не важно, кто у власти: царь, Керенский или Троцкий со Сталиным. Вот подожди, споткнешься на ровном месте, — пророчествовал он, — возьмут тебя на цугундер и зашвырнут туда, куда Маркар телят не гонял. Тогда и узнаешь, где большевистские раки зимуют.

Алексей и сам чувствовал, что в его жизни происходит что-то не так, но остановиться не мог, мечтая, что рано или поздно, познав жизнь во всех ее противоречиях в качестве газетчика, перейдет к художественной прозе. Тем более что он уже пробовал себя на этой стезе, пока доверяя свои рассказы только Маше. И она, его ангел-хранитель, единственная была на его стороне.

Он тупо смотрел на свои записи, не представляя, как из этих торопливых отрывков можно создать нечто цельное, и

не слышал, как открылась дверь и вошла Маша, приблизилась к нему, положила руки ему на голову, взъерошила его густые темно-русые волосы, прижалась к нему своим тугим животом, в котором уже давала о себе знать новая жизнь, и прошептала:

— А ты поспи, Алешенька. Поспи. Ты за эти дни — я же вижу — извелся весь, изнервничался. А я посижу с тобой. А когда проснешься, у тебя всё получится. Вот увидишь.

И под ее успокаивающий шепоток он почувствовал, что, да, чертовски устал и ужасно хочет спать. До этого не чувствовал, а тут — на тебе. И последовал совету своей жены. И проспал весь день, проснувшись лишь за полночь, но проснувшись свежим, бодрым, уверенным в себе и готовым ко всему. Тем более что газета ежедневно давала его репортажи из зала суда, правда, весьма урезаемые главным, но в общем и целом — его репортажи, а не кого-то другого, а его задача на сегодняшний день — обобщить и дать развернутую картину всего, что связано с преступлением и судом.

И он написал свой главный репортаж, написал за одну ночь. И всё само собой ложилось в строчки, не вызывая никаких затруднений, всё пережитое им виделось так ясно, так отчетливо, что было даже странно и смешно вспоминать свою растерянность и неуверенность.

Утром Маша, пока он спал, перепечатала его писание на машинке, исправив все его корявости, потому что была подкована по части русского языка значительно лучше своего мужа, закончив учительский институт, а до этого привилегированную женскую гимназию, с обязательным знанием не менее трех иностранных языков.

Во второй половине дня Алексей предстал перед главным и положил ему на стол листки бумаги, скрепленные между собой.

Главный взял эти листки, взвесил на ладони, усмехнулся и произнес свой приговор:

— Многовато, конечно, но, как говорится, лиха беда — начало. Так что с началом тебя, товарищ Задонов. Главное у тебя есть: владение словом и умение отделять зерна от плевел. Всё остальное приложится. Пиши заявление о зачислении в штат.

На другой день Алексей принес домой пахнущую краской газету со своим обобщенным репортажем из зала суда. Репортаж занимал подвал, хотя его сократили почти наполовину, и Алексей должен был признать, что от сокращения его писание даже выиграло. Старший брат поздравлял Алексея, его жена Катерина — тоже, Маша ходила именинницей. Петр

Аристархович, запершись в своем кабинете, непрерывно курил и не показывался на люди весь день. Даже обедать велел принести в кабинет. Но ужинал вместе со всеми, однако в сторону Алексея не взглянул ни разу. За столом царила необычная тишина, даже дети Петра — и те вели себя тихо.

Алексею оставалось в ближайшие дни уволиться с одной работы, оформиться на другую и в новом качестве вступить в новую жизнь.

Вечером он столкнулся с отцом в коридоре, вернувшимся со службы.

Петр Аристархович, освободившись от шубы и отряхнув веником валенки с калошами, поманил к себе младшего сына и, когда тот приблизился, сообщил ему вполголоса:

— Ты вот о Вышинском написал, так я тебе скажу, — но это сугубо между нами, — что этот полячек еще в пятом году сидел вместе со Сталиным в одной камере Бакинской тюрьмы. И был он тогда меньшевиком, а Сталин, само собой, большевиком. И что при Керенском этот Вышинский, если согласишься, яростно выступал против большевиков. И даже приказал расклеить портреты Ленина в Якиманском районе, поскольку Временное правительство издало декрет о его, Ленина, аресте. Не знаю, как там и что, но только карьера этого полячика явно как-то связана с давним знакомством со Сталиным. Во всяком случае, ходят такие слухи. Смотри, Алешка, не обожгись.

— Спасибо, папа, я постараюсь, — пообещал Алексей, для которого сообщение отца, хотя и было кое в чем новостью, никакого беспокойства не вызвало. Зато показало, что отец вполне смирился с отступлением сына от семейной традиции — и на душе у него потеплело.

Алексей поймал холодную с мороза руку отца и прижал ее к губам.

— Ну, будет, будет! — захекал растрогавшийся старик и, отвернувшись, смахнул со щеки непрошеную слезу.

Мир в семье был восстановлен.

Глава 13

Андрей Януарьевич Вышинский вернулся домой хмурым и весьма собой недовольным. Хотя на процессе он добился почти всего, что вытекало из заключительного обвинения по делу о преступном сообществе нэпманов и совчиновников, однако в некоторых деталях оказался недостаточно убедительным, в результате чего кое-кто из обвиняемых отделался мизерными сроками и даже легким испугом.

Но если бы только его собственные недоработки! Даже если бы он идеально провел обвинительную часть, вряд ли что-нибудь изменилось: партийное руководство, от района до главков и наркоматов, так давило на судью, адвоката, прокурора, да и на обвинителя, что ничего другого и не могло получиться. По наиболее строгим статьям уголовного кодекса РСФСР были приговорены лишь те, за кого некому было заступиться. И, пожалуй, именно к ним и надо было применять менее строгие статьи: они были в этом деле лишь пешками в руках главных жуликов, воров и казнокрадов.

Из всего этого напрашивался вполне очевидный вывод: заступники и сами были втянуты в эти аферы, только поэтому так рьяно давили на правосудие, выгораживая не столько подсудимых, сколько самих себя. Не всё гладко было и со следствием — и тоже по тем же причинам.

Чертова время, когда не знаешь, в какую сторону кланяться! Чертова страна, где всё построено на воровстве, взяточничестве и кумовстве! Попробуй-ка устоять, когда на тебя давят со всех сторон, грозя всякими карами и за прошлый меньшевизм, и за шляхетство, и за то, что умел выкрутиться из любого положения, пользуясь теми же методами, которые так густо проросли в эпоху построения социализма!

А когда-то они с Кобой-Джугашвили, сидя в одной камере бакинской тюрьмы, спорили до хрипоты о том, возможна ли в России — после завоевания власти социал-демократами — победа идеи построения социализма в умах малограмотных рабочих, практически поголовно безграмотного крестьянства и равнодушного ко всему, кроме своего домашнего очага, мешанства?

Коба, тогда еще не ставший Сталиным, уверял, что для победы этой светлой идеи хватит десяти-пятнадцати лет. Для этого достаточно ликвидировать безграмотность и дать широкое образование подрастающему поколению. Что касается мешанства, то оно будет неминуемо втянуто в этот процесс.

Он, Вышинский, стоял на той позиции, что ни черта из этого не получится не только за пятнадцать лет, но и за сто. Потому что, во-первых, старое живуче и передается от поколения к поколению, почти ничего не теряя со временем. Во-вторых, сами эсдэки недалеко ушли в культурном отношении от народной массы, а именно за ними будет закреплена роль учителей этих масс. И чему они научат эти массы, если они уже сейчас считают, что им учиться больше нечему, как вызубрить несколько цитат из Маркса-Энгельса?

И никто из них — из большевиков и меньшевиков, сидящих в одной тюрьме, но имеющих возможность перемешаться по ней почти свободно, — не могли перекричать друг друга.

И вот миновали годы после победы Великой Октябрьской революции. И что же? А всё то же, что было и в далеком 1908 году, когда в Баилловском замке города Баку спорили два революционера.

И пока что-то не видно, чтобы перековка сознания народа шла по рецептам Кобы, стоило лишь крестьянина научить читать и писать. Да и сама учёба ожесточенно стопорится невежеством крестьянина, поддерживаемым попами.

Где уж тут до социализма? Тем более — коммунизма, окончательную победу которого Ленин обещал народу через десять-пятнадцать лет.

Жена Вышинского, Капиталина Исидоровна, едва муж разделся, шепнула ему, чтобы не слышала домработница:

— Звонили из райкома партии...

— Кто? — насторожился Андрей Януарьевич.

— Казин. Второй секретарь, — пояснила она.

— И что он хотел?

Капиталина Исидоровна потянула его за рукав в кабинет. Только закрыв за собою дверь, ответила, с беспокойством глядя на своего мужа:

— Спросил, когда ты будешь дома.

— Не волнуйся, — попытался Андрей Януарьевич успокоить жену. Затем пояснил с кривой усмешкой на узких губах: — Работа у них такая: лезть в чужую жизнь, не вытерев ноги перед порогом чужой квартиры. А этот Казин... он, представь себе, до сих пор не умеет пользоваться унитазом. Зато постоянно пользуется своим положением второго секретаря. Он убеждал меня, что не в моих интересах усугублять и без того трагическую случайность, благодаря которой попал на скамью подсудимых прекраснейший человек и специалист, член партии с двадцатого года товарищ Шахновский. А этот Шахновский — жулик, каких поискать. Я не удивлюсь, если выяснится, что и сам Казин из той же породы. Но нарком юстиции Крыленко, выступая на процессе в качестве прокурора, раскис и всячески старался защитить Шахновского. Мне ничего не оставалось, как дело Шахновского выделить и отправить на следствие в связи с недоказанностью некоторых обвинений.

— И всё-таки, милый, ты бы как-нибудь вёл себя попроще. Этот Казин — он всё-таки власть. У него связи: за ним стоит сам Каганович. А Каганович — член Цека.

— Да хоть сам господь-бог! — коротко хохотнул Андрей Януарьевич, обнимая жену. — Учти: я очень нужен нынешней власти. У нее собачий голод на образованных людей. Крыленко, хоть и нарком юстиции, полнейший невежда в юриспруденции. К тому же — законченный дурак. Слышала бы ты, какую он нёс ахинею относительно того, кто ворует преднамеренно, а кто в состоянии некой психологической зависимости от сложившихся обстоятельств. Ухохочешься. Я этого Шахновского так не оставлю. У меня, между прочим, хорошие отношения с Каменевым и Бухариным. Они не дадут в обиду.

— Но в последнее время отношение к бывшим меньшевикам, эсэрам и бундовцам всё более ухудшается, — робко заметила Капиталина Исидоровна. — Большевики со стажем возмущаются, что их якобы оттирают перевертыши, как они называют бывших инопартийцев...

Андрей Януарьевич пренебрежительно отмахнулся рукой.

— Эти так называемые большевики — сплошь дураки и бестолочи, — пояснил он. — Еще Ленин не доверял таким людям. С ними не только социализма, с ними вообще ничего не построишь. И вообще — ну их всех к чёрту! Не пройдет и трех-пяти лет, как все они окажутся на свалке истории. Сталин тоже не очень-то им доверяет. Но у него связаны руки. Впрочем, хватит об этом. Я ужасно проголодался. Надеюсь, ты покормишь своего мужа, не обращая внимания на его меньшевистское прошлое.

— Ну, конечно, дорогой! — воскликнула жена. — У меня давно всё готово. Иди умойся и переоденься, а я пока соберу на стол.

Поздний ужин заканчивался чаем.

Андрей Януарьевич, одетый в домашнюю тужурку, пил чай из фарфоровой чашки и слушал радио. Из ящика, выполненного из карельской березы, с окошком, затянутым тканью, плетеной из толстых ниток, за которой скрывался громкоговоритель, лилась умильная музыка, в тон которой дребезжащий тенор рассказывал о несчастной любви.

Едва закончилась песня, почти такой же голос начал передавать новости. Основной новостью были сообщения с митингов заводских и фабричных коллективов, где клеймили оппозиционеров всех мастей и расцветок, выгоняемых из партии и высылаемых из Москвы, Ленинграда и других промышленных городов в захолустные городишки Сибири и Средней Азии. И только в самом конце передачи сообщили о завершившемся судебном процессе над ворами и расхитителями народного добра. Особо подчеркивалась роль наркома

юстиции товарища Крыленко, выступавшего на этом процессе в качестве прокурора. И лишь вскользь — о роли обвинителя товарища Вышинского.

Едва закончилась передача последних известий и репродуктор снова залился музыкой, как зазвонил телефон.

— Опять Казин, — сообщила Капиталина Исидоровна, передавая трубку мужу.

— Вышинский слушает, — произнёс Андрей Януарьевич усталым голосом.

— Товарищ Вышинский! Это Казин, второй секретарь райкома вас беспокоит. Хочу от всей души поблагодарить вас за содействие в оказании, так сказать, своего, если так можно выразиться, внимания к совету партийного органа по делу товарища Шахновского. Уверяю вас, этот человек не останется перед вами в долгу. И я, соответствующим образом — то же самое. В ближайшее время райком будет рассматривать персональные дела некоторых, так сказать, товарищей, которые не внушают нашей парторганизации своего доверия. Должен вам со всей ответственностью заявить, что ваша фамилия в списках затаившихся перевертышей не значится. Еще раз благодарю и желаю спокойной ночи.

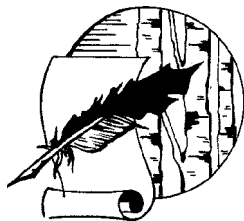
Вышинский с сомнением глянул на трубку и положил ее на рычажки аппарата. Он чувствовал себя по меньшей мере обворованным. И кем? Властью, которой он служит не за страх, а за совесть.

Неожиданно в уши ворвалось тиканье напольных часов, которое он раньше не замечал: тик-так! тик-так! тик-так!

Назойливые звуки вызвали неосознанную ярость, мешали дышать полной грудью.

Хотелось крушить всё подряд.

Но Андрей Януарьевич стоял как вкопанный, продолжая смотреть остановившимися глазами на телефонный аппарат, точно в нём заключалось всё, что он ненавидел и о чём вынужден молчать даже наедине с самим собой.

Светлана СЫРНЕВА

РАЗЯЩИЙ СВЕТ

МАРСЕЛЬЕЗА

Анатолию Гребневу

Былые вехи сердце вспомнит,
заглянет в прошлые века.
И «Марсельезу» хор исполнит
на сцене сельского ДК.

Десяток хрупких изваяний
поют, сомкнувшись в полукруг.
Самозабвенно на баяне
ведёт мелодию худрук.

Он рад приветливой погоде
и скажет, робкая душа:
«Я знаю, что слова не в моде,
но больно песня хороша!»

Что ни пошлют — всё принимает
неприхотливый наш народ.
Лишь одного не понимает:
назад идём — или вперёд?

Что ж раньше! Раньше, безусловно,
порядка больше было тут.
А этот хор у нас церковный,
они и в храме все поют».

И вот церковная ограда,
сплетенье чистых голосов.
Душа не помнит — и не надо —
противоречья разных слов.

И в купол улетает пенье,
и те, что пели о борьбе,
поют всё так же о терпенье
и о покорности судьбе.

И звук, рождённый в этом хоре,
лучом вернётся по стене
к иконе, где святой Егорий
всё скачет, скачет на коне...

РУССКИЙ СЕКРЕТ

Достигало до самого дна,
растекалось волной по окраине —
там собака скулила одна
о недавно убитом хозяине.

Отгуляла поминки родня,
притупилась тоска неуёмная.
Что ж ты воешь-то день изо дня,
да уймёшься ли, шавка бездомная!

Всю утробушку вынула в нить,
в бессловесную песню дремучую.
Может, всех убиенных обвить
ты решилась по этому случаю?

Сколько их по России таких —
не застонет, домой не попросится!
Знаю, молится кто-то за них,
но молитва — на небо уносится.

Вой, родная! Забейся в подвал,
в яму, в нору, в бурьяны погоста,
спрячься выть, чтоб никто не достал,
чтоб земля нарыдалася досыта!

Вдалеке по реке ледоход,
над полями — движение воздуха.

Сто дней плакать — и горе пройдёт,
только плакать придется без роздыха.

Это наш, это русский секрет,
он не видится, не открывается.
И ему объяснения нет.
И цена его не называется.

КАЗНЬ СТЕНЬКИ РАЗИНА

Эх, казаки, казаки,
выбрали жизнь и хомут.
Ох, дураки, дураки,
скопом от Стеньки бегут!

Эх, мужики, мужики,
все вы вернулись домой:
видно, для вас кабаки
слаще свободы самой.

Коли уж быдлом прожить
нам на роду суждено —
лучше казнённому быть,
или — на волжское дно.

Был я разбойником, был,
пил я свободу до дна.
Душу свою загубил —
только воскреснет она.

Дух мой, и честен, и прям,
новых исполнится сил:
стану ходить по водам
там, где я струги водил.

Буду ходить тыщу лет
тенью по русской земле,
каждый увижу рассвет,
каждую белку в дупле.

Месяц над степью расцвёл,
спят в серебре ковыли.
Ваших становий и сёл
окна мерцают вдали.

Мирную жизнь по углам
дай погляжу с-под руки,
любо ли праздновать вам
правду свою, земляки?

В чьём-то окошке видны
пляска да лакомый стол.
Гости по лавкам хмельны,
носит хозяйка блины.

Где же хозяин-то? Жив?
Ты его, милый, не тронь:
вот он, про всех позабыв,
мает, терзает гармонь.

Тёртый на нем камуфляж,
впросесть его голова.
Это не пьяный кураж
с болью выводит слова —

всё про волну, про челны,
про удалое родство.
А как дойдёт до княжны —
душат рыданья его:

«Коли уж быдлом прожить
нам на роду суждено,
лучше казнёнными быть
или — на волжское дно».

* * *

Всё те же тоска и сон,
всё так же поля легли.
Осенняя стая ворон,
как невод, прошла вдали.

Гляди, заходит опять,
растекшись в туманной мгле.
Но нечего неводу взять
на голой, пустой земле.

Метнуться за косогор,
лететь до ночи, до звёзд
и чувствовать, как простор
в безумное око врос.

Лететь от версты к версте,
не смея на отдых сесть.
И даже в самой пустоте
великая тяжесть есть.

О Русь! У кого и как
берёшь ты таких пустот,
где даже бессмысленный знак
отчётливый смысл несёт!

ПРОТИВОСТОЯНИЕ МАРСА

Над чёрной пропастью пруда,
над тёмным лесом и над степью
встаёт кровавая звезда
во всём своём великолепье.

Она царит, в сердца неся
и восхищенье, и усталость,
и перед ней природа вся
ушла во тьму и тихо сжалась.

И всякий маленький листок
молчал, и птица затаилась.
И каждый тихо изнемог,
ещё не зная, что случилось.

Звезда! Ничтожны пред тобой
мои поля, мои дубравы,
когда ты луч бросаешь свой
для развлечения и забавы.

И подойдя, что ближе нет,
как злобный дух на голос выпит,
ты льёшь на нас разящий свет,
который днём из нас же выпит.

И мы молчим из нашей тьмы,
подняв растерянные лица, —
затем, что не умеем мы
противостать, оборониться.

Мы тихо сжались, чтоб пришли
разруха, войны и неволи,

и обескровленной Земли
сухая судорога боли.

Я не ищу судьбы иной
и не гонюсь за лёгкой славой:
не отразить мне свет ночной,
насквозь пропитанный отравой.

Но травы, птицы и цветы
меня о будущем просили.
И молча вышли я и ты
навстречу неизвестной силе.

* * *

И уже отворилась дорога туда,
где не встретят ни путник, ни табор, ни скит,
где заменой всему, расцветя навсегда,
неподвижное летнее утро стоит.

Как поют эти птицы! Дана почему
нам на крайний лишь случай сия благодать?
Где ты, глухонемой, утопивший Муму, —
сладко ж было тебе по заре убегать!

Всё убито, и не о чем плакать уже,
и отнято остатнее слово твоё.
Но зияет великая рана в душе,
и бесшумно свобода заходит в неё.

ПОБЕГ ПОЭТА

Человек тридцати пяти лет,
проживавший похмельно и бедно, —
потерялся в райцентре поэт —
просто сгинул бесследно.

А друзья его, сжав кулаки,
всё шумели, доносы кропали —
дескать, парня убили враги,
а потом закопали.

Перерыты все свалки подряд,
перекопан пустырь у вокзала.

А жена собирала отряд
и в леса посылала.

Пить — за здоровье? За упокой?
Мужики не находят покоя:
эх, талантище был, да какой!
Он ещё б написал, не такое!

На поэтов во все времена
не верёвка, так пуля готова.
Зазевался — придушит жена,
как Николу Рубцова.

Может, снятся им вещие сны,
может, ангел встает у порога:
«Ты поэт? Убегай от жены!
Убегай, ради Бога!»

Так у нас глубоки небеса
и бездонные реки такие,
а вокруг всё леса и леса —
вологодские, костромские.

И земля не закружится вспять,
и где надо лучи просочатся.
Можно долго бежать и бежать,
задыхаясь от счастья.

Посреди необъятной земли
вне известности и без печали
сбросить имя, чтоб век не нашли
и пожить ещё дали!

Он бежал, никого не спросив,
мир о нём никогда не услышит.
Он исчез, и поэтому — жив,
и ещё не такое напишет.

ДЕКАБРЬ

Как ослепшего — за рукав
и как тонущего — на плот,
пусть затахнет меня в декабрь,
пусть хоть это меня спасет.

Заметёт с четырёх сторон,
занавесит со всех высот.
Это — зыбка, а в зыбке — сон,
пусть хоть это меня спасёт.

Не страшна небесная твердь:
ватой выложен небосвод.
Что поэту русскому — смерть!
Пусть хоть это меня спасёт.

В свой тулуп меня заверни,
о декабрь, и неси, храня.
Так носили в детские дни
полусонную в сани меня.

И уже во сне досмотреть
нескончаемый санный путь...
Что для русского — умереть!
О, не более, чем заснуть.

Ибо жизнь ему — то тесна,
то неслыханно широка.
И ему потребны века
для его короткого сна.

ЗИМНЯЯ СВАДЬБА

Полночь. Деревня. Темно.
Стужа — вздохнуть нелегко!
Треснет в проулке бревно —
гул полетит далеко.

Роща навек замерла,
к небу вершины воздев.
Жучка — и та, как стрела,
с улицы мчится во хлев.

Где-то мерцает огонь,
резво скрипят ворота.
Там самовар и гармонь,
белая чья-то фата.

В эту морозную стынь
любо мне свадьбу кутить,

мимо бездвижных твердынь
лихо на тройке катить.

Стой ты, дворец ледяной,
мраморный замок любви!
Песней да пляской хмельной
брызнут паркетты твои.

Эх, погуляй, слобода,
но не кичися судьбой:
русского снега и льда
в рай не захватишь с собой!

Долго душе привыкать,
как на чужбине, в раю,
вечно грустить-вспоминать
зимнюю свадьбу свою.

Из невозвратных краёв
немо смотреть с высоты
на белоснежный покров,
на ледяные цветы.

Некому будет спросить:
чем ты, душа, смущена?
И не успела остыть
вровень с бессмертьем она.

РОМАНС

Облетает листва уходящего года,
всё черней и мертвей полевая стерня,
и всему свой предел положила природа —
только ты никогда не забудешь меня.

Старый скарб унесли из пустынного дома,
и повсюду чужая царит беготня.
Изменило черты всё, что было знакомом, —
только ты никогда не забудешь меня.

Это грустный романс, это русская повесть
из учебников старых минувшего дня.

Как в озёрах вода, успокоилась совесть —
только ты никогда не забудешь меня.

И остаток судьбы всяк себе разливая,
мы смеёмся и пьём, никого не вина.
Я по-прежнему есть. Я поныне живая,
только ты никогда не забудешь меня.

* * *

Город ночной — постоянный двор
для всех, кто уснул за стенами зданий.
Строго на окнах несут дозор
чуткие фикусы и герани.

Возле дороги и там, и тут,
как на собрание, сойдясь в аллею,
клёны из воздуха влагу пьют,
искры цветов призывно белеют.

Новых просторов себе ища,
высытятся травы в дремоте улиц.
Из темноты побеги плюща
целый забор обнять протянулись.

Здесь, не боясь ни шин, ни людей,
словно прообраз ожившего слитка,
переползает бетон площадей,
движется к цели своей улитка.

Смотришь и смотришь с обрыва вниз,
вглубь, где незримо ручей лопочет.
И, подойдя вплотную, навис
космос бездонной, дышащей ночи.

Вот оно, жизни живое дно,
мир без центра и без окраин,
мир, где отдыха не дано,
мир — единый всему хозяин.

Здесь виноградная зреет гроздь,
здесь в океан сливаются реки,
здесь человечество спит как гость,
который завтра уйдёт навеки.

ШИПОВНИК

Вдоль дороги пристанища нет,
по канавам наметился лёд.
И краснеет осенний рассвет
за рекой, где шиповник растёт.

Он растёт, существует вдали,
неподвижен и сумрачно ал.
Берега им навскид поросли,
только ягод никто не собрал.

Здесь никто не ходил, не бродил,
не видать ни чужих, ни своих.
Ведь плоды не срывают с могил,
не берут их со стен крепостных.

Ржавый лист прошуршит у воды,
безнадёжно упавший к ногам.
Но краснеют на ветках плоды
по великим твоим берегам.

Мы, Россия, ещё поживём!
Не сломали нас ветер и дождь.
В запустении грозном твоём
есть ничейная, тайная мощь.

То и славно, что здесь ни следа,
то и ладно, что здесь ни тропы.
Мы ещё не ступали туда,
где стена, и плоды, и шипы.

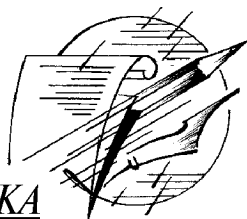
г. Киров

Виталий ДАРЕНСКИЙ,
кандидат философских наук

РУСОФОБИЯ — САМЫЙ ОПАСНЫЙ ВИД ЭКСТРЕМИЗМА

События, связанные с появлением лживого, кощунственного и художественно бездарного фильма «Матильда», лишь в очередной раз ярко подтверждают тот факт, что даже не внешние «заклятые партнеры», но именно внутренняя русофобия является главной опасностью для существования России как государства. Ненависть к России, ставшая у определенного типа людей не просто проявлением извращенной психики, но мировоззрением и даже их «религией» — это столь мощный разрушительный фактор для народа и государства, который ни в коем случае нельзя недооценивать.

Как известно, в России русофобия чаще всего маскируется под видом так называемого «русского либерализма». С подлинным либерализмом это дегенеративное явление не имеет ничего общего ни по своему внутреннему содержанию, ни по своим историческим «достижениям». Единственными «достижениями» так называемого «русского либерализма» являются два самых катастрофических развала и разграбления России — в 1917 году после февральского государственного переворота и в

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

1990-е — в период диктатуры американских марионеток и криминальных олигархов. И если в последнем случае каким-то чудом Россия удержалась на грани окончательного развала и с 2000-х начала стремительное возрождение, то в 1917-м именно либералы открыли путь к власти самой варварской и жестокой из всех политических сил — богоборцам-большевикам. Только вследствие сознательного развала страны либералами под руководством их кукловодов с Уолл-стрит и лондонского Сити, в состоянии уже полного хаоса приход к власти большевиков стал неизбежным — им явно расчищали дорогу очень умелой рукой. Поэтому все страшные трагедии России в XX веке — полностью лежат именно на совести тогдашних либералов, разрушивших Российскую Империю, и их западных хозяев. В XX веке Россия только благодаря Сталину — ценой огромных жертв — смогла «переварить» большевиков и восстановиться как великая держава. Но в 1991-м катастрофа снова повторилась. А третьего такого же испытания уже в XXI веке Россия может уже не вынести — слишком истощены ее силы. Поэтому ее жизнеспособность сейчас полностью зависит от того, насколько народу и государству удастся противостоять заразе русофобского псевдолиберализма, и ныне сохраняющего большое влияние на государственную власть.

После того, как у них не удался «болотный» вариант государственного переворота, русофобы резко поменяли свою стратегию. Теперь их задача — внутреннее разложение и разобщение патриотических сил. И в недавних событиях очень хорошо видны грязные методы, которыми они пытаются это сделать.

Во-первых, это попытка оболгания национальных святынь, разрушение русского исторического самосознания. Либеральное лобби во власти нагло «продавило» создание «Ельцин-центра», деятельность которого сводится к зомбированию молодежи по известным методикам ЦРУ. Точно таким же образом готовились боевики «майды» на Украине еще с 1990-х годов. Уже давно, хотя и все менее успешно, действуют в том же направлении и русофобские СМИ, такие как «Эхо Москвы», «Московский комсомолец», «Дождь» и др. В этот же ряд встраивается и появление «Матильды», особенно кощунственное в год 100-летия русской Катастрофы, поставившей Россию на грань гибели.

Характерно, что сценаристом «Матильды» является сектант-саентолог Александр Терехов — обладатель различных наград за сценарии в жанре так называемого «мокьюментари». Это очень странный, мягко говоря, жанр псевдодоку-

менталистики, в котором сознательно фальсифицируются или грубо искажаются исторические события, и делается все это якобы с целью иронии (от *mockumentary*; *to mock* — «насмехаться», «издеваться»),). На самом же деле, за этой якобы «иронией» скрыта абсолютно прагматичная, подлая и циничная цель — разрушение исторической памяти целых наций и цивилизаций, чтобы сделать их беззащитными против экспансии «нового мирового порядка» антихристианских сил. То есть на этот раз Терехов вполне заслужил в качестве «награды» второй экземпляр ордена Иуды, в свое время специально отлитого для Мазепы по указу Петра Великого.

Этот фильм в художественном отношении настолько же бездарен, как и лжив в историческом. Самая низкопробная бульварная мерзость, рассчитанная на соответствующую публику. Он изначально создавался как сознательная провокация, чтобы вызвать протесты православных, а потом обвинить их в «экстремизме». Однако результат оказался противоположным: 1) фильм опозорился еще до проката, а после проката отвращение к нему стало еще большим; 2) православные показали свою сплоченность и разоблачили все махинации русофобов; 3) более пассивная часть народа заинтересовалась святым царем и теперь начала читать о нем литературу — и не болтуна и пошляка Радзинского (ныне почти забытого предтечи Учителя), а С.Ольденбурга и О.Платонова.

Во-вторых, русофобы пытаются дискредитировать наиболее активную патриотическую часть народа, представить ее в качестве «экстремистов». Но делают они это настолько лживо, топорно и неуклюже, что в конце концов достигают прямо противоположного результата. И на примере «Матильды» очень хорошо видно, как это происходит, — вся «схема» легко просматривается.

Либеральное лобби во власти по-прежнему очень сильно в «сфере культуры», где оно традиционно цепко присосалось к госбюджетным деньгам. Назначение министром культуры объективного автора серии книг «Мифы о России» В.Мединского привело ко многим позитивным изменениям, однако радикально положение дел не изменило. Околокультурная мафия, которая сформировалась в этой сфере на протяжении десятилетий, по-прежнему здесь господствует. Знаковый арест К.Серебренникова обнаружил, что только через него одного прошел «распил» 1 миллиарда бюджетных рублей. Для сравнения: на Год литературы было отпущено средств в 5 раз меньше, а на переиздание Полного собрания сочинений Пушкина их вообще не нашлось, хотя хватило бы и од-

ного процента от того, что было украдено через К.Серебряникова. Сам же В.Мединский явно оказался лишь пассивным заложником ситуации.

Однако, как вскоре выяснилось, создание «Матильды» само по себе еще не было самоцелью (хотя и просто плюнуть в душу миллионам православных людей для любого русофоба — одна из высших радостей в жизни). Выпуск этой мерзости в прокат должен был стать только началом целой операции по дискредитации русских патриотов и самой России как государства. Непонятно, откуда появилась какая-то ранее никому не известная, хотя и формально зарегистрированная организация «Христианское государство», от имени которой поступили угрозы кинотеатрам по поводу показа «Матильда».

Но уже в самом начале эта провокация, организованная русофобами, дала прокол и обнаружила явный подлог. Оказалось, что в Церкви о такой организации никто никогда не слышал, и реакция со стороны абсолютно всех церковных людей на поджоги была резко негативной — и Владимир Легойда, и митрополит Иларион, и сама Н.Поклонская недвусмысленно осудили противоправные действия. Ни в каких церковных СМИ об этом «ХГ» никогда не было никаких материалов, не говоря уже о каких-либо материалах в их защиту — но, наоборот, только статьи с резкой критикой в их адрес.

Но зато, как и следовало ожидать, пространные интервью с главой «ХГ» Александром Калининым очень оперативно разместили у себя либеральная «Медуза» и принадлежащая М.Ходорковскому «Открытая Россия». В этих интервью Калинин старательно озвучивал принятые в русофобских кругах антицерковные «страшилки», придуманные еще в 1920-х годах в ведомстве Емельяна Ярославского (Губельмана). (Вообще-то удивляться такому точному совпадению антицерковных мифов большевиков и либералов не нужно, поскольку большевизм и либерализм — это две квазирелигии, которые воюют с христианством. Это две головы одного монстра. Всё остальное — исторические детали, которые ничего не меняют по существу.)

Характерно, что уже сама речь этого Калинина в интервью сразу же обнаружила в нём человека абсолютно нецерковного — он очень старался изображать из себя какого-то глубокого, исконно-посконного православного, но совершенно не умел это делать и произносил явно какой-то заранее заученный текст. Но самое интересное выяснилось чуть позже — оказалось, что этот Александр Калинин имеет судимость за убийство своей соседки в Норильске в 2002 году

и за разбой. А другой участник «ХГ», Мирон Кравченко, — один из участников «Учредительной конференции по созданию Антипутинского информационного фронта» и красно-речиво смотрится на фото, где вскидывает руку в гитлеровском «Хайль!» на фоне красно-черного знамени «Правого сектора» — радикальных украинских неонацистов, ненавистников России и «москалей». Впрочем, нежную симпатию к этой неонацистской организации, запрещенной в России, испытывают все российские «либералы». Хорошо известно фото, на котором в майках «Правого сектора» позирует вся редакция «Эха Москвы» во главе с Венедиктовым. Но этот перформанс почему-то не вызвал вполне законного интереса у правоохранительных органов.

Российские «либералы», опозорившиеся на лицемерном «Марше мира» в поддержку киевской хунты, очень хорошо показывают, кто они на самом деле. Если понятием «фашизм» обозначается самая радикальная русофобия, то и украинские бандеровцы, и российские «либералы» подпадают под это понятие в равной степени и без всяких оговорок.

Еще более интересно то, что никаких других реальных членов этого так называемого «ХГ» обнаружить не удалось. Но и этих двоих провокаторов явно подбирали наспех и очень непрофессионально. Даже удивительно, насколько деградировали русофобы по сравнению с 1990-ми — тогда ведь им удавалось с помощью еще более масштабных провокаций устраивать побоища в Москве в 1993 году и ловко изображать это как «победу демократических сил». Но в этот раз они действовали настолько примитивно и топорно, что разоблачали себя сами. Теперь известно, что антицерковная русофобская история в СМИ была заранее проплачена и запущена, несмотря на свой откровенно лживый и топорный характер. «Логика» ее была проста: если православные противостоят поделке Учителя исключительно в правовом поле — через заявления, прошения, ходатайства в органы власти, через молитвенные стояния и крестные ходы — и никаких противоправных действий не совершают, то чтобы начать их травлю, нужно искусственно создать некий «православный Игил» как пугало для народа. А затем уже через либеральные СМИ усиленно распространять громкий миф о поддержке этих «экстремистов» Кремлем и самим ФСБ. Кто-нибудь да поверит, не зря же деньги на всё это потрачены.

Но даже и здесь были допущены явные проколы. Так, например, 20 сентября 2017 г. на русофобском сайте www.vedomosti.ru был опубликован материал под названием «Политический дневник: Рамки в пустоте», автор которого с

детской невинностью задавался естественным вопросом: «Разворот внутренней и внешней политики России в сторону пресловутых «традиционных ценностей» произошел уже давно... Ранее руководство страны не нуждалось в одобрении уже принятых решений какими-то радикальными силами, и нет никаких разумных объяснений, зачем всё это понадобилось сейчас?». Данный пассаж редакторы сайта пропустили явно по недосмотру, поскольку сей риторический вопрос элементарно ломал всю неуклюже выстроенную ими мифологию о «кремлевском следе» и ФСБ.

Кроме того, оказалось, что «Матильда» задумывалась и как команда «Фас!» для наступления на патриотические силы самым широким фронтом. 13 сентября 2017 г. сотрудниками Следственного комитета РФ проведены обыски в служебных помещениях Института русской цивилизации и на квартире его директора, главного редактора газеты «Русский Вестник», председателя Всеславянского союза Олега Анатольевича Платонова, которому было предъявлено обвинение по статье 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе». Поводом к обвинению послужило переиздание работы О.А. Платонова «Сионские протоколы в мировой политике», написанной еще 20 лет назад. Обвинение вскоре развалилось, поскольку это историческое исследование не является просто публикацией «Протоколов», ныне отнесенных к «экстремистской литературе», однако некоторое время сайт Института русской цивилизации, откуда можно бесплатно скачать десятки наинужнейших книг, не работал. И здесь очевидны двойные стандарты, поскольку некоторое время назад группа активистов требовала запретить за экстремизм и ксенофобию иудейский кодекс «Шулхан Арух», но в государственных органах им ответили, что эта книга историческая и что она не имеет отношения к современной практике иудаизма.

Для сравнения с мастерами «распиливать» государственные деньги типа Серебренникова и всей околокультурной либерально-мафиозной тусовки невозможно не отметить подвижническую работу Института русской цивилизации. Им были изданы сотни книг в сериях по истории мысли и русской этнографии, огромные энциклопедии по всем областям русской культуры. Это всё издавалось на частные деньги, в том числе православных людей. Не взяв у государства ни копейки, О.Платонов издал сотни книг, которые без него никто не издал бы, но которые составляют под-

линный золотой фонд русской мысли и истории русской культуры. И абсолютно очевидны русофобские заказчики этой полицейской акции, имеющие «своих людей» в государственных органах.

В этот раз провокация, организованная с помощью «Матильды» и имевшая целью последующее обвинение патриотических сил в «экстремизме» и натравливание на них государственных органов, полностью провалилась и дала обратный результат. Но не стоит обольщаться — русофобы учтут свои ошибки и в следующий раз будут действовать хитрее, подлее и коварнее. И Запад не пожалеет средств на их поддержку — и финансовую, и информационную. Как пишет Н.А. Нарочницкая, «современная пресса Запада демонстрирует такой антирусский накал, которого не было даже в период прошлой «холодной войны»... Как только Россия начинает «сосредоточиваться» и искать формы самовосстановления и укрепления, восстанавливать контроль за своими ресурсами, ее обвиняют в фашизме и отступлении от демократии... Соппротивление — это возврат к «тоталитаризму», а любая защита национального достоинства и истории — это «русский фашизм».

Стратегия Запада понятна и естественна — он всегда так относился и будет относиться ко всему остальному миру, за счет чего долгое время и «процветал». Цивилизация, в которой «высшими ценностями» стали корысть, нажива и эгоизм, — никакой другой быть и не может, поэтому здесь экзистенциальный анализ излишен. Но он очень нужен там, где начинают мыслить и сами русские.

Хороший анализ аморальных истоков русофобии, замаскированной под «либерализм», дает донецкий автор Евгений Чернышев: «Такая позиция очень удобна — «я хороший, а страна плохая; вот на Западе живут «как люди», поэтому Отечество можно хаять — все равно не жалко». В основе этого лежит малодушие. В самом деле, как много людей нашли себе хорошую нишу — обливать грязью Родину, оправдываясь ее «отсталостью», и потихоньку паразитировать на ее богатствах... Урвать для себя, пока в «этой стране» есть возможность... Вот почему «демократы» всех мастей боятся настоящего улучшения — они потеряют свой ресурс паразитирования на трудностях, свою легитимность, ибо их ложь и намерения станут явными. И они всеми силами пытаются внушить нам ненависть к самим себе, к нашей истории, к нашим предкам, к нашей культуре, распространяя химеру «нормальных европейских стран» и заражая ею всех, кого удастся заразить»

Как показывает большой опыт общения с этим типом людей, это их стандартный психологический ход: почувствовать себя «очень хорошим», особо культурным и даже «избранным» — не за счет собственных личных качеств, а за счет сознательного унижения своей страны. «Логика» здесь самая подлейшая: раз я так ругаю свою страну, то значит, сам я совсем не такой, а наоборот, особо далекий от всей этой мерзости и потому с «праведным гневом» ее осуждаю. И как показывает тот же опыт, обычно здесь бывает еще и особое лицемерие: так, самые наглые взяточники больше всех кричат о коррупции в «этой стране»; самые отъявленные хамы — соответственно, о ее «хамстве»; полные невежды в русской истории — о «невежестве России» и т.д. Этот феномен известен давно. Великий философ XX века А.Ф. Лосев в «Диалектике мифа» по поводу этой публики выразился очень определенно: «Это идеология... мелких, серых, черствых, скупых, бездарных душонок, всего этого тошнотворного марева мелких и холодных эгоистов, относительно которых поневоле признаешь русскую революцию не только справедливой, но еще и мало достаточной».

Откуда берутся такие люди, чья недоформированность и ущербность становятся основой для ненависти к собственной стране? Изначально такой тип человека формируется извращенным воспитанием, когда ребенка с детства приучают считать себя центром мира, а всех остальных людей — лишь «инструментами» для удовлетворения собственных прихотей. Потом, во взрослом возрасте, человек с таким извращенным воспитанием, естественно, становится «либералом». То, что сейчас в России называется «либерализмом», — это, строго говоря, идеология взрослых инфантилов. В. Биbihин, ученик А.Ф. Лосева, в статье «Общение без индивида» очень точно сформулировал жуткую суть инфантильного мировоззрения: это желание «ощущать себя распорядителем мира». Как пишет этот автор, «смоделированный ребенком шутовской «другой» — не самостоятельная личность, а стандартный реквизит персонального детского мира... и детский солипсизм, необходимый и чарующий в полуторагодовалом возрасте, может быстро перерасти во взрослый нигилистический и безнравственный солипсизм, очень способствующий развитию умственных, например, математических навыков и подсекающий в корне развитие настоящей личности. Он работает со взрослым не как личность с личностью, а как мало сознающая свои пределы самость с частями мира, который ей отдан и внутри которого эта самость расправляет плечи. Для нее тут были бы только помехой другие как свои-вольные независимые агенты».

Потому-то инфантилу-«либералу» всегда будет казаться, что «в этой стране жить невозможно». И ему никогда не придет в голову, что дело вовсе не в стране, а в нем самом. Такому человеку всегда и везде будет плохо, независимо от страны — это то самое «негативное мироощущение», которое и отличает человека «антисистемы» (Л. Гумилев). Эти люди восхваляют Запад, но почему-то очень редко едут туда жить — по двум причинам: во-первых, там придется работать, а они не привыкли, ибо в России всегда были паразитами; во-вторых, они с ужасом обнаруживают, что там им тоже плохо, но сказать об этом уже нельзя — там ведь не Россия, где всё можно, и за «диссидентство» там быстро оставят без работы. Мало кто знает, что очень многие из советских диссидентов, оказавшись на Западе, покончили жизнь самоубийством — и случай барда-наркомана А. Галича, столь жестко описанный писателем Ю. Нагибиным, — это лишь «верхушка айсберга».

По своему образу жизни русофоб всегда относится к типу социального паразита — как правило, он занят таким видом деятельности, который позволяет максимально жить за счет труда других или за счет богатых покровителей. Из этого контингента формируются «грантоеды» из НКО, готовые делать и говорить любую гадость о России даже за мизерные подачки своих западных хозяев. Если же такую деятельность ему найти не удастся, то естественно, в этом будет всегда виновата «эта проклятая страна рабов». А тех, кто привык честно трудиться и любить свою Родину, они ненавидят и презирают, называя «быдлом» и «совками». Или «нерукопожатными» — тех, кто не относится к их грантоедской мафии. Причем они вовсе не считают это хамством со своей стороны — а как раз наоборот, считают признаком особой «избранности». То, что они называют их «моралью», у них распространяется только на «своих» — точь-в-точь как у блатных. Главным психологическим признаком социального паразита является то, что ему всегда «не хватает свободы» — но именно потому, что он сам не хочет и не способен заниматься реальным и полезным для общества трудом, считая его делом «совков».

Изо всех сил стараясь изобразить из себя интеллектуалов, русофобы, как правило, отличаются какой-то маниакальной тупостью во всем, что выходит за рамки их убогого мировоззрения. Можно до бесконечности приводить примеры, но остановимся только на самых характерных.

Например, для демонстрации «преимуществ» западной цивилизации русофобы обычно используют один стандарт-

ный аргумент сравнения так называемого «уровня жизни», основанный на полном непонимании того, как устроен современный мир. По своему невежеству они вообще не понимают, что Запад достиг своего так называемого «благополучия» за счет прямого грабежа и эксплуатации всего остального мира. В свою очередь, из всех стран мира Россия в XX веке в наибольшей степени подвергалась грабежу и агрессии со стороны Запада. После 1991 года Россия была в очередной раз разграблена и выброшена в болото стран «третьего мира», которые не могут развиваться в принципе, поскольку их экономика полностью контролируется Западом, высасывающим из них всю реальную прибыль и ресурсы через глобальную банковскую систему. Совершенно абсурдно сравнивать «благополучие» грабителя (Запад) и ограбленных им стран. Однако это, казалось бы, элементарное знание миросистемного анализа оказывается абсолютно недоступным уму русофобов, мнящих себя «интеллектуалами». Именно на этом уровне уже крайне необходимы просветительские усилия, без которых люди остаются дезориентированными собственным невежеством.

Русофоб обычно себя не считает русофобом — иногда вполне искренне и наивно, а иногда лицемерно делая вид, что не понимает, о чём идет речь. Свои хамские высказывания в адрес России, ее истории и народа он считает всего лишь проявлением «критического мышления». Если же ему ответить точно таким же «критическим мышлением», но о нём самом, он сразу же устроит истерику по поводу «фашизма» и «шовинизма», абсолютно не догадываясь, что эти термины относятся как раз к нему самому и к русофобам всех мастей.

Эта непроходимая глупость и пошлость вообще является «визитной карточкой» русофобского «дискурса». Так, на русофобском сайте www.vedomosti.ru некий Олег Зинцов изрек: «Трудно найти картину более верноподданническую и благолепную, чем мелодрама Алексея Учителя... Трудно даже сказать, чего в несчастном, несправедливо гонимом фильме Учителя больше — красоты или скорби о судьбах царя и отечества. Красота его десертная, парфюмерная, кондитерская». Какой вообще уровень мышления у этого человека? Пятиклассника или еще младше? Все нравственные, исторические и тем более религиозные вопросы, возникшие по поводу этого фильма, этому автору, судя по всему, вообще в принципе непонятны. Просто не дорос. У него мышление на уровне конфет и немножко мелодрамы. Но, очевидно, есть аудитория, которая мыслит на таком же уровне, иначе такое просто не стали бы публиковать. Поэтому уже многими высказыва-

лась правильная мысль о том, что у многих людей русофобия наивно-детская — не от злонамеренности, а просто от их примитивности, незрелости и невежества.

Похоже, что и сам А.Учитель относится именно к этому типу. Во всяком случае, то, что он говорит в своих интервью — это уровень мышления какого-то закомплексованного подростка, который действительно искренне не понимает, откуда взялись все эти протесты против его фильма. По его понятиям, в фильме о Царе не показано ничего плохого, скорее наоборот, он показан как «живой человек». Историческая ложь для него является пустяком, не стоящим даже и упоминания, поскольку режиссер ведь имеет право на художественный вымысел. А религиозные и нравственные аргументы ему непонятны в принципе — видимо, такие категории вообще отсутствуют в его сознании. Но особенно откровенно этот подростково-инфантильный уровень мышления у него проявился в его высказываниях о Наталье Поклонской. Он явно всерьёз объясняет ее действия тем, что она якобы «влюблена в царя» и сам верит в это. В каком возрасте нужно быть, чтобы придумать себе такое «объяснение»? Очевидно, еще в несовершеннолетнем.

Но самое интересное в том, что такой уровень развития внезапно обнаружился и у людей, которых раньше считали все-таки посерьезнее. Вот, например, престарелый гитарист Макаревич в интервью «Новой газете» заявил, что «Кремль» посеял в обществе раскол с помощью конфликта на Украине. То есть недоразвитый певец хотел сказать, что это «Кремль» устроил «майдан» и привел к власти в Киеве бандеровских нацистов. По его мнению, «аморально и цинично» то, что Россия, жертвуя своими интересами, в очередной раз оказала бескорыстную братскую помощь и спасла Крым и Донбасс от бандеровского геноцида. А сам же он, следуя тому, что он по недоразумению считает «моралью», встал на сторону украинских нацистов и ездит к ним с концертами. «Оказалось, что наших людей крайне легко развести на ненависть», — говорит Макаревич. Да, ваших людей, Макаревич, легко «развести на ненависть» — да и «разводить» не надо, они ненавидят Россию изначально.

На примере Макаревича вообще хорошо видно, как быстро русофобия доводит человека почти до полной интеллектуальной неадекватности. Его высказывания по поводу памятника выдающемуся оружейнику Михаилу Калашникову можно считать уже бессмертной классикой русофобского идиотизма. «Если подсчитать, сколько людей на планете убиты из его оружия, получатся миллионы», — написал гита-

рист на своей странице в Фейсбуке. Если Макаревич всерьёз считает, что без автомата Калашникова все эти миллионы остались бы живы, то это уровень мышления младшего школьного возраста. Взрослый человек ответил бы такому школьнику, что без советского автомата людей в локальных войнах погибло бы еще больше, но убиты они были бы в основном из американской винтовки М16. Но главное даже не в этом, а в том, что творение Калашникова наряду с ядерным оружием стало тем главным фактором сдерживания, благодаря которому Запад не решился начать третью мировую войну и не уничтожил СССР. Проще говоря, по своей недалекости Макаревич реально не понимает, что без автомата Калашникова он сам, вероятнее всего, вообще не родился бы на свет.

Впрочем, все эти наивности и глупости в общем-то безобидны по сравнению с тем, что русофобы говорят в «своем кругу» и что иногда по неосторожности становится достоянием широкой публики. Так, например, Валерий Панюшкин, ведущий канала «Дождь» и автор книги, прославляющей олигарха Михаила Ходорковского, не так давно заявлял: *«Всем на свете было бы легче, если бы русская нация прекратилась. Самим русским стало бы легче, если бы завтра не надо было больше складывать собою национальное государство, а можно было бы превратиться в малый народ наподобие хантов или аварцев... Логика, которой руководствуется русский народ, сродни логике бешеной собаки»*. Однако это заявление, подпадающее под известную статью Уголовного кодекса, осталось без внимания соответствующих органов.

Правда, бывают и исключения. Так, в настоящее время управление Следственного комитета РФ по Пермскому краю проводит проверку русофобских высказываний экс-члена Совета Федерации Людмилы Нарусовой (матери К. Собчак), сделанных ею в сети Твиттер. Широко известные высказывания бывшего сенатора проверяются на признаки разжигания межнациональной розни и призывов к экстремизму. Заявление о привлечении Нарусовой к уголовной ответственности было подано в органы сотрудником Пермского регионального правозащитного центра Романом Юшковым. Нарусова, в частности, написала: *«Русские не достойны жизни, потому что трусы... Хуже русского нет никого в мире!.. Я вот думаю, где же на самом деле сторона зла? Может, русский народ в его нынешнем воплощении и есть само зло?.. Я не призываю к смене власти! Я призываю к смене народа! Истреблять! Всех поголовно. Меньше народа больше кислорода! Вам мешает русский народ? Его нужно ликвидировать!»*

Проверку ведёт старший следователь Следственного комитета майор юстиции Светлана Колонская. Следователь не уверена, что удастся доказать авторство экстремистских высказываний. В ходе проверки уже установлено, что IP-адрес, с которого были размещены русофобские заявления, находился в Нидерландах. «Если по этим вопиющим высказываниям не будет возбуждено уголовного дела, это ярко покажет, что русские в России это такой совершенно исключительный народ, — говорит заявитель Роман Юшков. — Это единственный народ, который можно открыто ненавидеть, презирать, плевать в него, вытирать о него ноги и призывать к его уничтожению. И ничего за это не будет. По крайней мере, Нарусовой»

Известный историк Андрей Фурсов задается естественным вопросом: «Непонятно, почему власть, которая, вроде бы, сделала поворот в сторону патриотизма, это терпит. Нас пытаются убедить, что каждый волен иметь своё мнение. Однако представьте, что тот же Макаревич или Алексиевич в оскорбительном тоне начала бы говорить о таком явлении, как Холокост. Я думаю, что им тут же были бы перекрыты все возможности выступать в СМИ. У нас интеллигенция почему-то привыкла, что за оскорбление русских святынь, советских святынь, ничего не будет. Между тем, эта публика абсолютно трусливая. Многие их высказывания попадают под 282 статью о разжигании ненависти и вражды. Если кого-то из них всерьёз проверить по этой статье, они быстро успокоятся»

Напрашивается одно интересное сравнение. В соседней Украине, чей неонацистский режим российские русофобы считают «светочем демократии», судом Житомирской области журналистов Дмитрия Васильца и Евгения Тимони на осудили на 9 лет лишения свободы за то, что они, как сказано в обвинительном акте, «унижали национальную честь и достоинство украинского народа». В России есть много людей и даже целые каналы («Эхо Москвы», «Дождь»), которые регулярно и с особым цинизмом «унижают национальную честь и достоинство русского народа», если выразиться словами украинского УК. Собственно, именно для этого они и созданы и финансируются своими хозяевами. Может быть, стоило бы перенять опыт «свободной и демократической Украины» и тоже всех их закрыть на 9 лет — начиная, например, с известного гитариста Макаревича и заканчивая малоизвестным графоманом Шендеровичем. Но понятно, что этого никогда не будет, ведь Россия — это же «тирания», и поэтому здесь им всё можно,

а Украина — это «светоч демократии», и поэтому там сажают даже за малейшее выступление против киевской хунты.

В настоящее время российская власть явно чувствует себя настолько уверенно, что может позволить себе любые игры с русофобами, стараясь показать Западу свою чрезвычайную либеральность и защиту свободы слова. Действительно, по итогам недавнего опроса, проведенного «Левада-центром», более 65% граждан России полностью поддерживают политику В.В. Путина. Лишь 12% выступили за либерализацию, а 34% высказалось за более жесткую линию президента во внутренней политике. Что касается внешней политики России, то 56% считают, что президент должен придерживаться такой же линии, как сейчас, а 19% респондентов полагают, что будущему главе государства следует проводить более жесткую политику с Западом, и лишь 13% выступают за снижение конфронтации с ним. В сентябре ВЦИОМ опубликовал доклад, согласно которому деятельность В.В. Путина одобряет 81% опрошенных. Показатель одобрения деятельности президента после событий Русской весны 2014 года никогда не опускается ниже 80%.

Очевидно, что именно такая статистика и приводит к ослабленности власти, полной уверенности в своем «железобетонном» положении, при котором можно позволить себе такие благодущные игры с русофобами вплоть до откровенного покровительства кощунственным фильмам, оскорбляющим не только чувства верующих, но Россию как таковую. Но неужели до сих пор еще не понятно, что «понравиться» Западу Россия может только одним-единственным способом — собственной смертью, а любые ее позитивные достижения, в том числе и в сфере свободы слова, Запад всегда и неизменно будет извращать и представлять в виде очередных «преступлений путинского режима»? Правда, есть версия о том, что «Матильда» была специально тайне заказана самой «властью» в качестве своего рода социального эксперимента — посмотреть, насколько в стране сильны и активны патриотические силы. Оставим проверку этой версии конспирологам.

Но в любом случае важно понять, что слишком долго играть с огнем таким образом не получится. Внутренняя русофобия для России опаснее, чем любая внешняя угроза — так же, как это было в 1917 и 1991 годах. В 1917 году подавляющее большинство населения тоже было в шоке от революции и вовсе не было ее активными сторонниками. «Революционно настроенных» тогда было, скорее всего, даже меньше нынешних 13 процентов — и тем не менее катастрофа произош-

ла. Государства ведь разрушаются вовсе не «народом», который в этих ситуациях вообще не понимает, что происходит, а активным меньшинством при мощной поддержке Запада, всегда желающего развала России как великой державы, как бы она ни называлась в данный момент — Российская Империя, СССР или Российская Федерация. Это самый главный и самый страшный «урок» 1917 года на все последующие времена.

А в чём состоит главный урок 2017 года? Он состоит в том, что Россию есть кому защитить, патриотические силы велики, многочисленны и способны на консолидацию. Провокация с «Матильдой» это хорошо показала. А вот второй урок этой провокации — печальный. Она показала, что власть слишком привыкла полагаться на свою массовую поддержку и недооценивать скрытые опасности. Власть слишком привыкла благодушно заигрывать с подлинными и смертельно опасными для страны экстремистами — либерал-русофобами, до сих пор явно не понимая размеров той разрушительной силы, которую они умеют скрывать до поры до времени. Но поймут ли это хотя бы сейчас? Хотелось бы надеяться.

ДВА РАССКАЗА

КАТАРАКТА

Виктор Петрович похоронил жену и растерялся: как дальше жить? В законном браке с супругой он прожил полвека, родил сына и построил дом — смысл жизни исчерпан. Теперь жены не стало, сын уже родил своего сына, а в старом доме по ночам что-то скреблось, попискивало и прерывисто вздыхало. В комнатах появился запах сырой глины, а на подоконниках поселились мелкие озабоченные муравьи.

Виктор Петрович перестал спать, по ночам сидел у открытой печки, курил и рассматривал на желтых ногах переплетенные вздувшихся фиолетовых жил, похожих на земляных червей. Ноги уже не всегда подчинялись ему, и паутиная пелена застила его взор — катаракта, сказали в больнице.

Через неделю после похорон приехал сын, верткий и востроглазый, всегда куда-то спешащий. Виктор Петрович ему говорил: «Кто понял жизнь, тот не торопится!» На что сын отвечал: «Значит, я еще не понял».

— Всё, батя, сорок дней отметим и продадим дом! — объявил сын. — А жить — ко мне переедешь.

— Дом продавай, — согласился Виктор Петрович и возразил: — Но

ПРОЗА

жить к тебе не пойду. Лучше уж в дом престарелых. Туда, говорят, с пенсией берут.

— Да не позорь ты меня, батя! А на Иркут не обращай внимания. Будешь отдельно жить, в Генкиной комнате. Он на все лето со своей подружкой на море уедет, а осенью — в институтскую общагу.

— К тебе жить не пойду! — отрезал Виктор Петрович.

Сын зарабатывал семье на сытую жизнь бизнесом, в центре города держал большой магазин, где продавалось «Все для дома». Отгрохал двухэтажный особняк и имел две заграничные машины — для себя и для жены Ирины.

Весною Георгий Викторович удачно продал родительский дом и купил для отца однокомнатную квартиру на первом этаже старой пятиэтажки, в тихой окраине.

Двор «хрущевки», где поселился Виктор Петрович, еще хранил атмосферу шахтерского рудника шестидесятых годов. Доминошный стол, обитый резиновой лентой шахтного транспортера, стоял посредине двора под скулящим на ветру фонарем. Провисшие от мокрого белья веревки были косо натянуты между корявыми стволами акаций. Хлопающие от ветра простыни и наволочки, высыхая, распространяли в воздухе запах арбузной свежести.

Неугомонные мальчишки бороздили отражающие облака лужи тугими колесами своих велосипедов. Из покосившихся деревянных гаражей и щелястых сарайчиков доносилось кудахтанье кур и бляение коз.

Здесь все напоминало Виктору Петровичу пору его молодости; боль пережитого горя помалу утихала, и снова хотелось жить.

Утром он выходил из своего подъезда и садился на широкую скамейку под разлапистым каштаном, изредка роняющим пенистые капли. Проходящие мимо жильцы дома уважительно здоровались с новым поселенцем, и он, плохо различая лица, стал многих узнавать по голосам и по походке.

— Виктор Петрович, я в магазин. Вам что-нибудь купить?

Это Люба, соседка Виктора Петровича по лестничной площадке, двери их квартир напротив друг друга.

— Купи мне пару сарделек, Люба.

— Вам всухомятку питаться вредно. Вечером я вам супчика свежего принесу, — весело говорит Люба.

На глаз, да еще подслеповатый, возраст Любы не определишь. Виктор Петрович думает, что ей чуть за пятьдесят. Люба работает реализатором на рынке, продает всякую мелкую бакалею.

По субботам к Виктору Петровичу приезжает сын, привозит продукты, консервы. Бросив пакеты на кухонный стол, Георгий Викторович торопливо спрашивает: «Ну как ты здесь, батя?» — «Нормальный ход, — отвечает Виктор Петрович. — Только в телевизоре ни хрена не вижу. Надо операцию делать». — «Ну потерпи до осени. У меня сейчас с наличкой напряженка». — «А мне твоих денег не надо. В область отвезешь в больницу, и на том спасибо. И в парикмахерскую теперь надо бы, голова чешется...» — «Только не сегодня, батя! Дел по горло, а тебя там ждать придется. Давай в следующую субботу».

Вечером Люба принесла Виктору Петровичу ужин: янтарный супчик на курином бульоне и глазастую яичницу. Присела на свободный стул в уголке, улыбается. «Чему радуешься, Люба?» — смутился Виктор Петрович.

«Всякой женщине радостно смотреть, когда мужчина кушает», — сказала Люба. Виктор Петрович что-то заволновался, пошел руки мыть, волосы намочил, причесался.

— Постричься бы надо, — сказал виновато. — В субботу сын обещал в парикмахерскую отвезти. — И стал осторожно хлебать горячий суп.

— Да зачем же в парикмахерскую?! — удивленно воскликнула Люба. — Я же сама парикмахер, после ПТУ три года в мужском зале работала. У меня и инструмент сохранился. Сейчас поужинаете и подстрижемся, зачем же неделю ждать?

После ужина занялись стрижкой. Закончив работу, Люба поднесла близко к посвежевшему лицу Виктора Петровича тусклое зеркало из ванной. Виктор Петрович провел ладонью по короткому ежику на голове, сказал:

— Резкости зрения нету, катаракта.

— Так катаракту сейчас легко лазером удаляют! — всплеснула руками Люба. — По телику рекламируют. Операция за считанные минуты, без боли и надрезов.

— Надо в область ехать. Сын обещал осенью отвезти.

— Зачем же до осени ждать?! — удивилась Люба. — Давайте на следующей неделе поедem. У меня все таксисты знакомые и выходной будет.

— Операция дорого стоит, надо еще деньги собрать, — объяснил Виктор Петрович.

— Так пусть сын даст. Не бедный же.

— Сам соберу, — возразил Виктор Петрович.

А в один из последующих дней на веревке во дворе уже весело трепыхались выстиранные Любой рубашки, трусы и носки Виктора Петровича. В положенное время Люба вылетала из подъезда и кричала через двор: «Петрович, обедать!» Виктор Петрович как бы нехотя поднимался со скамейки и не спеша шел в дом.

Земля, как известно, слухами полнится. Женщины дома, проходя мимо скамейки, стали как-то лукаво коситься на Виктора Петровича. Вечерами мужики, направляясь кто к столу «забивать козла», кто в гаражи — многие уже давно без машин — попить запасенного днем пивка под болтовню о политике и о бабах, приветствовали Виктора Петровича: «Петрович, не подведи наших!»

А после Пасхи Люба пропала. Наготовила Виктору Петровичу еды впрок, навела в квартире чистоту. Уходя, сказала:

— Мне на пару дней отлучиться надо, по делам.

Виктор Петрович, конечно, ни о чем расспрашивать не стал. Подумал, что Любе надо сына навестить, он с семьей где-то в селе живет.

Но минуло и два дня, и три, и новая неделя открыла счет, а Любы всё нет. Виктор Петрович сидел на скамейке до той поры, когда двор наполнялся звенящим серебром тумана, приносящим горькие запахи полыни и старых терриконов, а листва на каштане становилась чёрной.

Сон у него пропал. Ночами Виктор Петрович ворочался в постели и прислушивался к звукам снаружи. Иногда выходил на площадку и прикладывался ухом к замочной скважине в двери Любиной квартиры.

Однажды утром он услышал топотню и ругань в подъезде. Виктор Петрович вышел из квартиры и наткнулся на широченную спину в короткой кожаной куртке и с толстой сумкой-барсеткой под мышкой.

Спина нервно давила на пуговку безмолвного звонка в квартире Любы, гремела кулаком в дверь.

— Она к сыну поехала, — буркнул Виктор Петрович.

— К какому, на хрен, сыну! — обернулась спина, показав длинное лицо, как у лошади морда, со слюдяными выпуклыми глазами. — Не одноруким ли бандитом зовут ее сынка?! Эта прошмандовка выручку не сдала и смылась с моими бабками! Все на хрен проиграет!

— А сколько она не сдала? — миролюбиво спросил Виктор Петрович.

— А тебе какое дело, дед? Ты что, из налоговой?

— Я отдам, — робко произнес Виктор Петрович.

Лицо у спины стало еще длиннее, но глаза приобрели цвет зелёного бутылочного стекла.

— А мне без разницы! — произнес парняга раздраженно. — Ты что, ей отец или родственник?

Виктор Петрович промолчал и парень полез рукою в глубокую пасть своей барсетки, извлек потрепанный блокнот,

ткнул длинным пальцем в густо исписанную цифрами страницу:

— Вот, смотри. Пенсии хватит?

Виктор Петрович молча пошаркал в свою квартиру, через минуту вышел и протянул парню растрепанную стопку купюр:

— Возьми, сколько надо.

— Да ты слепой, что ли, папаша?

Парень помусолил бумажки, часть сунул в свою сумку, оставшиеся вернул.

— Всё по чесноку! Но Любку твою, что б ты знал, в психушке лечить надо. Слышал про такую болезнь: игромания? Хуже наркомании! Не спрыгнешь! Ею даже писатель Достоевский страдал. Она же, Любка, чтоб ты знал, не одному мне должна! Поэтому здесь уже не играет, шныряет повсюду, до Ростова добралась. Так что, папаша, деньги в доме не держи. А Любка явится — куда она денется — пусть на работу выходит, разберется, не впервой.

Через неделю Люба, понурился взглядом, прошмыгнула через двор, стрельнула глазами на пустую скамейку под каштаном и скрылась в подъезде.

Уже упала ночь, когда Виктор Петрович решил прийти к Любе. Музыка бумцала в комнате, кухня тонула в сигаретном дыму, на столе стояла уже до половины пустая плоская бутылка коньяку. Раскисшая от слез тушь с ресниц извилистыми ручейками растекалась по щекам Любы, губная помада размазалась по подбородку.

У Виктора Петровича грудь тисками сжимала сердце — так ему было жалко Любу, но он выдержал паузу и, как бы размышляя вслух, сказал:

— Конечно, это не катаракта, лазером не снимешь. А сколько тебе денег надо, Люба? Может быть, я помогу?

— Теми, что на операцию собираете? — ухмыльнулась Люба. — То не деньги, а слезы! Я не хочу всю жизнь копить по копейке! Я не хочу всю жизнь зависеть от всякого дерьма! Я хочу быть свободным человеком! И я кожей чувствую: мне обязательно повезет! Вы верите мне, Петрович? Простите меня, пожалуйста, родненький! — и Люба, закрыв лицо руками, разрыдалась.

— У моего сына деньги водятся, но ни свободы, ни покоя он не знает, — возразил Виктор Петрович.

Ночь они пережили вместе, а утром всё покатило своим чередом: Люба вернулась на рынок торговать бакалеей, а Виктор Петрович — на свой пост под каштаном.

Как-то в неурочный час появился сын. Приехал рано утром в понедельник и с порога заявил: «Уезжаем с Ирккой на недельку в Бердянск! Погреемся у моря, надоело все!» И осёлкся — за кухонным столом сидела Люба в прозрачной ночной сорочке на узких бретельках, сползающих с плеча, с чашкой кофе и с сигаретой в руке.

— Ну ты, батя, даешь! — воскликнул Георгий Викторович, когда Люба вышмыгнула из кухни. — Еще, как говорится, земля не просела на могилке матери, а ты уже в блуд ударился!

— Не твоего ума дело! — буркнул Виктор Петрович и на его вялых щеках густо проявились лиловые жилки, как реки на географической карте.

— Да она ведь моложе меня, батя! — распаялся сын. — Ее же на рынке каждый знает: игроманка и аферистка! Обчистит она тебя и квартиру проиграет. А мы сюда хотим Генку прописать, тебе же не век жить, батя!

— Не твоего ума дело! — талдычил Виктор Петрович. — И не надо сюда жратву возить, у меня своей хватает!

— Ну, смотри, батя, не оскоромься! — уже у двери выкрикнул сын.

В среду Виктор Петрович и Люба вместе вышли из дома и направились в сторону центра. На Викторе Петровиче был коричневый костюм, Люба облачилась в зеленое платье, повсюду облегаящее ее фигуру. Такими нарядными, да еще на пару, во дворе их никогда раньше не видели.

Женщины сбились в стайку и зашущукались.

В субботу, как ни в чем не бывало, к Виктору Петровичу пожаловал сын со своей супругой Ириной. На фоне южного загара у них, как у туземцев, безумно белели глаза и зубы, а руки отягощали пестрые супермаркетовские пакеты.

Георгий Викторович долго звонил в квартиру отца, но открылась дверь напротив.

— Виктор Петрович здесь, проходите, — пригласила Люба в свою квартиру.

— Явились — не запылились, — язвительно произнес Виктор Петрович и категорически заявил: — Разговор у нас будет коротким! Люба, подай документы.

Люба положила на стол две тонкие книжицы: одна — паспорт Виктора Петровича, другая — свидетельство о регистрации его брака с Любой.

— Вот, ознакомьтесь, и забудьте сюда дорогу, — спокойно сказал Виктор Петрович.

Супруги внимательно изучили свежий штамп в паспорте Виктора Петровича и поторопились удалиться.

— Совсем с катушек съехал, батя! — уже во дворе сказал Георгий Викторович.

— Жора, его надо срочно в дурку сдать! Или в милицию заявить! — воскликнула Ирина.

— Включи мозги, идиотка! — гаркнул Георгий Викторович.

Медовый месяц не успел истечь, а в глазах Любы замелькало тревожное беспокойство.

Как-то раз она рано утром ушла на работу и домой уже не вернулась.

Ночью Виктор Петрович достал из шкафа пиджак своего выходного костюма и не обнаружил денег во внутреннем кармане. Вместо них он нащупал клочок бумаги — четвертинка тетрадного листа. Быстрым мелким почерком было начертано несколько строк. Поднеся бумагу к лампе и приблизив к глазам, Виктор Петрович силился прочесть написанное, но кроме спиралек строк ничего не различал. Видимо, Люба впопыхах не сообразила, что своими замутненными катарактой глазами Виктор Петрович не сможет прочесть написанное для него.

Днями Виктор Петрович сидел у окна, ребром ладони утюжил на подоконнике изрядно помятый листок, то и дело подносил его близко к глазам, рассматривал его через толстые линзы очков, но ни единого слова разобрать не мог. И тогда он беззвучно плакал, густые липкие слезы наполняли рвы морщин на его щеках, и он вытирал глаза краем оконной занавески.

Несколько дней Виктор Петрович не появлялся под каштаном, женщины дома звонили в его квартиру, он отзывался: «Ничего не надо, нормальный ход». Но не открывал. Потом и отзываться перестал, и женщины вызвали сына Виктора Петровича.

Георгий Викторович своим ключом отомкнул квартиру отца и пропустил вперед жену. Виктор Петрович лежал на кровати лицом к стенке, часто и тяжело дышал, издавая какие-то звериные хрипы.

Пока ждали «скорую помощь», Георгий Викторович шнырял по квартире, рылся в шкафу, заглядывал в ящики комода, обнаружил на подоконнике клочок бумаги, быстро прострелил глазами написанное, пробубнил под нос: «Вот курва!»

— Что там?! — обеспокоилась Ирина.

— Да так, старая квитанция, — отмахнулся супруг и сунул бумажку в карман.

Опустевшую скамейку под каштаном снова заняли женщины дома. Одна рассказывала: «Обобрала Любка Петро-

вича до нитки! А как прикидывалась!» Подключалась к теме другая: «Вчера в городе сына Петровича встретила, говорит: плохой батя, стабильно тяжелый, долго не протянет». Третья подхватывала: «Любка его подкосила! Он-то еще крепкий был старик, только на зрение жаловался. Но на том свете зрение без надобности».

И тут во двор украдкой вкатилась песочного цвета «Волга»-такси, вся в ржавых ссадинах на боках. Из машины выпорхнула Люба, что-то сказала водителю, послала воздушный поцелуй женщинам и ринулась в свой подъезд. Она замерла у двери квартиры Виктора Петровича — в неё был врезан новый замок.

Через минуту она выскочила из дома и бросилась к женщинам. Коротко поговорила, вернулась в машину и уехала.

Теперь скамейка по вечерам не пустовала, и тема разговоров на ней не менялась. Одна говорила: «Любка-таки выиграла кучу денег, тысяч пятьдесят, говорят». Другая продолжала: «Забрала Петровича из нашей больницы и увезла куда-то в область, к профессорам. Сын, говорят, был против, но последнее слово за Любкой — она законная жена».

Люба с Виктором Петровичем вернулись в дом, когда каштан уже ронял свои бурые ежики. Созревшие плоды ударялись о скамейку и рассыпались шоколадными ядрами, похожими на морские камешки. Виктор Петрович сидел на своем посту, облаченный в спортивный костюм, сшитый из разноцветных лоскутов — в таких расхаживают по рынку крутолобые парни; в летней шляпе с дырками, как на ботинках для шнурков, и в больших дымчатых очках.

— Ну, ты законспирировался, Петрович! Не узнать! От долгов, что ли, скрываешься? — весело сказал кто-то из проходящих мимо мужиков дома.

— Долгов никогда не имел. А глаза после операции от солнца берегу, доктор наказал.

Теперь он смотрел на мир ясным взором и различал многое из того, чего раньше не видел. Например, старую покосившуюся голубятню над темными кустами сирени, в дальнем углу двора. И теперь он мог бы, не напрягая глаз, прочесть записку, оставленную ему Любой. Но записка куда-то исчезла и содержание ее так и осталось тайной для Виктора Петровича. Он не знал, сколько ему еще осталось жить на этом свете и когда Люба снова ударится в бег, и не думал об этом. Он был спокоен и счастлив, как могут быть счастливы старики.

— Петрович! — услышал он голос Любы. — Пора обедать.

Никитин полтора месяца пробыл в областной больнице и теперь возвращался домой. С промзоны на окраине города, где курятся заводские трубы и неустанно ухает молот, ему предстояло добраться до железнодорожного вокзала, там дожидаться электричку до Узловой, а оттуда уже рукой подать до родного поселка — полчаса на рейсовом автобусе.

По календарю еще не отбыла свой срок весна, но бесцветное солнце уже с утра высоко всплывало на серебристые небеса и жгло землю не слабее, чем в июле. Над тротуарами вился кружевной парок, неподвижный воздух чуть трепетал от робких порывов душистого ветерка. И только из глубоких синих закоулков еще веяло слежалой сыростью талого снега.

В полупустом автобусе Никитин выбрал себе место у окна и стал наблюдать за течением городской жизни. За сорок три прожитых года ему дважды выпадало топтать мостовые больших городов. Подростком был проездом в Харькове, когда с матерью ездили на похороны тетки в Белгородскую область. А второй раз был с женой два дня в Москве, ездили за обоями, жестяными крышками для банок под соленые огурцы и помидоры, за цебовской обувью и прочим дефицитным житейским барахлом. Кроме скандальных очередей в столичных цумах и гумах, Никитин ничего не запомнил. Даже в мавзоль со змейкой очереди вдоль Кремлевской стены. От передвижения множества людей, от бесконечно снующих и визжащих машин, от злорадного хамства продавцов, кассиров и кондукторов у Никитина разжигалась головная боль и на него нападала паника.

В области Никитин лечился в больнице для алкоголиков. Когда выписался и получил в приемном отделении свою одежду, старшая медсестра с почти горизонтальными выпуклостями ягодиц и груди, улыбаясь санитаркам, сказала: «Когда тебя, Никитин, обратно ждять? Как мы будем без тебя?! Ну, как хороший мужик, так обязательно или алкаш, или импонтэнт!»

Это была вторая ходка Никитина в лечебницу, и насчет третьей он пока не зарекался. Вчера его пригласил в свой кабинет заведующий отделением Марк Наумович, длинный и худой.

— Ну что, Никитин, пить будешь? — спросил Марк Наумович, потупив глаза, будто ему был неприятен этот вопрос.

Никитин честно пожал плечами.

— По-нят-но, — протяжно произнес заведующий.

Марк Наумович был мягким, даже стеснительным человеком. В больнице говорили, что раньше он заведовал детским отделением и по специальности педиатр.

— Ну ладно, Никитин, — продолжил Марк Наумович. — Если крепко припечет, приезжай, возьму без направления.

Когда-то Никитин был первоклассным столяром, работал на большой мебельной фабрике. Его портрет годами не покидал фабричную доску почета, а на торжественных собраниях его награждали то электробритвой, то транзисторным приёмником, то настенными часами.

Но как-то вдруг дела на фабрике пошли туго, а потом и вовсе случился внезапный пожар, и всё сгорело дотла. И Никитин стал летуном — так его называли в отделах кадров. Где он только не работал: плотничал в жэках, чинил парты в школах, сбивал ящики на овощной базе. У него не набежало еще и полутора десятков лет рабочего стажа, а трудовая книжка разбухла от вкладушей. Взвешивая ее на ладони, один кадровик, причмокнув, с восторгом сказал: «Капитал!»

В те безрадостные времена Никитин уже стал периодически «уходить в люди» — так он называл свои регулярные запои. Жена вытаскивала его из всех известных в поселке бомжатников, буквально тащила его на себе домой, грязного, вонючего и часто битого. Она долго с терпеливым пониманием относилась к непоборимому пристрастию Никитина временам опускаться на дно жизни. «Там люди тяжелые, но фальшивых нет. Им уже незачем притворяться. А всякое дерьмо всегда наверху!» — был твердо убежден Никитин.

Но жена его взглядов на жизнь не разделяла, и однажды не пришла за Никитиным на хату, где он откисал уже третий день. Через полгода она сошлась с гаишником, который упорно карабкался наверх и на перекрестке махал полосатой палкой только в трезвом состоянии и в нужном направлении.

На вокзале Никитин первым делом поспешил к расписанию пригородных поездов. Глазастые часы на башне вокзала неуверенно дрожащими стрелками указывали время — до электрички на Узловую оставалось еще полчаса.

На вокзальной площади повсюду продавалось бутылочное пиво. Возбужденные дорожными знакомствами и приключениями пассажиры несли мокрые бутылки в руках, под мышками и охапкой. И Никитину как-то помимо воли подумалось, что после полуторамесячного принудительного воздержания он бы очень обрадовался жизни, пропустив пару бутылочек жигулевского. Чтобы умертвить эмбрион соблазна, он купил себе фруктовое мороженое — кисло-сладкую память о счастливом детстве.

Никитин высмотрел пустую скамейку под корявыми акациями привокзального скверика, и только присел, как обратил внимание, что к нему с подскоком двигается квадратный мужик с двумя бутылками пива в коротких руках.

— Здорово, — как бы между прочим произнес мужик, буд-то они только вчера расстались. Поерзав, он угнезвился на другом конце скамейки, сковырнул толстыми заскорузлыми пальцами зубчатую крышку с бутылки и успел подхватить губами пену.

На мужике был мышиный слежавшийся пиджак и растоптанные сандалии, похожие на собачьи намордники. Да и сам мужик был чем-то похож на старого спаниеля. Оporожнив полбутылки, остаток мужик протянул Никитину:

— Пивка дёрнешь?

«Видать, паршиво я выгляжу», — подумал Никитин и решительно мотнул головой.

— Болеешь?

— Язва, — кивнул Никитин и приложил руку под ложечку.

— У меня тоже, не одно, так другое, — хмуро сказал мужик и допил пиво. — Но пить не брошу! Зачем? Как можно смотреть на эту жизнь трезвыми глазами?!

Мужик замолчал и уставился на порхающих по тротуару голубей.

— Вот раньше фруктовое было по семь копеек, как крем, а это — замороженный кисель, — сказал Никитин, чтобы не молчать.

— Раньше и земля была толще, — сказал мужик и открыл вторую бутылку.

— Да ладно, — ухмыльнулся Никитин.

— Вот смотри, — продолжил мужик. — В старые времена в нашем селе ни в одном дворе уборных не было. Придавило — дуй в кукурузу или в подсолнухи, удобряй землю. И я бегал, пока меня в армию не забрали. Присяду и задом до земли достаю. А сейчас попробовал — не достаю! Выходит, раньше земля была толще.

Мужик пристально смотрел на Никитина, пока тот не сказал:

— У меня унитаз в доме.

— Скучный ты какой-то, язвенник. — Мужик вновь приложился к бутылке.

Никитин смял в руке хрустящую обертку мороженого, метко попал ею в железный зев урны и поспешил к своей электричке.

В вагоне навеки поселился запах железной дороги: промасленных и разогретых на солнце шпал, щебня и металла рель-

сов. Пассажиров было мало, и Никитин глазами долго выбирал себе подходящее место, чтобы подремать в пути. Затолкал руки в карманы куртки, скрестил вытянутые ноги и прислонился головой к теплому трясущемуся окну. И снова утонул в воспоминаниях, они всегда навлекали на него сон.

Когда жена с дочкой ушли жить к гаишнику, Никитин остался с матерью в трех комнатах большого несуразного дома, построенного покойным отцом. Мать всю жизнь таскала на себе двухпудовую почтальонскую сумку и как-то раз привела в дом сиротского вида хромоножку — тихую женщину лет тридцати с мелким скорбным лицом. «Валя у нас на почте работает, на сортировке. Мужик ее из дому выгнал — у нее уже второй ребенок умер. Пусть у нас живет, места хватит, и мне не скучно будет», — сказала мать.

Первый раз Никитин взял хромоножку на похмелье — в такие дни у него всегда обострялся основной инстинкт. Мать сразу догадалась и сказала: «Как-то будет...» Валентина знала свое место в приютившем ее доме, жила тихо и запой Никитина как бы не замечала. Только старуха, глядя на мучительные страдания сына в суровые дни отходняка, крестившись, говорила: «Яблоко от яблони...» — отец Никитина до беспамьятства пьяным насмерть замерз в снегу у калитки дома.

В конце концов Никитину повезло устроиться на работу в комбинат коммунальных предприятий. Работяги комбината обеспечивали порядок в поселке: мели улицы, латали ямы на дорогах, вывозили мусор и хоронили покойников. Никитина направили в цех, где делали гробы, венки и рыли могилы. Гробы Никитин сбивал из сырых сосновых досок, закрывая щели сатиновой обивкой сверху и белым шелком внутри. Зарплата была как заплатка, но щедро подносили родственники усопших.

Когда не пил, Никитин работал как проклятый, гнал гробы и кресты впрок, по его вине ни один покойник без последнего земного жилья не оставался. Начальство ценило мастерство и усердие Никитина и строго не судило его за ежеквартальные «уходы в люди». Таких ходоков в комбинате хватало и кроме Никитина. Но пришел новый передовой начальник и практически с порога заявил: «Я это алкашное гнездо разворочу!» И началось массовое увольнение. Начальник был молод, неопытен, кадры не ценил.

А как раз накануне этих крутых перемен Никитин дико запил. Нелегкая занесла его в квартиру глухонемых, где они жили коммуной. В процессе выпивки Никитин чем-то не понравился глухарям. Безмолвная братия била его до первой

крови, потом порезала ему ягодицы и выбросила на автобусную остановку.

Ранним утром следующего дня Никитина, спящего в траве за остановкой, заметил коллега-могильщик, уже уволенный из комбината. Могильщик предложил опохмелиться огуречным лосьоном и кратко обрисовал сложившуюся на комбинате ситуацию.

Никитин впал в тяжелое раздумье: если с комбината выпрут, куда идти? Выход подсказал коллега: «Иди в больницу и бери направление в областную наркушку. Месяца полтора там перекантуешься, получишь справку — почти больничный лист, только без оплаты. С такой справкой уволить тебя не имеют права, всё законно! Только таблетки там не пей...»

Так Никитин первый раз попал в лечебницу Марка Наумовича. Первую неделю его кололи, как на пытках, в четыре точки: два укола под лопатки, два в заштопанные ягодицы. Температура взлетала до верхнего края термометра. Никитина корежило и трясло, как ударенного высоким током. На вялых дрожащих ногах, хватаясь руками за стены, он кое-как добирался до туалета и обратно на койку.

Через неделю его позвали в кабинет заведующего. Молодой доктор беспрерывно курил и подробно расспрашивал Никитина о его жизни: кто родители, чем болел, кем работает... Доктор одобрительно стал кивать головой, когда узнал, что по профессии Никитин столяр.

— Специфика нашей клиники в том, что мы делаем акцент на трудотерапию, она закрепляет успех медикаментозного лечения, — сказал Марк Наумович, будто продолжил прерванный монолог. — Все наши пациенты трудятся в свободное от процедур время на литейно-механическом заводе, на черных работах, конечно.

Мы занимаем бывшее общежитие этого завода. Вы, Никитин, должно быть, обратили внимание, в каком оно состоянии: прогнившие дырки в полах, двери перекошены, окна не закрываются, мебель старая, конторская, расшатанная. Ко всему надо приложить умелые руки.

Вот этим вы, Никитин, и займётесь в свободное от процедур время. Материалами и инструментом я вас обеспечу. Настраивайтесь, и за работу, времени у вас будет достаточно.

И Никитин с подъема и до отбоя чинил полы, двери, оконные рамы, шкафы и тумбочки под руководством старшей медсестры.

Следуя наставлению опытного коллеги-могильщика, таблетки Никитин прятал под язык и выплевывал в унитаз.

Медсестра, выдававшая таблетки в пластмассовых стопках, в рот Никитину, как другим, не заглядывала. Он вообще мог бы ссыпать таблетки в карман, но своим особым положением не злоупотреблял. Никитин даже несколько раз, больше любопытства ради, прошел такую специфическую в лечебнице процедуру, как УРТ — условно-рефлекторная терапия или, как ее называют пациенты, попросту — рыгачка. В процедурке, где вдоль стены тянется длинная лавка, пациентам ширяют под кожу какую-то маслянистую болочую жидкость, выдают пустые ведра и полотенца, рассаживают на лавке и какое-то время спустя преподносят по полстакана привычного дешевого винца. И алкаши, едва учуяв запах выпивки, начинают покашливать, плевать в ведро, а то и срыгивать обычную для клиники еду — овощное рагу. И Никитин, сколько хватало способности притворяться, изображал, как ему противен даже запах выпивки.

Через полтора месяца Никитин со справкой прибыл на комбинат. Там уже снова сменилось руководство и ранее уволенные работники возвращались в строй. Новый начальник бросил брезгливый взгляд на справку Никитина, сунул ее в стол и махнул рукой: «Иди работай!»

И всё пошло как в прежние времена.

Первые три месяца после выписки из лечебницы Никитин даже от пива отказывался. А потом как с цепи сорвался и остановиться не мог. Коллега-могильщик консультировал: «После наркушки всегда так, догоняешь упущенное. Но смотри, чтобы белка тебя не догнала. Надо маленько притормозить».

Но притормозить не выходило. В бессонные ночи с начатой чекушкой под кроватью Никитин прислушивался к призывным голосам за окном, всматривался в шевеление лохматых теней в углах комнаты, вздрагивал от всяких неожиданных звуков. Потом он стал бояться Валентину. Ему мерещилось, что она притаилась за дверью с топором в руках, ждет, когда он уснет, чтобы отрубить ему голову. Заслышав ее шаркающее ковыляние, Никитин метался в темноте, затем втискивал себя между шкафом и стеной.

А когда в воспаленном мозгу застряла мысль, что мать — причина всех его бед, и что ее, мать, надо задушить, тогда в момент просветления разума Никитин решил: «Пора сдаваться!»

Так, полтора месяца назад, он второй раз отдался в руки Марку Наумовичу.

С радостным повизгиванием и железным скрежетом суставов электричка ворвалась на платформу Узловой. Никитин иногда бывал в Узловой: приезжал за лесоматериалом

для комбината, сопровождал мать в поликлинику, как-то следователь повесткой вызывал по поводу какой-то кражи в поселке, к которой Никитин никаким боком причастен не был.

И всякий раз до прибытия автобуса в поселок Никитин шел к вокзалу, прогуливался по длинному перрону, встречал и провожал поезда, слушал перекатывающийся над бесконечными рядами рельсов лающий голос с эхом, отдающий поездам команды. Иногда он заходил в буфет и выпивал там пару рюмок дорогой столичной водки, закусывая ее скорчившимся на хлебе сыром. Потом он сидел в наполненном душистой прохладой сквере и кормил голубей хлебом от буфетного бутерброда.

Стальная лапша рельсов, уходящая к горизонту и там сливающаяся с небом, запахи вокзала и его звуки завораживали Никитина. Это был мир, где его очерстевшая душа трепетала от нахлынувшей необъяснимой радости, а сердце сладко пощипывала легкая печаль. И волнение билось в крови, предвещая перемены в его жизни и неожиданные встречи, но ничего не происходило, и Никитина это не огорчало.

За полдня, проведенные в дороге, Никитин изрядно проголодался, а до отправления автобуса в поселок оставалось еще более чем полчаса времени. В буфете он купил себе два бледных и холодных пирожка с картошкой и бутылку лимонада. Устроился на решетчатой скамейке под стеной вокзала. Мокрая картошка в пирожках слежалась комками и была пресной, газировка стреляла через ноздри наружу. И Никитин вспомнил, как неделю назад в больнице неожиданно появилась Валентина. Как раз в то время он крепил шпингалеты на окнах приёмного отделения. Санитарка окликнула его и, обернувшись, он увидел хромоножку. Пакет в ее руке провисал до пола, с пакета улыбался из-под усов знаменитый артист в широкополой шляпе.

Вышли во двор и расположились в беседке, построенной руками Никитина.

— Вот, это тебе, — Валентина протянула пакет Никитину. — Ты вместе с сумкой забирай.

В пакете оказались две стеклянные банки: в одной салат оливье, обильно залитый майонезом, в другой плотно натрамбованные вареники в золотистых веснушках жареного лука. И несколько красных пачек сигарет «Прима».

— С картошкой? — небрежно спросил Никитин. Валя кивнула. — Вообще-то нас здесь кормят как в санатории для членов политбюро, — сказал Никитин и похлопал себя по животу. Валя улыбнулась.

Никитин покурил свежей «Примы» и, поднявшись, сказал:

— Ну ладно, мне работать надо. Мамаше привет передавай, скоро домой.

На пороге больницы обернулся:

— А ты что, специально ко мне приезжала?

Валя пожалала плечами и неторопливо, стараясь не хромать, пошла через двор к выходу.

Расправившись с пирожками, протолкнув их в себя остатком лимонада, Никитин достал сигарету, но закурить не успел.

— Мужчина, не могли бы мне помочь? — услышал он и поднял голову — в нескольких шагах напротив стояла женщина в окружении дорожных сумок и большого клетчатого чемодана. Вокруг сновал мальчонка лет пяти и буцал ногой чемодан в черно-красную клетку, канючил:

— Лека, ну когда мы уже поедем?!

На женщине было длинное легкое пальто цвета розовых облаков, расстегнутое донизу. Голубая футболка, туго обтягивала тяжелую грудь, короткие брюки песочного цвета.

— Понимаете, наш вагон будет вон там — в конце перрона, а носильщика не дозовешься.

— Сколько у нас времени? — спросил Никитин, прикинув, что за одну ходку ему весь багаж не перенести.

— Ой, да еще минут двадцать до посадки, мы на московский. Но, знаете, лучше загодя...

— Понятно. Вы оставайтесь здесь, а сынишка пусть за мной топает, там на посту постоит. Отсюда его хорошо будет видно, не беспокойтесь.

За два раза перетаскив поклажу, Никитин присел на низкий каменный заборчик, отделявший платформу от сквера.

— Как же с таким багажом и с ребенком одна управитесь? — отдышавшись, спросил Никитин.

— Ой, да в Москве нас встретят, здесь бы благополучно сесть. Замучились мы с этими пересадками.

— Я помогу, — кивнул Никитин.

— Ой, я вам так благодарна! — Женщина сцепила руки и прижала их к груди, и Никитину показался знакомым этот жест.

— Вы меня извините, может, вам денег дать? — Женщина потянулась к сумке.

«Паршиво выгляжу», — подумал Никитин и сказал:

— Да я вообще-то...

— Мне дай денег, Лека! — воскликнул мальчонка и дернул ремень сумки.

— На сегодня лимит исчерпан, — строго сказала женщина.

— Развитой у вас сынишка, — покачал головой Никитин.

— Ой, да что вы! — махнула рукой женщина, и это небрежное движение вялой кисти уже примечал когда-то Никитин. — Это мой внук, Дима.

— Лека, Лека, дай денег! — завопил внук Дима и снова стал бучать ногой клетчатый чемодан.

Не обращая внимания на внука, женщина присела на заборчик рядом с Никитиным.

— Вы тоже на московский? — спросила, пристально вглядываясь в его лицо.

— Да нет... Я здесь...

— А-а, вы с Узловой, — как-то разочарованно произнесла женщина. — А я, знаете, когда-то жила в этих краях, здесь школу закончила, потом в институт поступила, замуж вышла, завербовалась с мужем на Шпицберген. Он горным инженером был...

Никитин смотрел в землю, напрягал память: где-то он слышал этот голос с пытливой интонацией, видел этот мягкий поворот головы, чуть склонённой к плечу.

— Но это было так давно, что я уже почти ничего не помню, — продолжила незнакомка. — Вот только эту станцию — Узловая — помню.

Бесполоый голос из трескучего громкоговорителя торжественно объявил о прибытии на первую платформу скорого поезда Ленинград—Адлер.

— Следующий наш, — вздохнула женщина.

Из скверика возник старик в каком-то зековском засаленном ватнике, в резиновых галошах и в военной фуражке на маленькой ушастой головке. Он прижимал к груди обшарпанную гармонику — на обеих руках у него не хватало пальцев, а оставшиеся — без ногтей — были туго обтянуты розовой блестящей кожей.

Старик вышел на середину платформы, опустил к ногам свою фуражку, обнажив желтый череп, покрытый рыжим клочкастым пухом, и густым, чуть вибрирующим голосом запел: «Спят курганы темные, солнцем опаленные...»

Пожилая железнодорожница в оранжевом жилете в жирных пятнах, с совком и метелкой в руках остановилась напротив старика и закричала:

— Вот он, выперся, вырядился! Ни стыда, ни совести! Пенсию не меньше генеральской получает, а ходит сюда побираться! Пропился уже?! Шчас я милиционера позову!

Старик отвернулся от железнодорожницы и добавил голо-
са: «И туманы белые ходят чередой...»

Лека полезла в сумку, подозвала к себе внука, приворо-
женного пением старика.

— Пойди, дай дедушке денежку, — сунула в ладошку маль-
чонки несколько рублей.

— Я боюсь, — шепотом произнес Дима.

— А вымогать ты не боишься? Иди!

И Никитин полез в карман, но вспомнил, что денег у него
осталось только на поездку в поселок, и достал мятую пачку
«Примы».

Грузно и величаво вкатился на перрон голубой поезд из
Ленинграда. В опущенных окнах трепыхались белые занавески с синим медным всадником. Завизжали колеса, клац-
нули суставы вагонов, и поезд замер. Проводники откинули люки над ступенями, проехали тряпицами по трубкам пер-
рил, и платформа мгновенно заполнилась спящими, как муравьи перед непогодой, людьми с сумками, баулами и на-
легке. Шум и гам заглушили песню старика, людской поток
снёс его к ограде сквера.

Лека прижала к себе мальчонку, Никитин искоса посма-
тривал на нее.

— Ой, как я боюсь железную дорогу, поезда, вокзалы, —
неожиданно сказала Лека. — Однажды я видела, как пас-
сажир свалился с платформы прямо под колеса своего же
поезда. Во время короткой стоянки он выскочил на пер-
рон, чтобы купить какую-то еду, пиво... Он был выпив-
ши. Со свертками с бутылками догонял свой вагон... Это
было ужасно! Согласитесь, в вокзалах есть нечто траги-
ческое.

Скорый из Ленинграда тяжело тронул с места, медленно
поплыли перфорации окон с белыми занавесками, старик с
гармошкой вернулся на свое место, мальчонка снова стал
буцать чемодан и кричать:

— Лека, ну когда мы уже поедим?!

Вскоре объявили прибытие московского, Лека засуетилась,
бросалась к торопящимся пассажирам:

— Вы к одиннадцатому вагону?

Московский въехал без помпезности ленинградского, за-
навески на окнах его вагонов были с застиранным олимпий-
ским мишкой. Сонные проводницы даже не соизволили про-
тереть поручни. Одиннадцатый вагон оказался чуть дальше
того места, где его ожидала Лека.

— Без паники! — скомандовал Никитин и через пару ми-
нут вещи уже были в вагоне.

Никитин не забыл, что как раз в эту минуту отправляется последним рейсом его автобус в поселок, но он стоял на перроне напротив одиннадцатого вагона и чего-то ждал. И он дождался. Выскочила в тамбур Лека, уже без пальто, слетела на перрон.

— Ой, знаете...

Никитин перебил ее:

— Скажите, вы... Ты Алька?

— Ну, конечно, Алевтина! Я же тебя почти сразу узнала! Не знаю даже почему. Ведь я тебя совсем не помню.

— Почему ты мне не написала?! Ты же обещала!

— Ой, я сейчас и не помню...

— Стоянка сокращена! Опоздываем! — ворвался деревянный голос проводницы. — Отъезжающие, заходите в вагон!

— Как ты здесь? Работа, жена, дети? Всё нормально? — Алька отступила от Никитина к ступеням вагона.

— Я ждал, а ты так и не написала! — выкрикнул Никитин.

— Ты прости меня, пожалуйста! Столько лет прошло, вся жизнь!

— Или заходи, или закрываю вагон! — гаркнула проводница. — Нашла время для воспоминаний! За уши не оттянешь! А дома, небось, мужик радикулитный ждет — не дождется...

Как тюремная, лязгнула дверь вагона и поезд поплыл мимо Никитина. В опущенном окне появилась Аля, махая рукой, выкрикнула:

— Прощай! Спасибо тебе!

Стоявший рядом с ней внук показал Никитину широкий розовый язык.

Никитин молчал, сминая в руке пачку «Примы» и думал, что, наверное, она и имени его не помнит.

От Узловой до поселка километров пятнадцать. Никитин прикинул, что часа за два он их одолеет и придет домой еще засветло. А если выпадет счастье притормозить попутку, тогда и вовсе унывать нет причины. Только досадно было, что закончились сигареты, но какой-нибудь захудалый бычок, выброшенный водителем в окошко машины, наверняка, завалялся где-то на обочине дороги.

Грунтовая автомобильная дорога тянулась вдоль железной, то близко прислоняясь к высокой насыпи, то отступая от нее, обминая густые заросли сухого кустарника и мелкие овражки.

Алевтина, Алька, Лека... Она была первой и, как теперь понимает Никитин, единственной его любовью, безумной страстью, горячкой в знойные дни бесконечного августа.

В летнем кинотеатре тогда вторую неделю крутили свежую кинокомедию. Во дворах, на автобусных остановках, в пивнушках, на базаре — повсюду то и дело слышалось: «Барбумбия, кергуду... Птичку жалко... Шляпу сними... А ты не путай свою личную шерсть с государственной!» Незамысловатая песенка про северных медведей, трущихся спинами о земную ось, разливалась из всех открытых окон и не умолкала в парке.

В субботу Никитин пошел на последний сеанс в третий раз посмотреть историю похищения известной кинематографической троицей комсомолки, спортсменки и просто красавицы. Собралась компания из выпускников единственной в поселке школы.

Алька была на год старше Никитина, хотя оба они закончили школу этим летом. В тот год среднее образование снова сделали десятилетним и выпускниками оказались и десяти- и одиннадцатиклассники.

Никитин едва вытянул десять классов и получил весь в тройках аттестат, где была одна четверка — по географии. Алевтина закончила школу с медалью и уже успела стать студенткой, сдав при поступлении в институт всего два экзамена на «отлично».

За три просмотра комедии Никитин научился издавать через стиснутые губы точно такой же звук, которым главный герой фильма предлагает алкашам из психлечебницы сообразить на троих. Когда веселой гурьбой вышли из кинотеатра в парк, Никитин, как чревоуещатель, выдал протяжный, переливчатый писк и потеревил тремя пальцами у живота. Девушки разразились смехом: «А кто это?!» Кто-то из пацанов тут же предложил: «В дежурке можно яблочную бормонть взять по рубль двадцать две». Но Алька пресекла инициативу: «Никитин, а кто меня провожать обещал? Я тебя бухого до дому тащить не собираюсь».

Никитин провожать Альку не обещал, хотя жили они в одном районе, ее дом стоял за оврагом, через него был брошен подвесной хлипкий мосток.

— Ну и какие планы на жизнь? — спросила Алька, шедшая на шаг впереди Никитина.

— Пока не определился. Может, на комсомольскую стройку в Сибирь уеду, — сказал Никитин.

— За туманом и за запахом тайги? — хмыкнула Алька.

За оврагом лежала чужая территория. Тамошние пацаны били пришлых без «предьявы». В тихой темени были слышны приглушенные голоса и покашливания на мостке, мерцали бакены курящихся сигарет.

Узкий мостик — двоим не разминуться — скрипел и качался под ногами. Алька уверенно шла впереди, Никитин придерживался рукой за скользкий канат.

— Привет, хулиганы! Жертву караулите? — насмешливо спросила Алька. — Этот мальчик со мной.

Пацаны — человек пять — откинулись на канаты, уступая дорогу Альке и следовавшему за ней Никитину.

— Не бойся, они тебя не тронут. Мой дядя в уголковке работает, они знают, — небрежно произнесла Алька.

— Да я и не боюсь, — промямлил Никитин.

— Да ладно! Я не трус, но я боюсь! — рассмеялась Алька. — Этим ничего не стоит скинуть тебя с моста, всплывешь на ставке вместе с лягухами.

Едва заметная в жухлой траве глинистая тропинка извилисто ползла вверх и упиралась в калитку, ведущую в большой сад. За раскидистыми яблонями лунно белел дом с двумя оранжево светящимися окнами. Из сада к калитке кубарем летел, захлебываясь радостным лаем, небольшой песик с абрикосовой расцветкой кудрявой шерсти.

— Это мой Коханчик, — сказала Алька, выпуская песика наружу сада. — Так его зовут.

Песик облизал руки Альке и стал подозрительно обнюхивать ботинки Никитина.

У калитки к забору прислонилась низкая скамейка.

— Ну, посидим на дорожку, — предложила Алька.

Никитин сел очень близко к Альке, не зная куда деть руки, зажал стиснутые ладони между коленей. Алька сидела молча, Коханчик рванул вверх по улице. Никитин догадался, что надо что-то делать или говорить.

Закинув руку за спину Альке, он резко притянул ее за плечи к себе, нашел ртом ее губы...

— Ну, ты даешь, Никитин! — оторвавшись, выдохнула Алька. — Кто же так целуется? Как пылесос, засосал меня по уши, все губы изжевал, кислород мне перекрыл своим носом! Ты что: никогда девочек не целовал?

Никитин закурил, предполагая, что Алька сейчас поднимется и скроется за калиткой. Но она, отдышавшись, сказала:

— Бросай свою сигарету! Целоваться с курильщиком всё равно что с пепельницей. Сейчас будем проходить курс молодого бойца. Целовать девочку надо мягко, нежно и глубоко...

И Алька стала сама целовать Никитина так, что он ощущал подрагивание ее влажных губ. Горячий дурман разлился в голове, сладкая истома пошла по всему телу, а руки двинулись по Альке сами по себе.

— Стоп сигнал! — Алька оттолкнула от себя Никитина. — Трогать девочку ниже талии запрещено! Мало ли что там... Это не ваш узелок.

Разомлевший Никитин тыкался распаренным лицом в грудь Альки и оттягивал вниз ее лифчик.

— И бюстик мне порвешь, а он дорого стоит, — отталкивала от себя Никитина Алька.

Уже было далеко за полночь, когда Алька объявила:

— Все, конец сеанса! Завтра не приходи! Приходи во вторник или в среду после восьми. Коханчик мне сообщит.

Так продолжалось до последних чисел августа. Никитин не помнил, о чем они тогда говорили. Кажется, они вообще не разговаривали. Во всяком случае, Никитину было не до разговоров. Только помнится, что Алька делала ему замечания, когда он с неправильным ударением произносил некоторые слова: понЯл, говОрит... Обессиленный, он плёлся домой, и земля качалась под ним, как подвесной мосток через врага. Он шел и нюхал свои ладони, пахнувшие Алькиным телом, и с ужасом думал, что скоро она уедет в институт, в далекий большой город, может быть, навсегда.

И пришел тот день, когда она сообщила ему:

— Послезавтра уезжаю, меня дядя на машине в Узловую отвезет. Но ты завтра не приходи, мне собраться надо, потом вечер проводов, то да сё...

— А как же я?! — выкрикнул Никитин.

— Ну, я не знаю, — пожала плечами Алька. — Будешь жить. Поступишь в училище или пойдёшь куда-то работать. Заведёшь себе подружку, как все...

— А ты? Тебе всё равно? Что было у нас?! — выкрикивал Никитин.

— Ну, было. А что было? Ты хороший мальчик, Никитин. Но ты еще мальчик, а мне еще пять лет учиться.

— Через пять лет я буду женщиной!

— Конечно, будешь, — сказала Алька и поцеловала его в лоб.

— В том городе, где твой институт, есть какие-нибудь ПТУ?

— Сколько угодно. Это же огромный город! — с восторгом произнесла Алька.

— Ты мне напиши, — Никитин прижал ее руку к своей груди. — Не важно, какое ПТУ, только бы общага была. Ты мне напишешь, Аля?!

— Конечно, напишу. Я вообще тебе писать буду и, может быть, летом на каникулы приеду, если мама дом не продаст. Не отчаивайся, Никитин!

Ни в сентябре, ни в октябре, ни в ноябре писем от Альки не было. Никитин почти каждый день бегал на почту, заставлял

мать рыться на сортировке в мешках с поступившими письмами, но Алька не прислала ни единого письма. Несколько раз Никитин ходил к заветной калитке за оврагом. Но в саду раздавался уже гулкий лай овчарки, в окнах мерцали голубые сполохи телевизора, караул на мостку сообщил Никитину, что в доме новые хозяева, а Алькина мать вышла замуж и уехала куда-то на Север.

В строительном ПТУ был недобор, и Никитина с радостью взяли в группу плотников-столяров.

А потом была жизнь, в которой Никитин так и не смог забыть Альку.

Никитин очнулся от воспоминаний, когда услышал за спиной надсадный рев автомобиля. Отступив на обочину и обернувшись, он увидел тяжело ползущий на подъем «Запорожец» грязно-зеленого цвета, в белесых пятнах. Поравнявшись с Никитиным, автомобиль зловеще зарычал, несколько раз чихнул и остановился. Дверца справа приоткрылась и взору Никитина предстала уже знакомая физиономия мужика, открывшего оригинальный способ измерять толщину земли.

— О, язвенник! Мы на «жабчике», а ты быстрее нас пёхом! Куда путь держишь?

— В посёлок, опоздал на последний автобус.

— С области, что ли, чешешь? — спросил мужик, вывалившись из «Запорожца».

— Да нет. С Узловой.

— Ну, ты даешь! Чего же там — на вокзале — не сказал, что тебе в посёлок? Ну давай, залезай в зад, сумки там подвинь. А мы в село, как раз мимо твоего посёлка.

Никитин на четвереньках кое-как забрался на заднее сиденье авто, заваленное узлами и сумками.

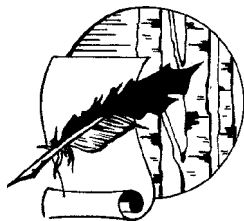
— А это мой зятёк Василёк, — закрыв дверцу, кивнул на водителя мужик. — Встречать меня приезжал.

Василёк — с загоревшей длинной лысиной щуплый мужичок — обернулся к Никитину и, улыбаясь, кивнул. «Запорожец» зарычал, затрясся, зазвенел железками и снова принялся штурмовать невысокий холм.

— Представляешь, Василёк, этот чудило не верит, что раньше земля была толще! Тебя как звать-то? — обернувшись, спросил мужик.

— Никитин.

г. Кировск, ЛНР

Юрий ВОРОТНИН

ОБЖИТАЯ БЕЗДНА

* * *

Память места рожденья жестока.
Обращается устье в исток.
Как ни шёл я на запад с востока,
Всё равно приходил на восток.

Подступался к последнему краю,
Доверял и глазам, и слезам,
Но по свету, по следу, по граю
Каждый раз возвращался к азам.

И в плену у родимых скворечен
Брал себя и других на испуг,
Уверяя, что путь бесконечен,
Если он замыкается в круг.

* * *

Я на жизнь и на смерть никогда не играл,
Только жил рядом с жизнью и смертью,
И из бездны людской сам себя доставал,
Словно рыбу, тягучею сетью.

Выбирался на берег, дышал тяжело,
В одиночестве было мне тесно,
И светился мне берег ещё нежилой,
И темнела обжитая бездна.

* * *

Мы живём, как растенья в заказнике,
Не страшны ни огонь, ни вода.
Только нет ощущения праздника
И не будет уже никогда.

Проплывают рутинною лавою
Наши дни, как по рекам суда.
Даже миг испытания славою
Не оставил на сердце следа.

Лишь цепляет с небес по касательной,
Чуть задев, но насквозь леденя:
Ждёт в конце нас, что славы блистательней,
Что страшнее воды и огня.

* * *

Клянём любые времена,
Одни глухи, другие люты,
И имена, как семена,
Бросаем в грязь и сеем смуты.

То сухойей, то снеговой,
То дождь стучит в окно пустое,
Лишь время юности своей
Мы чтим, как время золотое.

И ничего не ждём в ответ,
И не надеемся на чудо.
Но если есть над нами свет,
То он оттуда, он оттуда.

* * *

То в домоседстве, то в скитанье,
То ненавидя, то любя,
Жизнь проживал в богоисканье,
А прожил в поисках себя.

И каждый раз, когда дорога
В прах низводила мой запал,
Я падал ниц за шаг до Бога
И чрез себя переступал.

Но всё же мигом, пусть и мигом
Я был пожалован в ответ,
И, дань отдав земным веригам,
Смотрел во тьму и видел свет.

* * *

Не возвращался никогда,
Пусть путь заманчив был и сладок,
В те изумрудные года
Надежд, влюблённостей, загадок.

Боялся пуще батожья,
Что сквозь что не было и было
В лицо мне жажнут из ружья
Слова: «А я тебя любила б!»

* * *

Долгий путь слезой суровой вышит,
Прорастёт слеза и зацветёт,
Кто не слушал — больше не услышит,
Кто не выжил — больше не умрёт.

На каких мы выросли заквасках,
Как дышали дивною волжбой!
Укатили сказки на салазках
И забрали бабушку с собой.

Я невольно памяти внимаю,
Саный след, как ниточку, тяну,
Жизнь прожил, а всё не понимаю,
Что я жизнь обратно не верну.

Утомились реки от движенья,
Нарастает в зеркало слюда,
И ещё живые отраженья
Прибирает мёртвая вода.

* * *

«Я бы тоже был наивен,
Да по мне прошёлся век —
Так меня располовинил,
Что пожаловаться грех!»

«Зря ты хвастаешься, сыну, —
Мне отец в ответ шептал, —
Он тебя — наполовину,
А меня четвертовал».

* * *

Сколько в кровь мою впало живых ручейков,
Сколько врезалось в память событий!
Потянуть бы успеть из забытых веков
За дорожки, за жилки, за нити.

Покатить пред собою клубок шерстяной,
Чтоб трава перед ним припадала,
И монгольскую гарь часовой шестернёй
Запахать от Литвы до Урала.

И всё дальше туда, где Христос не воскрес,
И взирать, как в летящем рапиде,
С византийских столпов на языческий лес
И себя за деревьями видеть.

* * *

Кому-то жизнь — тяжёлый грех,
Кому-то — окаянство,
Я жил во тьме, покуда снег
Не осветил пространство.

Я выживал, где жизни нет,
И пропадал — где жили,
Но выпрямлялся снежный свет
Работой сухожилий.

И как бы чёрная смола
По следу ни кипела,
Легонько жизнь моя плыла
По белому под белым.

Но как и раньше, как во тьме,
Мне было непонятно:
Откуда жизнь взялась во мне
И как уйдёт обратно.

ДЕД. 1965

«Жили-были, ели-пили,
То веселье, то тоска,
А потом меня забрили
В пешеходные войска.

Не по стоптанному плацу,
А по пороху-пыли
Неумеху-новобранца
Делать подвиг повели.

На груди иконка Спаса,
Два глотка на посошок.
Пушкам нужно много мяса,
А во мне костей мешок.

Под огнём не встанёшь bravo,
По огню не ходят вброд,
Но за мной была Держава
И гнала меня вперёд.

Кровью светятся медали
И мои, и всех ребят.
Что там родина и Сталин?
Каждый дрался за себя.

Нынче мир. Мели Емеля
Хоть в четыре колеса...»
И глаза поднять не смел я,
Чтоб смотреть в его глаза.

Но внимал его рассказу,
И жевал его пшено,
И играл в войну-заразу
По-другому, чем в кино.

* * *

Ни имён, ни могил, будто прошлого нет,
Лишь с землёю по крови родство,
Но качнусь от того, что мне смотрят вослед,
Оглянусь — за спиной никого.

Соберусь, распрямлюсь, как ходил на парад,
Только время и даль за спиной,
Но опять и опять чей-то чувствую взгляд:
Кто-то тихо крадётся за мной.

Поколенья во мгле, не связать времена,
Дальше прадедов не заглянуть,
Но из вечности взглядом прикрыта спина
И начертан отеческий путь.

* * *

Половодье ушло, побросало в отлогах рыбё,
Жить недолго рыбью, плавники без воды заржавеют.
То, что делает сильными, как-нибудь нас и убьёт,
То, что делает слабыми, как-нибудь нас пожалеет.

Пресыщенье судьбой поневоле затаяет в отлог,
Где дарована жизнь, где судьба попросила смиренья,
Где и сила, и слабость в единый вмещаются вздох,
Где нешадная боль зарастает травой забвенья.

* * *

На злобу и коварство,
На шило в рукаве
Есть правда государства
И сила в булавке.

Чтоб не вязала смута
Живых параличом,
Приходится кому-то
Работать палачом.

Я в заревах багряных
Всем ставлю по свече,
Ведь грех от окаянных
Всегда на палаче.

* * *

Сиро мне и обездоленно,
Голова не помнит плеч.
Эта церковь не намолена,
Как не вытоплена печь.

Там со времени окольного
День за днём, за веком век
Зелье варева раскольного
Варит чёрный человек.

А как вывалит варимое,
Им просторы окропит, —
Сторона моя родимая
Синим пламенем горит.

* * *

Издревле мне было вестимо,
И ныне завет не изжит,
Что не было Третьего Рима,
А быть ему лишь предстоит.

И движутся страны, как льдины,
И камни катает вода,
И в землю на вере единой
Врастают мои города.

* * *

Убежали из Рязани,
Укатили из Твери,
Вслед за нами, как цыгане,
Потянулись пустыри.

Мы спешили из Смоленска,
Из Калуги и Орла,
Нас в чужое тягло с треском
Смута горькая впрягла.

Вольность тёмного разгула,
Обращая нас в рабов,
Своротила Туле дуло,
Загнала в леса Тамбов.

А увенчанный расстрига
С беглым бесом за плечом
Откровенья в Божьих книгах
Правил масляным квачом.

В эти дни я жил и не жил,
Небо попусту коптил,
И слезился глаз медвежий
И за мной из тьмы следил.

И одно меня держало
Всем законам вопреки:
Знал я, Минин на Державу
Собирает медяки.

* * *

Не то чтоб сеял зло
В необъяснимой страсти,
Звериное число
Раскладывал на части.

Мне ночью не спалось,
Мне днём не просыпалось,
Я чувствовал, как ось
Земная напрягалась.

Как шли материки
Открыто друг на друга,
Как Солнце, вопреки,
Сойти старалось с круга.

Я понимал: игра
Моя давно за краем.
И знал: земля — сыра,
А рай — необитаем.

* * *

Спасённый небесною твердью,
Живою закрученный в жгут,
Живу между жизнью и смертью,
Так многие нынче живут.

И в храмах по дням поминальным
Ловлю себя, как в ворожке,
В стремленье движеньем случайным
Поставить свечу по себе.

* * *

Шепчу, когда огонь прожжёт
Меня дыханием лужёным:
«Бог бережёных бережёт,
А каково небережёным?»

Мне эхо катится в ответ,
Ожоги сушит и нарывы:
«Небережёных Богом нет,
Есть, кто мертвы, и есть, кто живы».

Смиряюсь, верю и огня
Я не боюсь проникновенья.
И Бога, спасшего меня,
Оберегаю от забвенья.

г. Москва

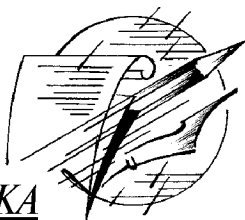
УКРАИНСКИЙ ТУПИК

Чем дальше, тем больше преобладает в нас интуиция необратимого распада Русской цивилизации, тем больше сомнений в том, что русское триединство когда-либо будет восстановлено.

Кое-кто ещё, правда, надеется: на Украине проснутся «низы», и тогда они вдруг «не захотят», а «верхи» вдруг «не смогут», произойдёт антиевропейский майдан, и всё постепенно образумится. Ну, то есть восстановятся все памятники прежним вождям и названия улиц, а дальше, в соответствии с заветами Ильича, восторжествует интернационализм.

Насчёт того, что нельзя вступить в одну реку дважды, философ, конечно, хохмил. Хоть дважды, хоть трижды, хоть тысячу раз можно вступать и вступать в одну и ту же реку. Но это если река на месте. А если она давно пересохла, если от неё осталось маленькое и затхлое болотце, то как называется тот, кто всерьёз намерен в эту жижу залезть для омовения?

Никакая революция на Украине по определению не может быть для русских

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

победоносной. Революции обслуживают только идеологии, а для русских любая государственная идеология смерти подобна. Мы в принципе не идеологическая нация, у нас нет к этой болезни иммунитета. Украина, кстати, тому убедительное подтверждение.

А ещё у нас в анамнезе «советский народ».

Чтобы не впадать в смуту, русскому человеку обязательно надо верить прочно. Но прочно можно верить лишь в то, что имеет авторитет Божественного откровения. Если веру заведомо придумали сами люди (а такова всякая идеология), то век её торжества недолог — от силы два-три поколения. *Дом, построенный на песке, не устоит*: от «советского народа» остались лишь вздохи пенсионеров. Так же обречена и бандеровская Украина.

Вопрос, стало быть: что будет потом, после бандеровцев? Новая идеология, новая революция и новая смута, и так до самой, при таком «образе жизни», скорой смерти. Или всё же постепенное выздоровление?

«Сказано в морг — значит, в морг» — такая у нас сейчас унылая интуиция. Но похороны пока не заказываем, на что-то надеемся, напрягаем серое вещество.

Может, думаем, контрреволюция — наш шанс? Нет, даже с приставкой «контр», она всё равно остаётся революцией. Если мы побьём бандеровцев какой-нибудь славянофильской триадой, из тупика всё равно не выйдем. Мы и раньше-то, в XIX веке, не верили ни в какую триаду, а сейчас тем более не поверим. Получится пшик, и даже сладкого привкуса не останется.

Вера, только настоящая вера могла бы нас спасти. Настоящая — значит христианская: речь, по сути, о новой христианизации.

Христианизация без крещения — это, вообще, возможно? Дважды ведь не крестят народ. Но если народ забыл Христа, что может заставить его вспомнить о Нём? Есть на свете такая сила?

Это точно не наука. Она сама ныне объект чуть ли не всеобщей веры — этакая мега-идеология. Ничего другого, кроме идеологий, наука оправдать по определению не способна. А потому в обществе, где почти все поголовно — наукопоклонники, надежды на новую христианизацию нет, и, следовательно, Украина с Россией больше не воссоединятся?

Видимо, так. С одним уточнением: пока гром не грянет.

К сожалению, все решительные перемены в истории совершаются под принуждением катастроф. На то, чтобы катастроф не допускать, перемениться раньше, чем они про-

изойдут, человеку не хватает вменяемости. Более того, ему очень не нравится, когда ему об этом напоминают. Его рука сразу тянется схватить камень (или маузер).

Христианизация для некоторых ассоциируется чуть ли не с возвратом в Средневековье, которое в нашем сознании непременно «мрачное». Привыкшие к идеологическому стилю мышления, мы и христианство теперь оцениваем как идеологию ретроградную, ультраконсервативную, антинаучную. На самом деле христианство никогда ничего из прошлой культуры не отрицает, оно её стремится *преобразить*.

Христианизация — это не превращение христиан в правящую партию, в авангарде которой священники и церковные иерархи. Если формулировать на понятном современному среднестатистическому образованному гражданину языке, она предполагает прежде всего отказ от реформаторского метода преобразования действительности — от революции как стили жизни.

Порочна не наука сама по себе, а наука, претендующая быть источником нового Откровения. Науке, смиренно занимающей подобающую ей нишу, не вторгающуюся в область веры, никто не мешал бы и в христианизированной среде двигать технический прогресс. Он для христианина нейтрален — до тех пор, пока на него не начинают молиться.

Ясно, что добровольно никто от веры в науку сам не откажется, слишком прочно эта вера соединилась в нашем сознании с комфортом. Поэтому новая всемирная катастрофа видится неизбежной.

Если нельзя избежать катастрофы, надо думать, как бы, по крайней мере, смягчить последствия. Худший из всех возможных сценариев — ввязаться во всемирную свару идеологий. В нашем конкретном случае это означает: как бы нас ни провоцировали, мы не должны вступать за Украину в *идеологическую* конфронтацию с Западом.

Пока европейский нацизм воюет на Украине с идеологически неформленным Русским миром, шанс победить в этой войне у нас остаётся. Но как только мы встанем в этом противостоянии на какую-нибудь идеологическую позицию, мы войну проиграем. Как проиграли в смуте, случившейся сто лет назад, поверив в марксистско-ленинскую идеологию.

Те, кто пребывает в иллюзии, будто подмена тысячелетней русской цивилизации «советским народом» не была для нас поражением, — такие же майданутые, как и бандеровцы, потенциальные агенты смуты. Бандеровская Украина — порождение советской национальной политики, плоть от плоти «советского народа», вот в чём мы, к сожалению, часто не отдаём себе отчёта.

Тот, кто общался с представителями украинской советской интеллектуально-культурной элиты, вынужден будет признать: она была с довольно ощутимым националистическим душком. В этих закомплексованных Тарапуньках под маской простецкого, грубоватого гречкосея уже тогда сидел «европеец». Он правдоподобно имитировал дружбу со Штепселем, но кацап был для него именно «штепселем», нечто примитивное до презрения.

Это театрализованное фарисейство интернациональное советское общество вполне устраивало. Формировавшийся в нём культурный идеал должен был быть простецким, и самодовольный хохол с брутальным фрикативным «г» и оканьем с первых лет победившей революции стал всесоветским любимцем. Украинской элите роль такого шута приносила изрядные дивиденды, и она с удовольствием её исполняла, но осознанная необходимость изображать вторичность по отношению к «азиатам», естественно, уязвляла её самолюбие. Ей, такой востребованной и популярной, мнилось, будто сравняться в престижности с поперженной русской культурой ничего не стоит. То, что этого не происходило, считалось следствием «закабаления»: мол, Москва не желала их по-настоящему раскручивать.

В «независимой» Украине ничем иным, кроме самораскрутки, та же элита заниматься не стала — такова сила инерции. Прошло 25 лет, и она оказалась способной только на то, чтобы мстить и мстить москалям за то, что те не потрудились её как следует раскрутить. Так возмнившая серость, объединившись, тиранит высокий дух. Но интернациональной серости позволили объединиться, а главное, ей внушили, что она — элита, способная управлять государством Российским. И она возмнила, что ее подданные отныне не русские, а «советский народ».

Сам инстинкт самосохранения подсказывал советской номенклатуре терпимое к Тарапунькам и подозрительное к традиционной русской культуре поведение. Она хорошо понимала: возрождение русской православной традиции означало бы то, что кухарок снова вышвырнули бы на кухни. Хохлы, даже фрондирующие, были для них своими, русские — «классово чуждыми».

В двадцатые годы, когда лучших представителей русской культурной и интеллектуальной элиты с глаз долой кораблями и поездами отправляли в Европу, в Советскую Украину массово, десятками тысяч, заселялись галичанские интеллигенты: не побоявшись буржуазных влияний, советская власть открыла для них границы с Европой, для того чтобы

пополнить хилые ряды штурмовых украинизаторов. В соответствии с ленинским планом, ставилась задача срочно, ускоренными темпами, консолидировать украинскую нацию.

Современные коммунисты не хотят этого признавать, но трудно им идти против рожна — оспаривать документально подтверждённые факты. А факты эти более чем красноречивы. При большевиках из украинского вуза запросто могли отчислить студента за русскую речь. Работники украинских госучреждений обязаны были сдавать экзамен по украинскому языку; не сдавших увольняли, даже если они претендовали на должность уборщицы. Повсеместно закрывались русские театры. Другие национальные меньшинства имели перед русскими приоритет. В начале 30-х годов еврейских театров было в преимущественно русскоязычной Украинской Советской Республике больше, чем русских. Об украинских и речи нет: по ним преобладание было во многие разы. То же было и с газетами. Такие факты можно множить и множить (смотри, например, очень добросовестный научный труд Елены Борисёнок «Феномен советской украинизации. 1920—1930 годы»).

Украинизация двадцатых — начала тридцатых годов была не намного мягче нынешней бандеровской, а может быть, в чём-то даже и жёстче. Она проводилась в русле официальной политики, цель которой была громогласно объявлена с самых высоких трибун: сформировать из народов бывшей Российской империи «новую историческую общность — советский народ».

Национальная инженерия в ленинском духе требовала радикальной дерусификации, отсюда лозунг «коренизации» — создания на месте русской среды новых, нерусских, наций. Украинизация, белорусификация — частные случаи этой политики.

Когда православие, стержень тысячелетней русской идентичности, было подавлено, когда был порушен русский крестьянский уклад и уничтожена почвенническая интеллигенция, надобность в столь радикальной поддержке окраинных национализмов отпала. Русский язык частично восстановил свой статус на Украине. Но это не было разворотом в национальной политике, как стенают сегодня украинские националисты. Вся инфраструктура поддержки искусственно созданных литературных языков и культур Тарапунке продолжала действовать, не сбавляя оборотов. Отсекались только крайние проявления «буржуазного национализма»: после крушения иллюзии близкой мировой революции надобность в буйных пассионариях у советского агитпропа отпала.

Нет ни малейшего сомнения в том, что без поддержки коммунистического режима украинцы и белорусы не обособились бы до такой степени, чтобы быть в состоянии в конце XX века претендовать на собственную государственность. Когда сегодня на Украине сносят памятники вождям коммунизма, это похоже на то, как криминал убирает свидетелей из числа своих. Им, ныне претендующим на европейскую респектабельность, напоминания о советском прошлом ни к чему. Но то, что украинизацию проводили чекисты и комиссары, то, что Украину привели к независимости бывшие парторги и комсорги, а возглавлял их секретарь ЦК коммунистической партии, замолчать для истории всё равно не удастся.

Вестернизированные украинская и белорусская нации считались у большевиков более благонадёжными, чем русский народ, именно потому, что в основу их идентичности была положена идеология. Две «новые исторические общности» объединились, чтобы побороть «старую общность» — Святую Русь. У этой их предшественницы была совсем другая степень престижности — религиозная. Русские, в отличие от «советских», в том числе украинцев и белорусов, были не воображаемым, а вполне реальным народом.

«Воображаемый» — это не моё определение, а модный научный термин, который сами украинские политологи с удовольствием к себе применяют. В моей фразе им бы не понравилось только противопоставление воображаемого народа реальному, потому как никаких других, кроме воображаемых, народов они не признают. «Воображаемая общность» — это, естественно, калька с английского. Вариант перевода — «воображённая общность». Кто же её, эту общность, воображает? Если вникнуть в «теорию», то выходит, что сами носители идентичности. Никакие объективные критерии существования наций как «коллективных личностей» не признаются. Кто что о себе вообразил, тот то и есть.

Спрашивается: если все нации воображены, то зачем о них вообще всерьёз говорить? Вот именно незачем, к этому всё и клонится. Украинские националисты с удовольствием растворили бы свой народ в Европе, разве что салом и вышиванками продолжали б гордиться.

Вместе с идеей «воображения наций» наука навязывает миру обезличенный универсализм. Это началось не вчера. «Советский народ» из той же, «объективно-научной», оперы.

Коммунисты утверждают: в царской России происходила ожесточённая классовая борьба, приведшая к победе пролетариата, который и сформировал советское государство.

Борьба на самом деле была, были острые социальные противоречия, но, спрашивается, зачем всё редуцировать к понятию, высосанному из пальца?

Чтобы яснее было, о чём идёт речь, рассмотрим пример из нынешней нашей обыденщины. У нас, как известно, в основном ненавидят новых богатых, но разве их ненавидят за то, что они представители какого-то класса? Нет, их просто считают — и небезосновательно — циничными ворами. Чтобы начать одинаково ненавидеть и «олигархов», и честных богатых людей, нам придётся подавить в себе природный здравый смысл и подчинить себя какой-нибудь «единственно верной научной теории», поверить в какого-нибудь современного научного Маркса-Ленина, который выведет формулу: «всякий богатый — сволочь». Но зачем, спрашивается, подавлять в себе здравый смысл?

Брат поднялся на брата, а сын на отца — эта формула революции намного точнее передаёт суть происходившего столет назад, чем классовая теория. Есть ещё ёмкое русское слово «смута». Смута постигла Россию, и ею воспользовались большевики. Чтобы удержать власть, им обязательно надо было ослабить верующий народ: он бы не принял совершённой ими идеологической подмены. Ради этого они готовы были пойти на союз с кем угодно. Ради этого они почти с нуля творили нации. Доходило до анекдотов: придумывались новые «эпосы» или тиражировались под их видом откровенные ранне-романтические авторские фальсификаты. В опубликованных сборниках украинских героических дум такие фальсификаты — большинство текстов. Это не мой вывод, об этом пишет Екатерина Грушевская, европейски признанный учёный-этнолог и, между прочим, по отчеству Михайловна — дочь одного из столпов украинского национализма.

Через три поколения массовой обработки внушением взлелеянные революцией нации объявят о независимости. Правда, они не будут знать, что с ней делать, потому что у них никогда не было никаких навыков государственности. Всё в конечном счёте сведётся к тому, что они перейдут в рабское услужение другому хозяину.

Сами лакеи западной мысли, большевики, сформировали во имя «светлого будущего» лакейские общности. Русский мир раскололо марксистско-ленинское лакейство.

Нелояльных Советам или вышедшим из их повиновения «буржуазных националистов» было так мало, что никакого ощутимого сопротивления советской власти они оказать не могли. Нельзя же в самом деле считать национально-освободительной борьбой комариный писк. Вот и получается, что

даже романтическая пассионарность у этих новых наций почти на нуле. Её натужно пытаются имитировать независимые «элиты», но даже самым отъявленным информационным проходимцам трудно выдать эти потуги за свободный порыв. Чтобы хоть чем-то заполнить вакуум, на Украине героизируют откровенных головорезов-эсесовцев.

Были бы другие герои-пассионарии, обошлись бы без бандер и шухевичей. Но других нет и быть не могло именно потому, что независимую Украину творила бездарная советская номенклатура. Бандеровская Украина вызрела изнутри советского государства, отпочковавшись от «советского народа».

Я вырос и большую часть жизни прожил на Украине, но тех, кого можно было бы сопричьсть к пламенным националистам, впервые увидел только после того, как поступил на филфак Киевского университета. О том, что они существуют, нам, первокурсникам, объявил накануне 8 Марта парторг факультета Пётр Петрович Кононенко. Объявил затем, чтобы предупредить: ни в этот, ни в следующие два дня (даты рождения и смерти Тараса Шевченко) нам категорически нельзя появляться в университетском сквере; там, возле памятника Кобзарю, как раз и кучковались в эти дни те самые «буржуазные националисты».

Ясное дело, те, кого ругал Пётр Петрович, тут же становился в юношеских максималистских глазах кем-то вроде героев. Однако же эта публика оказалась на удивление невыразительной, неяркой, ужасно серьёзной, без малейшего намёка на самоиронию. Такие, было очевидно даже желторотому юнцу, не имели ни малейшего шанса увлечь за собой скептический по натуре бывший малороссийский народ. Так, уныло и скучно кучкуясь вокруг своего Кобзаря, пережёвывали бы они свои «свидомые» чаяния до скончания века. Впоследствии, узнав многих из них лично, я только укрепился в первоначальном мнении: независимая Украина — нисколько не их проект. Они к нему только примазались, причём ровно настолько, насколько это было позволено им теми, кто его в действительности задумал и осуществил — Пётр Петрович Кононенко, наш незабвенный парторг факультета, непримиримый борец с петлюровщиной и бандеровщиной, оберегавший нас от их тлетворных влияний, и его сокорытники по советской номенклатуре. Держа нос по ветру, они, как только в Москве запахло жареным, повально мимикрировали в бандеровцев. Можно, конечно, называть это перевоплощение чиновного ничтожества «искусством нациетворчества», но вообще-то это банальнейший карьеризм. К «нациетворчеству» они устремились, потому что не видели, как

в разваливающемся Советском Союзе по-другому удержаться у власти. Было бы кому топнуть на них ногой, они бы всем стадом отправились искать другой водопой и никогда не вспомнили бы о Бандере. Бандера на знамени был им самим неудобен, так как уличал их в циничнейшем двуличии.

Однако же рассыпающийся «советский народ» выбора им не оставил, и пришлось Петру Петровичу Кононенко в независимой Украине возглавить Институт украинознания, националистический аналог Высшей комсомольской школы, инкубатор маниакальных русофобов. В украинской википедии о его советском прошлом ни слова. Даже не приведены названия защищённых им диссертаций. Не посмела украинская википедия запятнать «ведущего украиноведа» упоминанием его «фундаментальных трудов» о величии подвига красных комиссаров на Украине.

С другой стороны, если такие, как Пётр Петрович, воспитывают новых маньяков, то их маниакальность тоже можно считать условной. Они так же легко управляемы и переводимы, как и сам Пётр Петрович. Им ничего не стоит повторить путь наставника в противоположном направлении — к какой-нибудь новой объединённой отнюдь не Европой общности. В конце концов всё будет зависеть от того, кто и как будет топтать ногами. Навыки государственности у украинской элиты так и не развились.

Необратимость «европейской интеграции» Украины сильно преувеличена. Уныние посеяно в нас всплеском бандеровского радикализма в маргинальных слоях украинского общества. Кажется: если уже до такого одичания дошли, то обратно точно не выбраться; тупик захлопнулся.

Вид беснующейся толпы всегда порождает страх, а у страха, как известно, глаза велики. Однако же, вспомним: подобные психопатические обострения время от времени происходят во всяком народе, не раз они уже случались и с малороссами, и с великороссами. Приступ пройдёт, в этом нет никакого сомнения. И тогда встанет вопрос: во что эту нацию перевообразать. И русским людям вполне может захотеться этим заняться.

Игра дорогостоящая, и как бы миллиарды не вылетели в трубу. Потратиться можно было бы, если б была уверенность, что по-новому воображённая пост-Украина снова станет для русских братским народом. Но этого не будет. Воображённая нация, какой бы она ни была и где бы она ни возникла, будет исходить из приоритета «европейских ценностей», одна из которых — расистское презрение ко всякой цивилизационной инаковости. То есть если ты цивилизационно инако-

вый, то тебе положено иметь комплекс вторичности, подражая «эталонной» цивилизации. Для по-всякому воображённой Украины самобытная Россия будет чужая. Единение в этом случае возможно только в ничтожестве. Сторонники такого сценария в России имеются, всё громче слышатся голоса в пользу воображения на европейский манер «российской политической нации». Забыт провальный коммунистический эксперимент, и лакеи европейской науки снова пытаются навязать русским проект наподобие «советского народа». Его осуществление означало бы для русских погружение в настоящий мрак латинского ига: по сути, украинская Уния распространилась бы на всё пространство от Карпат до Тихого океана, вся Русская цивилизация превратилась бы в Украину.

Четверть века стараются либеральные российские СМИ, внушая русским: приход Европы в Россию стал бы для них великим благом. Но русские сопротивляются. «На кой прах нам эта Европа?» — по-леонтьевски отмахиваются они от реформаторов. Пусть слаба русская солидарность, пусть медведь с волком нам братья, но мы такие, какие есть, какими нас вообразил Тот, Кто единственный имеет право воображать народы, — нам ли менять эту драгоценную первородность на дешёвые стеклянные бусы европейской воображённости?

Малороссы оказались хлипче. И именно хлипкость — проблема, а не навязанное им «воображение». Перевообразить относительно просто, а вот попробуй внушить массам, что хлипкими быть позорно... Как разбудить в украинцах достоинство русского человека? — вот в чём вопрос.

Может, кто и знает другие способы достижения этой цели, но я не вижу иного, кроме как окунуть расслабленного в силоамскую купель христианизации (заодно и самим в неё окунувшись). «Как только мы почувствуем себя... православными, тотчас всё и устроится», — писал Достоевский. К русскому человеку должен вернуться страх Божий, чтобы у него появилось достоинство.

При упоминании страха Божия либералы обычно начинают истошно вопить: «Караул! Инквизиция! Фундаментализм!» Не знающие никакой другой веры, кроме идеологии, они и христианство подозревают в претензии реформировать общество. На самом деле Христос никогда и нигде не говорит о том, что хоть как-то напоминает реформы. Это личностная религия, которая не предполагает никакого иного способа изменения общества, кроме стяжания личной святости или приближения к ней.

Быть христианином — значит уподобляться Христу, следовать Его Завету. Христианизация, следовательно, это устранение того, что мешает этому уподоблению. Без всяких уставов и программ, пиар-компаний и прочих публичных внецерковных манифестаций. Просто в обществе цель быть похристиански нравственным должна иметь безусловный приоритет над любой другой, а ориентирами нравственности должны стать ценности христианства.

Что этому мешает? Прежде всего превращение науки в псевдорелигию, вера в «объективную истину», отдельную от Истины — богочеловека Христа. Именно наукопоклонники утвердили в обществе приоритет партийности над соборностью, и пока наука не займёт надлежащего ей более скромного места — нишу одного из отделов культуры, ситуация не изменится: нравственность будет приноситься в жертву партийным ценностям и идеалам.

В сущности, нас может сплотить только одно: борьба с культом науки. «Жить не по лжи» — это в наши дни значит «жить не по-научному». Хочешь быть настоящим учёным — стань для начала поэтом. Только поэты и совершают подлинные научные открытия. Их мало, девяносто девять из ста учёных — статисты, паразитирующие на таланте сотого, но апломб свойствен именно этим девяносто девяти. Это они из корыстолюбия обслуживают идеологии, но именно из этой обвешанной регалиями беспросветной, тоскливой серости современные СМИ лепят «героев нашего времени».

Доминирование пошлых СМИ — ещё один камень преткновения. Но журналист-пошляк — это продукт всё того же наукопоклонничества в образовании. С первого класса школа учит быть нравственным релятивистом. Что делать? Вводить Закон Божий? Упаси Господь! Это было бы полной и, боюсь, окончательной дискредитацией Церкви. В нашем обществе она и так сейчас едва ли не самое уязвимое звено. Мера наукопоклонства наших священнослужителей как никогда велика, и это следствие самообольщения православного богословия еретической латинской теологией. Культ богоборческой науки утвердился в духовных семинариях и академиях не меньше, чем в светских вузах.

Начинать надо, пожалуй, с Православной Церкви. Если кому по силам справиться с идеологическими пассионариями, то только ей. Научная логика — не холодная и не горячая, поэтому в ней намного легче заметить изъян тем, кто считает теплорядность пороком.

Уверен: если нам суждено поправиться, то первые признаки выздоровления мы будем наблюдать в духовных семина-

риях и академиях. Преображая систему обучения внутри Церкви, православные христиане обязательно будут влиять и на нецерковное образование. Его разболонивание было бы сродни взятию стратегической высоты.

Богословие — это первонаука, из неё отпочковались все научные дисциплины. Сейчас это не очевидно, но, обратите внимание, во всех престижнейших вузах Европы сохраняются теологические факультеты, и звание доктора богословия по-прежнему является там одним из самых престижных. У нас коммунисты порушили иерархию, но подспудно влияние богословия на науку, особенно на гуманитарную, всё ещё сохраняется. Преодолев латинское самообольщение, православное богословие стало бы намного больше воздействовать на методологию светских гуманитарных наук.

Ясно, что это очень долгий и трудный путь, но по-другому выйти из украинского тупика (который на самом деле является тупиком всей Русской цивилизации) не удастся. Расстреливая силы на идеологическую грызню, мы только отдаляем от себя спасительную новую христианизацию.

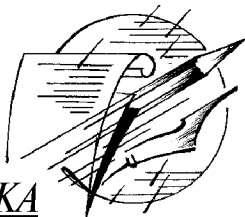
ТОЛЬКО ПОБЕДА

Четвертый год под обстрелами. Четвертый год войны на Донбассе.

Блокпосты, комендантский час, военные с боевым оружием на улицах поселка, провода, протянутые по земле повсеместно, регулярные, практически ежедневные, обстрелы украинской артиллерии, в том числе из гаубиц, ночные бдения жителей поселка в подвалах. Если ополченцы отвечают, то поселок оказывается под перекрестным огнем — это реальности жизни поселка «Жилплощадка» в Петровском районе Донецка.

Местная шахта «Трудовская» обросла рабочим поселком «Жилплощадка» после сдачи ее в эксплуатацию, такая инфраструктура очень характерна для Донбасса.

Шахтерский поселок входит в зону непосредственного обстрела, он, по существу, пограничная территория между ДНР и Украиной: за Жилплощадкой, не считая крошечного хутора Зеленый Гай (ДНР), следующий населенный пункт Марьянка — уже украинская территория.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Позиции украинских войск порой находятся на расстоянии визуальной видимости от позиций войск ВСН, чем пользуются снайперы, вступая в снайперские дуэли, а гражданское население живет среди этого ада.

Я прочла в одной из групп в соцсетях интернета, как крик о помощи: «20 августа исполняется годовщина массовой гибели жителей поселка в 2014 году. Журналисты, напишите об этом статью, почтим память невинно убиенных жителей поселка».

Нечасто в этих краях перед тобой распахивают двери и делятся информацией. Конечно, я не стала долго раздумывать. Светлана и Виктор встретили меня на конечной 42-го автобуса и на легковой машине провезли по поселку.

Поездка началась с посещения церкви. Так уж получилось, что этот объект был первым на нашем пути. Храм Иоанна Кронштадтского поразил меня с первого взгляда — небольшое одноэтажное здание среди обширной и хорошо ухоженной территории. От кованой ограды к церкви вела широкая дорога, обсаженная роскошными елями. Среди буйства летних цветов слева от храма стояли два монумента.

Монумент, посвященный воинам, замученным фашистами во время оккупации Донецка в 1941—1942 годы, остался от школы, которая когда-то находилась в задании храма. Второй монумент чтит память Иоана Буткова, первосвященника храма, открытого при его подвижническом участии в 90-х годах прошлого века. Третий памятный знак болью отозвался в сердце — на импровизированном пьедестале на обычных листках бумаги были отмечены около сотни фамилий мирных жителей и ополченцев, погибших в 2014—2017 годах: «Помните! Через века, через года, помните о тех, кто уже не придет никогда» — так начинался перечень человеческих утрат поселка «Жилплощадка».

С позволения отца Александра я зашла в храм — шок, горло сдавил спазм. Если снаружи на стенах здания была свежая побелка, (хотя побелка не могла скрыть следы от осколков снарядов), окна вставлены и двери отремонтированы, то внутри храма пепелище. Я увидела обгоревшие до кирпичной кладки стены.

Крыши не было совсем, над головой синело безмятежное небо — ощущение, что ты находишься на дне колодца, что тебя отбросило в непонятную сюрреалистическую зону. Внутреннего убранства храма, конечно же, тоже не было. В довершение этой картины для небесных птах прямо на земляном полу, на краю ямы глубиной до 2 метров (воронка от снаряда) стояло блюдо с хлебными крошками.

— Проходите в крестильню, мы там службы проводим, — предложил отец Александр. От основного помещения храма была отгорожена небольшая комнатка — крестильня, ее убранство соответствовало убранству храма.

— Новый иконостас и церковную утварь передали нам из Кронштадта, — продолжал отец Александр свой рассказ.

Первый удар по храму пришелся в ночь на 12 июня 2014 года, как раз на праздник Петра и Павла. Эту тактику украинских ВС, их борьбу с православными праздниками, жители Донбасса поняли давно — особенно жесткие обстрелы начинаются в канун православных праздников.

Однако первые обстрелы были пристрелочными, точный удар в храм пришелся на 25 августа 2014 года. Отец Александр с паствой с первыми звуками обстрелов спрятались в подвале. Человеческих жертв удалось избежать благодаря Божьему промыслу.

Единственное, что отец Александр смог спасти — это антиминс и святые дары, которые он в последний момент, предчувствуя непоправимое, вынес на своей груди.

Я так опешила от увиденного в храме Иоанна Кронштадтского, что даже не перекрестилась, как подобает православному человеку, в чем сейчас каюсь.

— Вот наша электроподстанция, — продолжал Виктор мое знакомство с «Жилплощадкой», — Нерабочая подстанция сейчас. Починят ее после очередной бомбежки, ровно 4 дня работает, затем снова укры раздолбают. Запитали поселок от городской линии, сейчас свет есть практически постоянно.

Слева и справа за окном автомобиля мелькали разрушенные дома, в современной обстановке это означало то, что хозяева выехали, и некому отремонтировать разруху.

За окном показалась непонятная, словно выросшая изпод земли низкая будочка с облупленными стенами. Это бомбоубежище, его строили одновременно с шахтой — единственное на поселке. Но как тут всем укрыться?

В бомбоубежище живут те, кому идти некуда, те, у кого дом разбомблен полностью и восстановлению не подлежит. Я спустилась по ступенькам вниз — пахнет сыростью, но в целом порядок и даже чувствуется желание достичь хоть какого подобия уюта — на столе пышный букет цветов в трехлитровой банке.

Старожилы бомбоубежища живут здесь уже несколько лет, некоторые вместе с детьми школьного возраста. «Удобства», приготовление пищи, стирка и сушка белья — во дворе. Там же место отдыха — лавочка из досок и столик, основанием, которого служит капсула от снаряда «Ураган».

— Нет работы, — жалуется парень лет 20.

— А профессия у тебя какая? — интересуюсь я. Парень только руками разводит.

Безработица, наряду с ежедневными обстрелами — еще одна печальная проблема в рабочем поселке.

Прибыльную, успешно работающую шахту «Трудовская» закрыли после того, как пришлось ВГСЧ (Военизированной горно-спасательным частям) выводить шахтеров на поверхность из обесточенной обстрелами шахты.

Малый бизнес с началом военных действий откочевал в центр Донецка. Ездить на работу в центральные районы проблематично, городской транспорт работает нерегулярно. Бабушкам «ахметовскую» гуманитарку отменили, новую не назначили. «Сепарам» Украина пенсии, заработанные тяжким трудом, не платит.

Вот и живут многие бабушки и дедушки поселка на пенсионное пособие ДНР в сумме 2600 руб. Выручает огорожина и фрукты, которые родит щедрая донецкая земля. Все, что уродилось на подворье, тащат на рынок в город, хоть какую-то живую копейку имеют.

— Я еще на свою пенсию сына кормлю. А что делать? Ему 45, работы нет, пособия ему не положены. Сейчас вроде нашел работу, третий день работает, — вздыхает Кирилловна.

Впрочем, по ее внешнему виду не скажешь, что она отчаялась.

— Я ведро компота из алычи наварила и ополченцам отнесла, — сказала она с задором. — Вот. — Кирилловна показала пустую ведерную бадью.

Нельзя сказать, что жизнь в поселке замерла. На улицах работают строители, они в основном восстанавливают социальные объекты и сильно разрушенные бомбежкой многоквартирные дома.

В конце улицы громко просигналила машина с бочкой в кузове.

— Молоко привезли?

— Да нет, это водовозка. Питьевую воду покупаем — 2 рубля литр. В кране часто вместо воды коричневая жидкость, ею только полы мыть.

Мы, наконец, достигли цели нашей поездки. Поселковый магазин, довольно большой для рабочего поселка, почти супермаркет, ошетинился баррикадой из автомобильных шин. Это совсем нелишняя предосторожность в прифронтовом поселке. Перед магазином небольшая площадь с пестрыми цветниками, справа от входа лавочки, тут уютно посидеть-отдохнуть.

Поселковый магазин — это всегда тусовка, где перетираются новости местного уровня, и досужие «политологи» с бутылкой пива в руках обсуждают события мирового масштаба. Люди приходят к магазину не столько чтобы закупить продукты, сколько пообщаться и повидаться со знакомыми, и ни одно происшествие не скроется от поселковой общественности.

В тот злополучный вечер на площадке перед магазином собралось человек тридцать, люди ожидали, когда разгрузят хлеб. Августовский жаркий день, 16 часов пополудни, ничто не предвещало беды.

Минометный огонь накрыл всю толпу сразу. Скорее всего возле магазина сработал радиомаячок. За несколько дней до этого мины тоже приземлялись недалеко от магазина — повидимому, пристреливали цель.

В августе 2014-го «охота» за социальными объектами была на пике боевых действий. Детские садики, школы, магазины, больницы целенаправленно подвергались обстрелам. Не знали жители поселка (не было у них опыта), что во время военных действий нужно категорически избегать мест массового скопления людей, не вошли они до конца в режим военных действий.

Под минометным огнем погибло около 20 человек. Точные данные массового убийства неизвестны, как неизвестно и количество раненых, которым повезло остаться живыми в этом кровавом месиве.

Тем временем моя спутница Светлана всё больше кипятилась:

— Вот говорят, «выезжайте, тут зона военных действий». А почему я должна уезжать? Я здесь живу! — с вызовом продолжала она. — Это мой дом, я здесь родилась и мне тут нравится жить, родина тут моя, понимаете? Или мне в центре Донецка квартиру с джакузи предоставят?

Виктора, который больше молчал, чем говорил, тоже пропало:

— Тут до войны было тихо, очень спокойно, воздух чистый. Просто санаторий. Я бы не смог жить в городе на этажах. Свой дом, откроешь дверь и выходишь в сад.

После минутного молчания он продолжил:

— Как можно после всего (бомбежек ВСУ. — Авт.) вернуться в Украину? Между нами кровь, ручьи крови. У меня собаку овчарку убили, друга моего убили. Когда начинались обстрелы, я пускал ее в дом, она в коридорчике спала, хорошая такая собака, умная, молодая совсем. Мина упала прямо на коридор. Вытаскивал ее вот этими руками всю окро-

вавленную с разорванным телом. Я им свою собаку и друга никогда не прощу.

Я слушала своих провожатых и еще раз задавала себе вопрос: «Зачем меня сюда пригласили и так подробно раскрывают жизнь в поселке?» Мы готовились к этой встрече, обдумывали, готовили речи, а теперь слова от спазма застревают в горле.

Что нужно этим людям? Им, мирным гражданским людям, нужен ответ на острый, для некоторых политиков весьма неудобный вопрос: «Когда закончится война под названием «минское перемирие?» Нужно им от других граждан понимание того, в каких условиях они живут, нужно чуть больше внимания, больше сочувствия, в конце концов, и гуманитарку возобновить совсем нелишне, ведь возможности зарабатывать в поселке меньше, чем в центре города. После 3,5 лет жизни под постоянными обстрелами многим нужна помощь психолога.

Жить в зоне ежедневного обстрела, когда редкое отсутствие минометных атак вызывает предчувствие: что-то тихо, наверное, наступление готовится... Быть постоянно в нервном напряжении, постоянно соображать на два шага вперед, где укрыться в случае обстрела. И при этих экстремальных обстоятельствах не терять своего человеческого достоинства — это сродни подвигу.

Люди, не бросившие свои дома, свое рабочее место, свой храм, как отец Александр, — это гражданская оборона поселка и надежный тыл ополчения, это тот весомый кирпичик, без которого не будет победы. Пусть эти слова будут признанием их силы духа, их борьбы за свою родину, их подвига наконец.

Немецкая оккупация Донбасса длилась с октября 1941 года до 7 сентября 1943 года, военные действия на Донбассе (или, как их называют, Третья мировая Донецкая) начались в апреле 2014 года и когда закончится — неизвестно. Но не сомневаюсь, что Донбасс победит, ибо другого пути не дано — только победа над киевской хунтой остановит войну на Донбассе.

СТАРУШКА В КУСТАХ

РАССКАЗ

Голова болела адски. С правой стороны. Приступ головной боли настиг меня на рабочем месте, когда я уже закончила проверку баланса одного из вверенных нашей бухгалтерии подразделений секретного НИИ. До сдачи годового отчета остались считанные дни, и все на нервах.

Я надела белый пуховик, зашла в кабинет нашей начальницы, сорокапятилетней гримзы Анны Ивановны:

— Я за лекарством и вернусь.

— На что люди идут, лишь бы не работать, — разозлилась Анна Ивановна. — У вас семь минут! Опоздаете — напишете административный за свой счет!

— Я быстро...

До аптеки было рукой подать. Я вышла на финишную прямую, когда услышала тихий голос из ниоткуда:

— Девушка, вы не могли бы мне помочь?

Остановилась на полушаге и стала озираться по сторонам. Справа лысые кусты сирени, слева гостиница, между ними дорога в грязных

ПРОЗА

лужах и два тротуара, рыжих от песка, которым их усердно посыпали всю зиму.

— Я отвлеку вас буквально на минуточку..

Голос звучал справа. Он принадлежал старушке. Старушка лежала в кустах сирени, в грязном сугробе, на животе, приподняв голову в вязаной шапочке.

— Вот, шла с почты, захотела время сэкономить. А тропинка скользкая. Пыталась встать — а руки не слушаются, — смиренным тоном объясняла старушка. — Вокруг никого. Решила подождать...

Сколько ей пришлось ждать, я уточнять не стала — место малолюдное даже в часы пик. Кое-как помогла старушке подняться. Ее лицо было в крови — посекала кожу о жесткую мартовскую корку снега. Достала из кармана влажные салфетки, стала отирать старушке лицо:

— Давайте я вас до дома провожу. А то еще навернетесь...

— Да я сама справлюсь, — попыталась отделаться от меня незнакомка. — Я вообще шустрая. Когда дорожки песком посыпаны...

— Ничего не знаю, — сварливо ответила я. — Опирайтесь на мою руку. И салфетку держите — крови много.

Старушка подумала и навалилась всей тяжестью на подставленную правую руку.

— Цены на ЖКУ видели? — спросила старушка. — Это кошмар, а не цены. Спрашивается, за что? Если подсчитать, сколько я плачу каждый месяц за жилье, то у меня в квартире должны быть золотые батареи.

— Золотые батареи непрактично, — возразила я.

— Я знаю, — высокомерно ответила старушка. — В прошлой жизни, когда я работала в нашем НИИ, занималась материаловедением, так что про золото и чугун я знаю больше любого сварщика из ЖРЭПа.

У меня таких знаний не было. Но было оправдание:

— У меня мама за ЖКХ платит.

— Не замужем, что ли? — удивилась старушка.

— А где мне мужа взять? Я ж бухгалтер. Во-он наша контора. Коллектив женский. Забыла, когда последний раз с мужчиной разговаривала...

— Мы пришли, — возвестила старушка, показав на двухэтажный деревянный дом. Такими весь район застроен. Дома прогнили, а капремонт жителям обещали через двадцать лет.

— Вам надо умыться, — посоветовала я. — А то вдруг порезы глубже, чем мне показалось.

— Варенья хотите? Я сейчас из подпола достану. Черничное? Земляничное? Абрикосовое?

— Не-е-ет... Меня с работы на несколько минут отпустили. Простите!

И задом, задом к тротуару. Как говорит моя подруга Татьяна, сделал доброе дело — уноси ноги, пока не догнали и добром не отплатили. Татьяна умная, она работает в суде. В архиве.

В аптеке, к счастью, я оказалась единственным покупателем. Назвала препарат, сунула в окошечко провизора пятисотенную. Но аптекарша вдруг сказала:

— Девушка, у вас куртка в крови!

— Это не моя. Это старушкина, — нечаянно ответила я.

Аптекарша слегка попятилась. Голос дрогнул:

— А не могли бы вы присесть на стульчик? Мне надо поискать ваше лекарство...

И исчезла в недрах аптеки.

Я присела. Посидела минут пять, чувствуя только адскую боль с правой стороны головы и от того раздражаясь.

Дверь аптеки открылась. Вошел полицейский, широкоформатный и неуклюжий. Посмотрел на меня внимательно, глаза сощурил:

— Документики предъявите, пожалуйста.

— Чего-о-о?

— Паспорт. Зональный пропуск. Медицинский полис. Что-нибудь, удостоверяющее вашу личность.

— Основание?

— А вы себя в зеркало видели? — хмыкнул полицейский.

— Документики предъявите, — потребовала я в ответ. — Представьтесь и объясните причину проверки документов.

— А вот хамить не надо. Хамить — это вы в дежурной части будете, если документы не предъявите.

— Минуточку! Я сейчас сделаю звонок, помощь друга называется...

Достала из кармана мобильный и набрала номер Татьяны. Она умная. Она выручит. Но вызов остался без ответа.

— Всё? Чип и Дейл не прилетят? — ехидно поинтересовался полицейский. — Где документы, гражданочка?!

Дверь аптеки снова открылась. Кто вошел — не видела, обзор загоразживал широкоформатный страж закона, будь он неладен.

— Тонечка, мне нужен пластырь телесного цвета, — сказал кто-то голосом старушки, которую я буквально десять минут назад оставила у дома почти в целости и почти в сохранности.

— Ой, Нина Юрьевна, что с вами? — воскликнула аптекарша.

— Такая история, Тонечка, совсем неловкая. Шла-шла и упала.

— Ай-ай-ай!

— А почему у вас в аптеке милиция? — полюбопытствовала старушка.

— ЧП у нас, Нина Юрьевна, ЧП, — трагическим голосом сообщила аптекарша. — Вот, девушка, вся в крови. Говорит, что кровь не ее, а старушкина!

Нина Юрьевна обошла полицейского, посмотрела, кто сидит на стульчике, и всплеснула руками:

— Ну, надо же! Товарищ милиционер, отпустите девушку! Это действительно не ее кровь! Это — моя!

— Простите? — обиделся полицейский.

— Я же говорю: шла по улице, упала, лицо разбила, а эта милая девушка отвела меня домой. Вот и перепачкалась. Какая жалость! Такая милая курточка! Да еще и белая!

— Ой, — аптекарша присела от неожиданности.

Полицейский внимательно посмотрел на меня, на старушку и повернулся к аптекарше и воскликнул ломким тенорком:

— Ма-ам! Я не мальчик по вызову! Надо мной уже вся рота смеется: каждую неделю преступление в аптеке!

— Мама? — с изумлением уточнила я.

— Саша?! — воскликнула старушка. — Тонечка, не может быть! Это твой сыночек?! Господи, я же тебя, мальчик, последний раз видела, когда ты в первый класс пошел! Как вырос! Как возмужал! Женат? Дети? Тонечка, ты посмотри на его растерянное лицо! Он совсем не помнит тетю Нину, которая угощала его конфетками. Саша, ты в детстве очень любил конфетки и так забавно их клянчил!

— Теперь он клянчит документы у посторонних девушек, — рассердилась я. — Саша, хотите конфетку?

— Не надо ему конфет! — возразила аптекарша. — Он и так толстый. Была бы жена — следила бы за его питанием. Жены нет, а я что могу? Он постоянно на службе, ему некогда нормально поесть: то драка, то наркотики, то кража. И где ему познакомиться с приличной девушкой?

— Ма-ам! — обиженно воскликнул полицейский.

— Тонечка, Сашенька, давайте отпустим эту милую девушку, — снова всплеснула руками старушка. — Она ни в чем, ни в чем не виновата! И ей очень надо на работу.

— Извините, — обиженно произнес полицейский и еще более обиженно шмыгнул носом. Как ребенок. — Можете идти.

— Спасибо!

Я встала со стульчика и пошла к дверям.

— А таблетки? — спросила в спину аптекарша.

— Вы знаете, а голова болеть перестала, — саркастично заметила я. — Теперь она просто идет кругом!

И от души хлопнула дверью.

На улице стояла полицейская машина, и в ней широко зевал напарник Саши. Он окинул меня скучающим взглядом, и глаза его округлились. Не от моей красоты — от моего перепачканного пуховика.

— Эй, девушка! — из аптеки следом вышел Саша. По-краснел почему-то и спросил тенорком: — Разрешите, мы вас на работу отвезем?

— Идите к черту..

— Вам в таком виде идти по улице нельзя. У вас куртка в крови..

Я махнула рукой и добровольно залезла на заднее сиденье патрульной машины:

— Тут ехать — три дома.

— Бухгалтером работаете? — спросил Саша. — Вот в том голубеньком доме..

— В том голубеньком сарае, — сварливо уточнила я.

— А как вас зовут?

— Вам зачем?

— Просто.., — засмутился Саша. — Вы понимаете, у нас же контингент.. Я с девушкой уже год не разговаривал.. Только с потерпевшими. И правонарушительницами.

— Вы что, ко мне подкатываете?!

— Я пытаюсь... э-э-э... быть любезным... И потом: вы работаете на вверенной мне территории..

Я сдалась:

— Наташа.

— Очень приятно, — сказал Саша, повернулся ко мне и бережно пожал кончики моих пальцев. — А вы во сколько работу заканчиваете?

— А это еще зачем?

— Мы бы вас домой отвезли. Вам в таком виде по улицам ходить не надо, — Саша окончательно смутился и покраснел. Как ребенок.

— В шесть, — сжалась я. — Собственно, мы приехали.

— До свидания, — пролепетал Саша. — До встречи..

Старая гримза Анна Ивановна стояла за своим рабочим столом и смотрела в окно, откуда хорошо было видно патрульную машину. У машины стоял Саша и взволнованно курил.

— Вы отсутствовали на работе тридцать две минуты, — сообщила мне Анна Ивановна. — Пишите администра-

тивный. Чтобы в расчетнике отразилась ваша качественная работа.

— С удовольствием, — сказала я.

— А почему у бухгалтерии дежурят полицейские? — рассердилась Анна Ивановна. — Что вы натворили? И почему у вас куртка в крови?

— Это не моя. Это старушкина...

Анна Ивановна осела в свое потрепанное кожаное кресло и стала судорожно глотать воздух. А Саша уже почти докурил. Я испугалась: он уедет, а мне его ждать двести семнадцать минут. Я не дожусь и умру. Поэтому полезла на подоконник кабинета начальницы, прямо по горшкам с каланхоэ, распахнула окно и закричала:

— Саша! Саша! Не уезжайте! Я сейчас! Административный напишу и выйду! Подождите, пожалуйста!!!

Саша бросил окурок в грязную лужу и широкоформатно улыбнулся.

У него были голубые глаза.

г. Саров Нижегородской обл.

МОЯ ЗЕМЛЯ

ЭССЕ

Наверное, у каждого человека есть дорогой сердцу уголок природы, как есть любимая книга, лучший друг. Я поняла только недавно, что такой уголок есть и у меня. Несчётное количество раз я бывала здесь, но не понимала, что это *моя* земля, моё самое любимое место на Земле. И вот, гуляя в очередной раз недалеко от своего посёлка перед поездкой в город, почувствовала, что мне не хочется уходить именно отсюда. А переплыв ангарский исток на пароме и дожидаясь маршрутку, смотрела неотрывно назад, на своё место, уже зная, что оно и только оно по-настоящему моё.

Мой уголок природы расположен между двумя байкальскими мысами вдоль Кругобайкальской железной дороги. Как бы холодно ни было, как бы сильно Байкал ни бушевал, здесь почти всё время тепло. Проходишь ветреный посёлок, минуешь мыс и оказываешься словно у Христа за пазухой. Будто попадаешь в другой мир, добрый, приветный, прогретый любовью, созданный только для тебя. И становится тепло-тепло, и крылья вырастают, и

ПРОЗА

понимаешь: вот оно, счастье. Притаилось оно между двумя живописными горами, уходящими в байкальские глубины. Здесь всегда хорошо, привольно дышится и думается. Тут радостно и светло в любое время года.

Люблю весной, в начале апреля, забраться на крутую горку и поздороваться с первыми подснежниками, совсем крохотными и слепыми. Байкальское всевидящее око ещё смотрит на мир через толстое стекло льда, а эти стойкие небалованные малыши уже потянулись к солнышку. А когда свои нравные ветры сломают рыхлый игольчатый лёд и откроется прозрачное дно, где виден каждый изумрудный камешек, все горы будут светить жёлтым подснежниковым солнышком, кострами багульника и жарков. Появится небесная синева колокольчиков и медуниц, расстелет природа свежие простынки белянок. И одарит это богатое разноцветье диких пчёл нектаром, сделают они большие запасы дикого вкуснейшего мёда.

Летом приходит время цветения розовых кукушкиных башмачков, жёлтых нежных лилий и красных, словно накрашенных яркой помадой, саранок. Эти редкие цветы, занесённые в Красную книгу, одевают в свои наряды горы от подножия до вершин. Лилии и саранки вольготно растут даже на крутых скалах. Байкальские растения не боятся крутизны и высоты. Много непокорных сосен как-то выживают на отвесных скалистых уступах и тянут игольчатые ветви к звёздам.

Осень зажигает лес волшебным золотым, янтарным, пурпурным, багряным пламенем. И вся земля, и густая синева неба полны драгоценностей, и они здесь для всех, чьё сердце откликается на красоту. Сжигая свою душу, животрепещет каждый листочек, каждая травинка. Можно часами стоять на одном месте, находясь под чарами осеннего огня, особенно когда Байкал спокоен и в воде чётко видно отражение гор. Озеро вбирает в себя, удваивает и дарит несказанную красоту. Кажется, что пленительные горы смотрят в синюю воду Байкала, как смотрятся в зеркало красавицы, и наглядеться на себя не могут.

Зимой можно уйти по льду от берега, миновав полосу аквамариновых торосов, представляющих нагромождения самой различной формы, и увидеть милую землю со стороны моря. Она, величаво лежащая под глубокими чистыми снегами, быстро уменьшается, удаляется. И хочется вернуться к ней поскорее.

В этих местах можно встретить разных животных и птиц. Иногда из глубины вынырнет подышать прелестное дитя Байкала — нерпа. Очень много здесь ворон. Они любят мол-

ча сидеть на одиноких высоких берёзах, растущих у берега. К сожалению, людям неизвестно, о чём, нахохлившись, размышляют чёрные мудрые птицы на белых русских деревьях... Однажды поздней весной группа молоденьких осинок, расположенных у самой воды, насквозь просвеченных солнцем, подарила мне встречу с двумя скрытными птицами — кукушками. Как-то раз на горке я видела убегающую лисицу.

Здесь, на моей земле, бьёт из-под горы ключик, не замерзающий и суровой зимой. Вода в нём всегда студёная, от неё ноют зубы даже летом. Строители железной дороги больше века назад обнесли его кирпичиками из горного камня. Каменная оправа ключика в целости и сохранности до сих пор. В радость подставлять ладошки или бутылку под холодную говорливую струйку и пить эту вкусную, полезную воду некипячёной. Воистину живая, целебная вода!

Общаясь с этой дорогой мне частичкой природы, я будто бы общаюсь с любимым другом. Здесь лечу душевные раны, нахожу ответы на сложные вопросы. Приятно неспешно идти по тропинке вдоль железной дороги или по шпалам (поезда здесь ходят очень редко и медленно), сидеть на красивом пляжике, чувствовать невидимые связи души с природой озера-моря, а через него со всем бескрайним Космосом, и наслаждаться безграничной благодатью и умиротворённостью, чего нельзя испытать в другом месте.

Я благодарна этой земле за то, что она есть!

РОЖДЕНИЕ ЛЕТНЕГО ДНЯ

Осторожно, бережно открывает свежее летнее утро байкальские картины. Справа, километрах в десяти от меня, мыс Толстый почти вертикально подпирает небеса своей сильной спиной. Над ним висит большая круглая бледнеющая луна. Немного выше угасающего ночного светила парят несколько крошечных невесомых облачков. Вершина Толстого уже встретила солнце и, окутанная праздничным флёром, радостно сверкает позолоченным гребнем. Слева, всего в километре, ангарский исток. Ангара занавешена туманом, невидима, неизвестна. Там, в её стороне, скоро совершится таинство рождения Нового дня. На другом берегу Байкала, над остроконечными горами Хамар-Дабана, которые отсюда кажутся крохотными, нежно горит розоватая младенческая дымка.

Глубокая чаша Байкала наполнена ласковой голубишной самых различных оттенков. А у берега вода темная, переливается оттенками старого золота, берегового песка. Берег ещё не

освещён солнцем, но уже его видят мысы, блестят от него просыпающиеся в порту теплоходы. Горы быстро преобразуются, их бархатная зелень жадно впитывает желтизну солнца.

Радостно зачирикал, увидев в вышине утренный солнечный свет, воробышек. Приветствуя светило, показались высоко в небе чайки. Откуда-то возникая, летят они, ещё сероватые, и оглашают тишину сонными неуверенными обрывистыми звуками. Вдруг раздаются голоса диких гусей. Чайки, сразу проснувшись, стремительно их атакуют, прогоняют и, немного покричав, опускаются на воду. Пришёл их новый трудовой рыбацкий день.

В посёлке, вспомнив про свои сторожевые обязанности, залаял пёс. Рассвет зажгёт розовым светом окна домов.

Осторожно, не спеша, величаво выплыло из-за горы солнышко, оживило, обласкало всю землю. Открыло двери утро. Началась жизнь. Пошёл через ангарские воды паром, освещённый солнцем. В лазурных небесах, празднично сверкая, полетел самолёт.

Всё в просыпающейся природе Байкала великолепно: свежо, чудесно, уютно! Сонные волночки заплескались тихо и нежно. Слегка заколыхались от дыхания воздуха травы.

Последние минуты Солнце и Луна ещё делят чашу озера на две половины. Одна, уменьшающаяся, бледнеет в предутренних красках, другая, стремительно увеличивающаяся, наполняется дневным ярким светом. Луна, почувствовав, что прихватила солнечное время, вместе с красивой лёгкою облачной свитой спускается за Толстый.

Исчезает Луна. Заканчивается двоевластие светил. С чистой байкальской воды, с небесной лазури начинается летний день, голубоглазый и ласковый.

ИЮЛЬСКИЙ ДЕНЁК НА БАЙКАЛЕ

Тёплое июльское утро незаметно переходит в погожий денёк. Природа настолько чудесна, что глаз не отвести. Горы — зелёно-жёлтые, манящие. Небо — лазурное, чистое, глубокое. Байкал — синий, спокойный, ласковый. Сонные крохотные волночки чуть слышно шепчутся с мягким бархатистым песком, легонько поглаживают его. Из-за ближней горы выглянули два белых пушистых облачка, но увидев, что им нет места в центре небесной синевы, так и застыли на месте, быстро подтаивая в ярких лучах.

Прошло весёлое время многих сибирских цветов, украшающих зелёные одежды полян и лесов. Но в разгаре лета мир

по-прежнему ярок и прекрасен. Наступило счастливое царство цветущих трав, влекущих к себе множество непуганых бабочек и шмелей.

Пышно расцвела большеголовая левзея, долгое время бывшая сереньким, грубым, непривлекательным растением. Теперь же с левзеей произошли сказочные перемены, она явила миру свою красу, её заросли сделали пространства вдоль побережья ярко-фиолетовыми. Левзея — превосходный лекарь. Её корнями исцеляются люди. К ней приходят за врачебной помощью олени, за что это высокое растение зовут ещё маральим корнем. Левзея надёжна, щедра, гостеприимна. Раскрывшиеся крупные головки, высоко сидящие на крепких ножках, стали излюбленными местами и стартовыми площадками для насекомых. Любят левзею и дикие пчёлы. Трудяги глубоко ныряют в жестковатую нежность цветка и, вкусив нектара, тяжело гудя, продолжают свой рабочий полёт. Спокойно уживаются с пчёлами и шмелями на головках марального корня бабочки. Некоторые из них, переступая с ворсинки на ворсинку, кружатся на цветке в медленном красивом танце. Кружатся бабочки, кружится голова от пьянящих ароматов, наполняющих воздух, которым дышать — не дышаться!

Июль на Байкале желтоглаз от многих «солнечных» трав, большая часть которых приходится на долю медового донника. Всё: деревья, травы, вода, небо — напиталось, насытилось теплом и светом. Всё млеет в немом блаженстве, благодарное лету.

Горные скалистые склоны так горячи, что больно ногам. Здесь розовыми букетами растут последние цветы лета — нежные гвоздики. На них любят отдыхать бабочки. Эти красавицы могут, подставив крылышки солнцу, подолгу сидеть на букете, сложенном самой природой из лесных гвоздик.

Всё больше припекает солнце. Скоро быть баньке. Байкальская солнечная баня — самая приятная, самая полезная. Жар вытапливает из организма всё застоявшееся, вредоносное. А Байкал в любую минуту готов принять, освежить, исцелить любого своей синей прохладой. Недалеко от берега то и дело выныривает нерпа, существо очаровательное, общительное. Она ждёт первых желающих поплавать с ней вместе. И совсем скоро ей не придётся скучать в одиночестве: охотников освежиться в Байкале найдётся немало. Ведь это ни с чем не сравнимое удовольствие. Какое блаженство, искупавшись, греться на песочке и смотреть в воду, до доньшка просвеченную золотом лучей! И любоваться нерпой, которая проводила тебя, как друга, почти до самого берега!

Хорошо на душе, отрадно. Ощущение полного счастья. Смотришь вокруг и понимаешь: вот они, райские земные кущи! Вот она, первозданная, лучшая в мире вода! Вот оно, счастье!

Есть дни, которые мы помним из-за событий, которые в них произошли. А ведь многие дни сами являются событиями. Как вот этот июльский денёк, дарящий воистину великие наслаждения. И так хочется, чтобы он длился, длился и длился! И благодарить Небо за такой роскошный подарок и за то, что у нас есть Байкал.

ВОЛШЕБНЫЕ КРАСКИ ЗАКАТА

Приятно наблюдать закат на горке, обрывающейся крутой скалой прямо в байкальские глубины. Внизу приветливо золотятся и подмигивают солнышку окна поселковых домиков. Вдалеке на водной глади видны похожие на искристые утюжки катера и лодки, оставляющие за собой клинообразные разбегающиеся следы. А недалеко от берега, блестя иллюминаторами, озаряя воду розовыми бликами, стоит большой белый теплоход, в предзакатном солнце ставший ещё белее. Светлое в эти минуты выглядит гораздо светлей, белое становится светящимся.

Солнце на прощание раздаёт себя всему существу по частичке, дарит про запас. Каждая былиночка, каждый листочек просвечены насквозь, они словно хотят насытиться солнышком впрок. Головки злаковых трав, совсем белёсые, тихонько покачиваются от дыхания ветерка, точно говорят светилу: «До свидания!.. До свидания!..» Чуть заметно машут солнцу и ветви берёз, ставших бирюзовыми.

Байкал тих и прекрасен. Вот на синей воде недалеко от берега появились две чёрные точки. Это дети озера нерпы вынырнули подышать и полюбоваться за закат. Вдруг точки увеличились, а потом разом исчезли. Это нерпы показали свои спинки и ушли в глубину, испугавшись идущего на них катера.

Близится минута расставания Солнца с Землёй. Северный мыс Берёзовый освещён до дерева, просто сияет. Южный мыс Толстый присмирел, нахмурился, весёлым остался только его гребень. Над ним позолоченными пёрышками замерли облачка. Всё ярче и ярче зажигаются края пёрышек, всё чудесней их светящийся ореол. А со стороны солнца облака совсем дневные, белейшие. Небесная перина взбита искусным мастером до легчайшего пуха.

Открылись взору и дальние горы на противоположной стороне Байкала. Днём еле различимые, высветились они полнотью, от подножия до вершин. Небеса над ними загораются золотым румянцем, в котором розовеет цепочка маленьких кругленьких облаков, похожих на бусинки. Далеко над Байкалом зависла дождевая тучка. Уходящее солнце окрасило её длинные тонкие нити в золотисто-оранжевый цвет. Кажется, это богиня, любуясь на закат, распустила перед сном свои прекрасные небесные волосы.

Всё вокруг озарено великой космической подсветкой, которая удивительно быстро меняет краски не только неба, но и озера. Вода у южного берега плавится блестящим свинцом, ближе к северу наполнена густой синевой, а вдали ласкает глаз небесной голубизной, и если бы не черта гор, разделяющих воду и небо, они слились бы воедино в величайшей гармонии. Ближе к закату чаша Байкала начинает золотиться и румяниться, переливаться нежными яркими красками.

В душе природы наступает полная умиротворённость. Горячая звезда, остывая, смотрит на землю любящим оком и всё ниже опускается в тёмные прохладные верхушки деревьев. Напоследок дружным ярким пламенем разгораются небо и вода. Но живой огонь быстро тает и заменяется мертвенной бледностью. Гаснет вечерний салют во славу Неба и Земли. Исчезает самая реальная сказка ещё одного неповторимого заката, нарисованного невидимым художником, который, к сожалению, не хранит свои холсты. Но волшебные переливы и перетекания остаются в сердце. Очарованная вечерним фейерверком, благодарная уходящему дню, погружается в сон природа.

ЛУННОЕ ЦАРСТВО

Отгорел августовский байкальский день, отзолотилось предосеннее солнце. Уставшее, довольное своей работой, медленно погрузилось оно в лесную горную прохладу отдохнуть и набраться сил. Повеял невидимыми крылами ветерок. Чуть заколыхались потемневшие былинки. Заплескались, зашептали что-то берегу маленькие ласковые волны. Быстро стемнело. Нахмурились и почернели далёкие горы на противоположной стороне Байкала. Но вот неспешно выступила из-за высокой горы царица ночи Луна и медленно поплыла над озером, купаясь в его свежести. Всё на земле, уже почти исчезнувшее, растворившееся во тьме, вернулось на свои места. Леса, берег, воду — всё Луна облекла в неземные безучас-

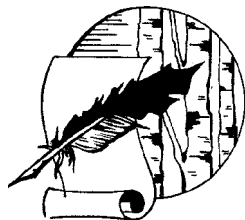
тно-сияющие краски, наделила загадочностью и непостижимостью. Она словно достала из сакральных закровов старое золото и облила тусклым жёлтым сиянием немалую часть неба рядом с собой, и тем самым очертила царственный круг, обособила своё пространство на небесах от других светил. Ни одна звёздочка не смеет приближаться к лунному свечению. Все они тускло мерцают поодаль, в тёмных уголках неба. Только ветки старого осокоря смогли дотянуться до лунного ореола и в тихой нежности гладят призрачную небесную красавицу. Попала в её притягательное блистание и замерла в нём стайка облачков, похожих на дымок, волнисто застывший на хмуром небе.

Через всё озеро перекинула царица широкий позолоченный мост, начинающийся у самого берега бегущими золотящимися волнами-ступеньками. От нескольких прибрежных мокрых валунов до другого далёкого невидимого берега кипит лунная дорога, манит жёлтой переливающейся позолотой. Мост ведёт туда, где днём видны дальние синие горы, а сейчас на их месте чернеет длинная узкая полоска, которая кажется гранью между миром земным, привычным, и другим, неведомым, скрытым от человеческих глаз. И, кажется, сейчас легко перейти эту грань, пройдя по золотой бегущей дорожке. Для кого проложила Луна этот царский серебряный мост? Кому суждено этой ночью пойти по нему в полный ночной прелести лунный мир? И что ждёт в неведомых пределах того, кто отправится по водному красавцу-мосту?..

Бесконечно долго можно глядеть на искрящуюся лунную дорожку, вбирая её свет, немея от восхищения. Несёт Луна байкальской волной жидкое своё золото, и с ним сами собой появляются думы. Мысли при слепящем солнце и тусклом сиянии Луны различны, как день и ночь. Солнце опускает нас на Землю, Луна от неё уводит. Ночью живёт, смотрит на нас и дышит свежестью Космос. Лунной светлой порой больше думается о смысле всего сущего, о тайнах Земли и дальних миров, о бренности и вечности жизни. Острее становится чувство одиночества и вместе с тем единения со всей Вселенной. Ночью «звезда с звездой говорит», душа — с душою...

Быстро, как в волшебном сне, проходит время лунного царствия. Меркнут звёзды. Гаснет волшебный мост. Скрывается Луна за спящей горой. Уходит царица, чернеет небо. Утихают всплески огорчённой потускневшей воды, жалеющей ушедшую красоту.

г. Иркутск

Сергей ПОТЕХИН

Есть в Галичском районе Костромской области село Кострома. В нём и родился поэт Сергей Потехин 14 июня 1951 года. В тех местах живет и по сей день. Тяжко живёт, один, на хуторе. Только недавно провели ему электричество. Об этом написала мне поэтесса Елена Балашова из Чухломы и бандерольку прислала с двумя книгами Сергея.

«После школы встал вопрос: куда податься? — пишет Потехин в автобиографии. — «Не будешь учиться — пойдешь в пастухи» — таков был основной рефрен всех учительских нравочений. И напорочили. После полугодового пребывания в стенах Галичского педучилища (брошено добровольно и вполне осознанно) двадцать лет отдано уходу за колхозным крупно- и мелкорогатым скотом».

Нет, совсем не из-за экзотики (поэт-пастух!) обратил в своё время внимание на него известный критик Игорь Дедков и взялся редактировать первую книжку. Потом выходили другие, были публикации в центральных изданиях. И даже известность пришла. А жизнь была разная: талант ведь русскому человеку, как правило, даётся в сочетании с известным пороком. Но настало совсем уж худое время, когда и поэты, и пастухи оказались не нужны. Сергей Потехин надолго потерялся из виду. Так что сегодня мы открываем самобытного стихотворца (а он ещё и скульптор!) как бы заново.

Виктор Кирюшин,

поэт, заслуженный работник культуры РФ

ЕСТЬ И В БОЛИ СЧАСТЬЯ ДОЛЯ

* * *

Кто из нас не терял головы,
Ослеплённый таинственным светом?
Но попробуй тот свет улови,
Даже если родился поэтом.
Воссиял, закружил и померк,
Воротились постылые будни.

Замедляется времени бег,
Продолжаются козни и плутни.
Наказаньем становится сон
Для души воспалённой и ждущей.
Не забудешь, как был потрясён
Дивной музыкой, с неба идущей.
Вдруг проснёшься в холодном поту,
Ощувив нестерпимость желанья
Бросить всё и ступить за черту,
В даль, откуда исходит сиянье.

* * *

Есть и в боли счастья доля.
Дело вовсе не в тоске.
Довелось по доброй воле
Повисеть на волоске.
Наплыла на солнце туча.
Завилась тропа в клубок.
И твоя звезда падуча,
Сизокрылый голубок.
Полетали — и довольно.
Мир оборванной струне.
За себя не так уж больно —
За других больнее мне.

* * *

Отец пришёл с войны живой,
Не ранен, без медали,
И только в том передовой,
Что с матерью скандалит.
Одеколон как воду пьёт,
Для дела не годится,
Друзей по пьянке лихо бьёт
И тюрем не боится.
Всё для него уже в былом:
Любовь, семья, работа...
Лежит в болоте за Днепром
Его штрафная рота.

* * *

Добрая да красивая,
Скромная да несмелая,
Речка моя ты синяя,
Вишня моя ты белая.

Месяц тобой любит,ся,
Звёздам улыбка нравится.
Петь бы тебе, не хмуриться,
Цвeсть бы тебе, не стариться.

Быстро весна кончается...
Было бы лето славное!
Рано тебе печалиться,
Рано рыдать, желанная.

Что я один не сделаю,
Сможет любовь всесильная.
Вишня моя ты белая,
Речка моя ты синяя.

* * *

В час прощанья попросим прощенья:
Друг у друга мы оба в долгу.
И какое имеет значенье
То, что я без тебя не могу?

Слишком гордых удача не любит.
Остальное почти ни при чём.
«Мы чужие, мы разные люди» —
Я в глазах твоих строгих прочёл.

Ты рукою махнёшь и уедешь,
Ты уедешь, куда позовут...
А в лесу нашем только медведи,
Да и то неохотно живут.

Обманусь: мол, прошло увлеченье,
Над самим же собой посмеюсь.
И какое имеет значенье
Эта тихая с горечью грусть?..

* * *

Обещала навещать —
Вот и навестила:
Вместо чаю натошак
Щами угостила.

Постирала, подмела,
Вынесла помои,

На шубёнку натрясла
Нафталин от моли.

Полила в горшке герань,
Вымыла посуду..
Красота — куда ни глянь,
Чистота повсюду.

Попивая чай, не раз
После поминал я:
Эх, была б жива сейчас
Бабка Полинарья!..

* * *

С колеи своей
Не сворачивай.
Лучше репу сей,
Лук выращивай.

Репа в горький час —
Блюдо лакомо.
Да и лук у нас
Не про всякого.

Тыква с брюквою —
Тоже овощи.
Не захрюкаю,
Клича помощи.

Эх вы, грядочки
Огуречные!
Цены в лавочке
Бессердечные.

Всех замучила
Власть народная.
Плачет чучело
Огородное.

* * *

Обрушиться грозится потолок.
Вздыхает крыша, требуя соломы.
Прекрасно видно запад и восток
Через её глазастые проёмы.

Бормочут люди:
«Чокнулся, чудак!»
И докторша с пристрастием допросила.
Влечёт меня частенько на чердак
Какая-то неведомая сила.

Худая крыша, право, не беда.
Труба черна, как чёртовы чернила.
В одной прорехе вспыхнула звезда,
В другой зарница небо озарила.

До самых окон высится сумёт.
Трясёт хибару тяжкая простуда.
Любой прохожий сразу же поймёт,
Что в ней живёт гороховое чудо.

Заботиться о кровле недосуг:
Хозяин громко песни распевает.
Стоит избёнка окнами на юг
И солнышко её не забывает.

* * *

Черёмуха цветёт —
Отрадная картина.
Живу который год,
Как после карантина.

Гляжу на белый свет,
Ладонями касаюсь.
А есть он или нет,
Поверить опасуюсь.

На лавочку присесть
В благоуханье сада —
Да разве выше есть
Блаженному награда?

* * *

Что обещано,
то подарено.
Третий раз прокричал петух.
Извините меня, сударыня.
Не случайно огонь потух.

Беспощадно
чадили головни,
Никакого от них тепла.
Мы посыпали пеплом головы,
И угарная ночь прошла.

Вы не преданы
и не брошены,
Благородная госпожа.
Не задержится
гость непрошенный
У каретного гаража.

Ничего ещё не потеряно.
Лапти новые,
а не жмут.
Запрягаю в телегу мерина,
Помогите надеть хомут.

* * *

От волос твоих сиянье,
Как у праведниц в раю.
Отпусти на покаянье
Душу грешную мою.
Не сверли меня глазами,
Не пытай, за что люблю.
Крокодильими слезами
Твой венец не окроплю.
У какого мне престола
Шляпу с перьями ломать,
Если самого простого
Ты не хочешь понимать?
Бесконечных мук и пыток
Не смогу перенести.
Эх, рога мои, копыта!
Ах ты, господи прости!

* * *

Я не бледный цветок подземелья,
Грело солнце мои лепестки.
Было всё: куражи и похмелье.
Жизнь текла в обрамленье тоски.

Боль светла. За тоскливые ноты
Не привяжут с позором к столбу.
Не строчат у меня пулемёты.
Я — приятель гнилому грибу.
Слышу голос обиженной мухи,
Комара боевитый сигнал.
Но, друзья, это выдумки-слухи:
Я и мух не особо гонял.
Не гонялся за синею птицей,
Прилетела сама на крыльцо.
Целовал, называя сестрицей,
А она не узнала в лицо.
Слёзы выплакал, глазоньки сухи.
Душу выплеснул в эти стихи.
Но куда её злобные духи
Волокут? За какие грехи?

* * *

А земля ещё крутится...
Погоди, не грусти.
Мне мешает распутица
До тебя добрести.

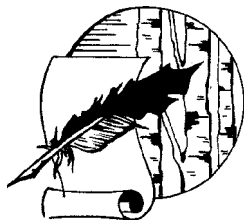
Непогожа-погодушка,
Хуже — век не была...
Подари мне, лебёдушка,
Хоть перо из крыла.

Кто печалью не делится,
Тот и в радости глух.
Снова под ноги стелется
Серый галочий пух.

От его изобилия
Стали серыми дни.
И тебя, моя милая,
Закружили они.

Но мне, грешнику, верится,
Что придёт к нам тепло!
Ведь земля ещё вертится
Непогоде назло.

с. Кострома Костромской обл.

Татьяна КРЫГИНА

БЕГУ ПО ДЕТСТВУ СВОЕМУ

* * *

Лик спасительный освечу —
Я о ней в тишине молчу.

Когда угли в печи ворошу —
Я дыханьем её дышу.

Птичьим клёкотом по весне
Бьётся сердце её во мне.

Словно таинство древних книг,
Мне дарован её язык.

Им рифмую в душе следы —
Знаки каждой её беды.

И весенней водой — в жнивье —
Я однажды уйду в неё.

* * *

Какою весомой должна быть причина,
Чтоб хлынули, как камнепады, стихи...
Уходит не просто, уходит мужчина,
Не взяв на дорогу с собой ни строки.
А сердце три дня —
в иступлённом молчанье,
Ещё не прознав очертанья беды,
Рукам беспокойным молчит о прощанье,
И те доливают в заварник воды.

И штору у края окна отодвинув,
Без смысла меж чашками станут бродить...
Зачем ты, зачем ты меня не покинул,
Ведь я же велела тебе уходить?
На теле твоём — отпечатки чужие,
В душе беспросветно тревожится ложь.
Но даже потоки твердят дождевые,
О том, что ты здесь и не скоро уйдёшь.
Я б перемолчала... И снова простила,
Призрев немудрящее наше жильё.
Но лишь о любви я тебя не просила.
Молчи о любви — ты не знаешь её.

* * *

А я живу с деревней,
Делю с ней глад и мыт,
Её порядок древний
И деревянный быт,
Её простые нравы,
Убранство без прикрас,
Где всё — не для забавы
И всё — не на показ.
Пускай из всех деревьёв
Осталась только треть —
Не дай своей деревне
Иссякнуть и истлеть.
Зря о добре порочно
Толкует вороньё —
Упрись корнями в почву
И не ступи с неё.

* * *

Весь сквозной — заборец шаткий,
Но видать вокруг,
Как ветшают снега латки
И темнеет луг.
Как вода русалкой бьётся
В хрупких колеях,
И горит пожаром солнце
В дальних тополях.

Как судачат две соседки,
Чей петух бойчей,
Как бегут гурьбою детки —
Дождались грачей.
А, даст Бог, забор отладим.
Только как тогда
Нам увидеть, Христа ради,
Как бежит вода?
Кто тогда, скажи, богаче,
Тот ли, что сокрыт
И заборчиком незрячим
На весну глядит?

* * *

Песню, как летели гуси,
Он любил.
Уходил на фронт — вернуса, —
Говорил.
Был в бою задет осколком —
Медсанбат.
Два денька побывки только
И — назад.
Сердце бьёт, как в рельсы поезд, —
Не уснуть.
Лишь взглянуть и, успокоясь,
На войну.
«Летят утки, летят гуси...»
Снег до крыш.
— Здравствуй, жёнка, я — вернулся,
Что молчишь?
Два сынка — головки горьки.
Тих погост.
Два денька побывки только —
Не до слёз.
Свёл сынков зазнобе прежней.
Та — вдова,
Чтоб жила опять в надежде,
Чтоб ждала.
«Мой милёнок, где ж ты, где ты?» —
Пусть поёт.
Он вернётся. До Победы —
Только год.

* * *

Когда февраль завьюжит посильней,
Ко мне войдут без стука и без страха
Мой друг, когда-то живший на Земле,
И верно мне служившая собака.
И будет тлеть очаг, что я зажёл.
Мне это стало делом ежедневным.
Скажу я: друг, спасибо, что зашёл,
А то бы разминулись непременно.
Мой старый пёс согреется у ног
Под шепоток почти сгоревших сучьев...
Спрошу у друга: как тогда ты мог?
А он смутится: так — несчастный случай.
И будет снег стоять глухой стеной.
Он не любил его нездешний танец.
Помедлит после: может быть, — со мной?
Я оглянусь и, всё-таки, останусь.
Ещё мне нужно что-то досказать
И научиться греть об угли душу...
Пёс станет мне мою ладонь лизать,
Он всё поймёт — он был всегда послушен.
Наутро воздух призрачен и тих,
Как будто ангел утешал и нежил
Двух невесомых путников моих
И укрывал следы покоем снежным...

БАРАК

Он был сродни всем временным строениям,
Что делались на срок, но честно и с умом.
Одной стеной пришит к заводууправленью,
Но к заводским стенам развёрнут был лицом.
И сколько рабочих в его вместились душу,
Лишь ордер получив, с баулом и узлом.
И каждый внёс в него наследную подушку,
И каждый часть себя оставил после в нём.
Над домом тополь рос. Могучими перстами
Он в небо возносил гнездовья вешних птиц.
Здесь гвалт стоял и шум, когда они слетались,
Здесь радость от весны не ведала границ.
Топорщилась слегка роскошная болонья —
Как мимо окон шёл парада долгий строй,
А вечером всегда играли на гармонии
И кто-то песню пел лукаво и пестро.

Зачем-то я сюда переносусь ночами.
Наверно, чтоб узнать скрип стареньких досок,
И что, спустя года, дом светлый, беспечальный,
И тополь жив еще — и молод, и высок.
Здесь стал потом пустырь, базар, и снова — пусто.
Ах, можно ль этот фильм перемотать назад?
Где слышен звон кастрюль и вечен дух капустный,
И керогазы как полковники стоят.
Там варится белье и пахнет грубым мылом...
Взбежать и, проскользнув в прохладное нутро,
Пристыженною встать хозяйкою сварливой,
Случайно расплескав впотьмах ее ведро...
Вот дался ж этот дом? Ах это просто детство
Меня зовет, зовет, чем дальше, тем сильнее.
Вернуться бы в него, о стены отогреться,
Оклеиться о почки тополей.
Взбежать в сквозной подъезд из тополиной вьюги.
Жильцы кричат. О чём — с разбега не пойму.
Здесь всё еще живет за ним моя подруга.
Я к ней опять бегу по детству своему.

п. Пены Курской обл.

«ЕСТЬ У РЕВОЛЮЦИИ НАЧАЛО...»

В XIX веке Федор Иванович Тютчев написал: «В мире есть две силы — Россия и Революция». Слова Тютчева подтверждал сам Карл Маркс, который писал: «Пока существует русский царизм, победа революции невозможна».

Российская империя погибла в феврале 1917 г. Но можно утверждать, что и через сто лет в мире продолжается непримиримое противостояние между Россией и Революцией. Только революция сегодня называется по-иному — «процессы мировой глобализации».

Столетие прошло с весны 1917-го, когда нашему народу пришлось пережить трагедию крушения Российской империи. Но в последние годы мы часто из уст политиков слышим слова, больше похожие на заклинание: «Россия исчерпала лимит на революции». Другие политики предрекают неминуемые социальные потрясения, которые «сметут нынешний режим». А наши «закеанские друзья» и не думают скрывать, что официально выделяют миллиарды долларов, чтобы вернуть Россию «на путь демократии», по которому российские либералы ввели стра-

судьбах тех миллионов сограждан, которые не сумеют «вписаться в рынок», или о российских пенсионерах? Что значит жизнь миллионов людей по сравнению с необходимостью «демократических преобразований» и «рыночных реформ»? Настоящие «верные ленинцы». Неслучайно большинство деятелей «августовской революции» и будущих российских олигархов прошли школу райкомов и обкомов комсомола и различных партийных изданий. От «коллективного Керенского» российским «демократам» досталось строгое послушание старшим братьям по сообществу «вольных каменщиков». И не за страх, а за «совесть» они принялись обслуживать интересы «цивилизованных» стран Запада. Точно так же, как в свое время делали министры масонского Временного правительства.

Режим, установленный либералами после 1991 г., воплощал всё худшее, что принесла революция 1917 года. Большевицкая жестокость в проведении «рыночных реформ», но уже не ради индустриализации страны и строительства социализма, а ради уничтожения промышленного потенциала, науки и образования и превращения страны в «сырьевую колонию» Запада нанесла России неисчислимый ущерб. К счастью, ушла в прошлое «kozyревская» дипломатия, и Россия вернула себе статус великой державы. Очевидны успехи внешней политики, достигнутые усилиями Владимира Путина, Сергея Лаврова, покойного Виталия Чуркина, убитого Андрея Карлова и других российских дипломатов, и, конечно же, отвагой, мужеством и доблестной умелой боевой работой российских воинов, начиная с «принуждения к миру» Грузии, во время операции в Сирии, в других очагах напряженности.

Но внутреннее положение в стране дает немало оснований для тревоги. Мы обязаны сделать выводы из событий столетней давности и навсегда исключить возможность «цветных революций», подобных февралю 1917 г.

«Великая бескровная», она же первая «цветная»

Думаю, никто уже не сомневается в том, что «великая, бескровная Февральская революция» и была самой настоящей первой «цветной». Мы были свидетелями августа 1991 г. в Москве, череды подобных «цветных» революций в государствах, образовавшихся после развала Советского Союза, наблюдали «арабскую весну». Очевидно, что все эти «демократические» и «народные» революции осуществляются по одному сценарию. Используются одни и те же технологии, естественно, с поправкой на технический прогресс — появилось телевидение, интернет.

Удивительно напоминают младшие научные сотрудники и бывшие комсомольские работники, все эти явлинские, бурбулисы и прочие «великие деятели «августовской революции» 1991 г. таких же присяжных поверенных и адвокатов, внезапно вознесенных на гребень революционной волны в феврале 1917-го.

Но и с «пламенными революционерами», прибывшими с Троцким из США, у демократов 1991 г. поразительное сходство. «Комиссары в пыльных шлемах» организовали «экспроприацию экспроприаторов», в результате которой с помощью разных хаммеров и прочих «гешефтмахеров» переправляли на Запад сокровища из разграбленной России. После 1917-го все ресурсы отдали в концессию иностранным компаниям. Прекратил политику разграбления страны иностранными компаниями Сталин. Началась индустриализация, которая стоила народу огромных жертв, но во второй половине XX века Советский Союз являлся одной из двух мировых сверхдержав, обладал самой передовой наукой и мощной промышленностью.

После «демократической революции» августа 1991 г. вновь произошла «экспроприация». Но «экспроприировали» уже государственную собственность, которая продавалась за бесценок иностранцам. Или же доставалась тем российским олигархам, которых «мировой интернационал ростовщиков» назначил на роль управляющих ресурсами разгромленного Советского Союза. Вновь на Запад потоком потекли природные ресурсы и деньги из страны, разграбленной второй раз за XX столетие.

Очень хочется надеяться, что после 1991 года у нашего народа должно выработаться стойкое отвращение к самому слову «революция». Какая бы она ни была — «буржуазная», «пролетарская», «олигархическая» или «демократическая», любых цветов, под любыми лозунгами. Провал «болота» в 2012-м вселяет надежду на то, что определенный иммунитет у народа выработался. Тем более перед нами наглядный пример — Украина после киевского «майдана». Но всё же опасность революционных потрясений существует, поэтому необходимо еще раз внимательно задуматься о трагических событиях 100-летней давности, которые привели к гибели Российской империи.

Революция и «цивилизация Шарли»

Либералы утверждают, что сто лет назад, в феврале 17-го Россия получила счастливый шанс стать «нормальной», «де-

мократической», «европейской» страной, но «архаичный» «темный» народ пошел за большевиками, разогнавшими Учредительное собрание, и это закончилось страшной катастрофой. Из коммунистического лагеря звучат слова о том, что в Октябре народные массы свергли власть эксплуататорских классов и стали «своею собственной рукой» строить счастливое будущее для всего человечества.

Для православных христиан явно видимо действие в истории Промысла Божия о человечестве и судьбе отдельных народов. История творится не случайным столкновением стихийных сил, классовой борьбой, противостоянием различных экономических систем или же волей политических лидеров. Конечно же, мы видим, как различные страны и народы преследуют свои геополитические и экономические интересы и какое влияние оказывают выдающиеся личности на те или иные исторические события. Но, несомненно, жизнь христианских народов зависит прежде всего от их духовного состояния, от следования Евангелию.

В 1917 г. рухнула не только Российская империя, но и Австро-Венгерская, и Германская, и Османская империя. А борьба с Церковью Христовой продолжалась весь XX век.

Победа революции и торжество идеалов «свободы, равенства, братства» привели к «постхристианской» Европе. На месте Европы «священных камней» и христианских народов возникла «цивилизация Шарли», основы которой заложили якобинцы, посадившие блудницу на престол собора Парижской Богоматери и методично уничтожавшие мощи христианских святых. Зверства якобинцев, гильотина, ужасы гражданской войны в России, бомбардировка Хиросимы, жертвы Треблинки, Освенцима и Гулага являются следствием т.н. «Великой Французской революции», как и парады содомитов на улицах европейских столиц, эфтаназия, ювеналка, «родители №1 и №2».

В России гонения на Церковь и преступления богоборцев принято возлагать на большевиков. Хотя за то короткое время, пока они пребывали у власти, февралисты успели показать свое отношение к Православной Церкви. Возможно, если бы страна осталась под властью «февралистов», храмы бы не взрывали, но Церковь постарались бы реформировать, а Россию «успешно интегрировать» в «цивилизацию Шарли». Неслучайно российские либералы так старательно проталкивают в нашу жизнь ювенальную юстицию, парады содомитов и другие «достижения» постхристианской Европы.

Мы видим, как сегодня на антицерковных мероприятиях, протестуя против «засилья клерикалов», строительства хра-

мов и попыток ввести в школах Основы Православной культуры дружно выступают февралисты-«яблочники» и «верные ленинцы» из КПРФ. Вот уж действительно, «есть у революции начало, нет у революции конца». Буржуазная «великая и бескровная февральская», как и пролетарская «великая октябрьская» были единой богоборческой революцией, направленной против исторической России и Церкви Христовой.

«Проклятые либералы погубят Россию»

Для православного человека совершенно ясно, что причиной крушения Российской империи и страшных бедствий, обрушившихся на страну, является потеря веры в Бога значительной частью русских людей. О грядущей страшной катастрофе в случае, если народ будет отступать от Бога и доверять обещаниям богоборцев построить «рай на земле», в XIX веке предупреждали многие русские святые. В начале XX века святой праведный Иоанн Кронштадтский бил в набат, призывая русских людей одуматься и принести покаяние в грехах, хранить верность Богу и Помазаннику Божию — православному царю. Иначе, по словам всероссийского пастыря и чудотворца, Россию ожидает мор, голод и братоубийственная война. Духовные причины русской катастрофы нам понятны.

Думаю, что катастрофа — это наиболее точное определение революции 1917 г. Как иначе назвать события, которые привели к гибели Российской державы, страшной и кровавой Гражданской войне, во время которой брат убивал брата, сын сражался с отцом, сотни тысяч людей умирали от голода и тифа, тысячи невинных людей брали в заложники и истребляли в чрезвычайках только потому, что принадлежали к «реакционным классам», карательные отряды «красных» и «белых» вешали и расстреливали людей и разоряли села. Разруха, голод, эпидемии, миллионы погибших, миллионы русских людей, оказавшихся на чужбине, — разве это не катастрофа для народа?

В СССР в трагедии Гражданской войны и разорении страны обвиняли «эксплуататорские классы», которые стремились вернуть «власть помещиков и буржуев» и закабалить «трудовой народ». После 1991 г. усилиями различных сванидзе и млечиных народ убеждали, что во всем виноваты злодеи-большевики, погубившие в России нарождающуюся демократию и направившие страну на тупиковый путь развития. Нам пытались навязать мысль, что весь советский период — «черная дыра» русской истории, что мы безнадеж-

но отстали от «цивилизованных стран» и должны каяться за свое «тоталитарное прошлое». Чтобы стать наконец-то «нормальной страной», мы, как прилежные ученики, должны строить жизнь по советам западных наставников и навсегда отказать от «имперского прошлого» и «имперских амбиций».

Но жизнь расставила всё по своим местам. Сегодня российские либералы оказались по одну сторону баррикад с бандеровцами и самыми отъявленными русофобами всех мастей. Они призывают вернуть Крым и на любых условиях прийти с повинной к странам «цивилизованного мира». Прав был Федор Михайлович Достоевский, предупреждавший, что именно «проклятые либералы погубят Россию». И действительно, либералы чуть было не погубили страну и в 1917-м и в 1991-м.

«Прогрессивная интеллигенция» продолжала безумствовать

Сегодня можно утверждать, что разрушили Российскую империю и ввергли страну в катастрофу именно февраллисты — думцы, состоявшие в масонских ложах и представлявшие интересы крупной буржуазии, изменники-генералы — члены «военной ложи», фактически арестовавшие своего Государя и Верховного Главнокомандующего, которому присягали, целуя Крест и Евангелие, банкиры, олигархи-промышленники, которым казалось, что Царь мешает им получать сверхприбыли, а потому «отсталое самодержавие» — это «препятствие на пути развития страны». Катастрофу готовила вся «прогрессивная интеллигенция», что презрительно именовала русских людей, верных Престолу, «царистами», «охотнорядцами» и «царскими опричниками». Эта «прогрессивная интеллигенция» грезила грядущим «небом в алмазах», проклинала «азиатский деспотизм» и «отсталое самодержавие». С большим презрением «прогрессивная интеллигенция» относилась к Православной Церкви, «невежественным попам» и «суевериям темного народа», при этом увлекаясь то учением графа Толстого, то доктора Штайнера, то старательно гоня блюдозе на сеансах спиритизма.

Именно эта публика и несет главную вину за то, что произошло со страной. Именно к ним обращался святой Иоанн Кронштадтский: *«Перестань безумствовать! Довольно! Довольно пить горькую, полную яда чашу — и вам, и России!»*

Но виновны и те священники и архиереи, которые перестали понимать, что Православный Царь является «внешним епископом» Церкви Христовой, отступили от святоотеческого учения о симфонии Церкви и Царства. Православный

Царь ограждал Церковь от натиска богоборческих сил. Члены Священного Синода, отказавшись обратиться к народу и выступить в защиту Царя, приветствуя «благоверное» Временное правительство и «наступившую эру свободы», очень скоро убедились, что несет эта «свобода» христианам. Заметим, что наступление богоборцев на Церковь началось сразу же после февраля 17-го. А «светлое будущее», за которое боролась «прогрессивная интеллигенция» после падения Самодержавия, обернулась кровавым ужасом Гражданской войны.

«Баре скинули Царя, чтобы самим править»

Мы знаем, какую роль в т.н. «Великой русской революции» играли внешние силы. На деньги Варбургов и Шифов совершались революции 1905-го и 1917 года. «Мировой интернационал ростовщиков» открыто объявил Царской России войну не на жизнь, а на смерть. Пароход с Троцким и компанией, «пломбированный вагон» с Лениным и компанией. Для справедливости отметим, что «пломбированный вагон» германцы отправили после того, как в феврале успешно состоялась «Великая и бескровная». Известно, какую роль играли спецслужбы «верных союзников» по Антанте в успехе заговора масонов-февралистов, как английский посол Бьюкенен курировал действия заговорщиков. Можно утверждать, что внешнее воздействие оказало решающее влияние на трагическое развитие событий в России весной 1917 года.

Но как верно написал очевидец революции, выдающийся русский военный историк Антон Антонович Керсновский: *«Интриги были английские, деньги немецкие и еврейские... Но ничтожества и предатели были свои, русские. Не будь их, России не страшны были бы всё золото мира и все козни преисподней».*

Кто же эти ничтожества и предатели, погубившие Российскую империю? Мы видим, что движущие силы февраля — российские олигархи-промышленники и изменники-генералы. В заговоре принимали участие даже представители Династии. Именно элита Российской империи организовала «февраль», свергла Царя. Никакие эсэры-бомбисты и большевистские агитаторы, бунтовщики из запасных батальонов и бастующие рабочие вместе с нацепившими красные банты присяжными поверенными, студентами и курсистками не смогли бы обрушить страну, если бы не чудовищное предательство элиты. Сегодня говорят о «неспособности эли-

ты править», обвиняют в «нерешительности» и «слабоволии» Царя. Но очевидно, что именно прямое, продуманное предательство генералов и саботаж высших чиновников привели к победе революционного народа». Элита Российской империи в лице крупного промышленного капитала и банкиров рвалась к власти, желая превратить Россию в парламентскую республику или же, на худой конец, в конституционную монархию, где монарх являлся бы декоративной фигурой.

После февральского переворота боевой русский генерал Нечволодов, автор замечательной книги «Сказание о Русской земле», спросил своего верного ординарца о том, что думают солдаты о т.н. «демократической революции». Русский солдат ответил: *«Солдаты говорят, что баре скинули Царя, чтобы самим нами править. А зачем чтобы баре правили? Мы и сами сможем — так говорят».*

«Из мертвой хватки господ кадетов России живую не выбратся»

Почему же большевики так легко сбросили Временное правительство и разогнали Учредительное собрание? Почему значительная часть народа решила поддержать большевиков?

В Российской империи к началу XX века далеко не все было безоблачно, существовали серьезные проблемы. Главная проблема — противоречие между ценностями развивавшегося капитализма и ценностями Православной Русской цивилизации.

Невозможно не согласиться с выводами Федора Михайловича Достоевского, наблюдавшего жизнь пореформенной России, в которой после 1861 г., считал великий писатель, власть «золотого мешка» убивает веру в Бога в сердцах людей, всевластие денег развращает души. Ростовщики-процентщики, банкиры и ловкие биржевые спекулянты приобрели огромный вес в русском обществе.

Да, среди русских миллионеров были талантливые предприниматели-промышленники и одновременно щедрые благотворители, как Савва Иванович Мамонтов, встречались настоящие праведники, как Сергей Васильевич Перлов — строитель женского монастыря в Шамордино, Иннокентий Сибиряков — строитель русского Афонского монастыря. Но можно заметить, как капиталистический уклад во многом входил в явное противоречие с традиционным христианским мироощущением и нравственными ценностями православ-

ной Руси. Российская империя к началу века набирала мощь, проводилась успешная индустриализация, развивалась наука, система образования, росла экономика страны. Естественно, было немало проблем, социальных язв, противоречий. Но все противоречия в обществе были вполне преодолены, а язвы и недуги общественной жизни могли быть вылечены, если бы не постепенное расцерковление значительной части народа, прежде всего «прогрессивной интеллигенции». Желанием построить без Бога «царство справедливости» и «рай на земле» можно объяснить успех пропаганды марксистов в предреволюционной России.

Февралисты-либералы были легко сметены большевиками, потому что призывы к построению справедливого общества нашли отклик у простого народа. Вместо «войны до победного конца» — «мир без аннексий и контрибуций», «земля крестьянам», «фабрики рабочим». А министры Временного правительства представляли в глазах народа тех самых «буржуев», которые во время войны сидели в тылу, подсчитывали растущие барыши от военных поставок и пили шампанское в ресторанах Москвы и Петербурга.

Надо заметить, что не только у солдат, крестьян и рабочих власть Временного правительства не вызывала доверия. Нелучайно о. Сергей Булгаков в уста генерала в своем сочинении «На пиру Богов» вложил такие слова: *«Россия есть царство или же ее вообще нет»*. Генерал считает, что для России власть конституционных демократов и пр. сторонников «демократических преобразований» еще опаснее, чем власть большевиков: *«Уж очень отвратительна одна эта мысль об окадеченной, «конституционно-демократической» России. Нет, лучше уж большевики «stylerusse», сарынь на кичку! Да из этого еще может и толк выйти, им за один разгон Учредительного Собрания, этой пошлости всероссийской, памятник надо возвести, «А вот из мертвой хватки господ кадетов России живую не выбрать»*.

Изменники предали Царя и погубили Российскую империю

Генералы-изменники, думские деятели, все эти милюковы, гучковы и родзянки сразу же после захвата власти большевиками станут яростно проклинать «темный народ» и возлагать вину за гибель Державы на преданного ими Царя, не желая признавать, что сами ввергли страну в катастрофу. Именно они виновны в том, что обрушился фронт, эшелоны с дезертирами, недавно храбрыми и стойкими солдатами Царской армии, а сейчас крестьянами в серых шинелях, бро-

силы фронт и двинулись домой чтобы «делить землю». Генералы-изменники, в разгар войны подло предавшие своего Государя и Верховного Главнокомандующего, виновны в развале Армии и реках крови, вскоре заливших русскую землю. О чем думали генералы Алексеев и Рузский, не только не выполнившие приказы Государя, но фактически арестовавшие Царя на станции Дно? О чём думал генерал Корнилов, награждая Георгиевским Крестом «героя революции» унтер-офицера Кирпичникова, застрелившего подлым выстрелом в спину своего командира штабс-капитана Лашкевича? Знак отличия Ордена Святого Георгия вручался за подвиги и храбрость, проявленную на поле боя. Неужели Корнилов не понимал, что творит? Очень скоро настоящие герои Великой войны, кавалеры полного банта Георгиевского Креста, заслуженного на полях сражений, разделившись на «красных» и «белых» будут яростно рубиться друг с другом в кровавых сражениях Гражданской войны.

Особенно больно читать в наши дни обвинения в «слабоволии» и «нерешительности» Царя-мученика. В тяжелейшие дни отступления 1915 года Государь принял на себя командование Армией. Было остановлено отступление, преодолены все проблемы со снабжением армии, проведен ряд успешных операций. В 1916 г. был осуществлен блестящий Луцкий прорыв, закончившийся разгромом австро-венгерских и германских войск на Юго-Западном фронте. Все военные историки знают, что Императорская Армия была отлично снабжена всем необходимым оружием и снаряжением, тяжелыми артиллерийскими орудиями, боеприпасами и прекрасно подготовлена к наступлению весной 1917 г. Это наступление должно было привести к решительному успеху на фронте. Государь, находясь в Ставке, все свои силы отдавал подготовке весенней кампании 1917 года, которая должна была привести к победоносному завершению войны.

Государь не обольщался в отношении Думы, но не ожидал подлого удара в спину от собственных генералов. Когда изучаешь документы и восстанавливаешь последовательность событий, то невозможно не видеть, что Царь отдал все нужные приказы и распоряжения, необходимые чтобы подавить бунт в Петрограде. И лишь прямая измена привела к катастрофе. Бессовестно обвинять в этом Царя-мученика.

Советский писатель Михаил Кольцов (Фридлянд) в предисловии к книге «Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев» пишет: *«В перепуганной толпе защитников трона мы видим только одного верного себе человека — самого Николая. Он стоек, и меньше всех струсил»*. Кольцов разоблачает лице-

мерие и ложь изменников, пытавшихся в своих мемуарах свалить вину за гибель Империи на подло обманутого и преданного ими Царя:

«Целый ряд генералов, сановников, придворных — почти все в своих зарубежных воспоминаниях рисуют яркие картины своего героизма, верноподданнического упорства в отстаивании династии. Все это, по их словам, разбилось о мягкую «христианскую» уступчивость царя, его непротивление и мирный характер.

Конечно, это историческая ложь, нуждающаяся в разоблачении. Достаточно даже беглого знакомства с генеральскими мемуарами, чтобы разглядеть толстые белые нитки, которыми они шиты. Нет сомнения, единственным человеком, пытавшимся упорствовать в сохранении монархического режима, был сам монарх. Спасал, отстаивал царя один царь.

Не он погубил, его погубили.

Николай Романова увлек за собой, свалил и похоронил под воюющими обломками его же правящий дворянский класс».

Любой, кто внимательно ознакомится с документами и свидетельствами очевидцев, вынужден будет согласиться с выводами Кольцова. Царь-мученик в эти дни марта 1917 года написал в дневнике: «Кругом измена, и трусость, и обман». Элита Российской империи нанесла подлый удар в спину Царю и воюющей стране в преддверии скорой победы над врагом. Это оказалось настоящим самоубийством для правящей элиты: большинство ее представителей были истреблены в ходе Гражданской войны как представители «реакционных классов», другие оказались в рассеянии по всему миру. Но страшные бедствия обрушились и на весь обманутый народ, не защитивший своего Царя, поверивший обещаниям революционеров построить «рай на земле».

«Мировой интернационал ростовщиков» хоронил Россию...

Узнав о свержении Царя, Лойд-Джордж с удовлетворением произнес: «Одна из целей войны достигнута!» Руками своих младших братьев, российских «вольных каменщиков», мировое масонство сумело сокрушить Российскую империю. «Мировой интернационал ростовщиков», объявивший непримиримую войну России, торжествовал — оплот христианской государственности пал под ударами революции. Российская империя разваливалась на части — отделялись национальные окраины, в стране нарастал хаос. Но либералы из Временного правительства не смогли заставить Россию «воевать до победного конца» за интересы банкиров из Англии и США. Власть в России передали «пламенным революционерам».

В войне Революции и России наши противники использовали все силы и средства. Тень Парвуса стояла и за бомбистами-эсерами, и за большевиками. В войне с Российской империей использовали националистов Польши, Украины, Финляндии, Грузии и Армении. Одними из самых непримиримых врагов «царского режима» были боевики еврейского «Бунда». Можно утверждать, что в начале века против России на деньги Варбургов и Шифов вел войну международный терроризм, используя движения сепаратистов на окраинах Империи и широко привлекая различных уголовников. В России при полном одобрении «прогрессивной общественности» был развязан террор против всех верных сынов Отечества — «царских опричников», как называли их революционеры. Убивали военных, министров, простых городских, священников, крестьян. За спиной этих международных террористов и всего революционного движения в России стоял «интернационал ростовщиков», щедро финансируя борьбу с «азиатским деспотизмом русских царей».

После октября 1917 г. «пламенные революционеры» развернули террор в масштабах всей страны, с невиданной жестокостью истребляя всех «врагов революции». «Врагами революции» были объявлены сословия, которые веками были опорой российской государственности. Как представителей «эксплуататорских классов» истребляли дворянство и купечество, офицеров и священников, с лютой жестокостью проводили «расказачивание». В жестоких расправах над архиереями и священниками, осквернении храмов и коштунствах в годы революции и Гражданской войны нельзя не заметить следы антихристианских сатанинских культов и изуверских сект. К террору новая власть активно привлекала «социально близких» выпущенных из тюрем уголовников, в карательных операциях принимали самое активное участие инородцы — бывшие боевики «Бунда», латышские стрелки, австрийцы, мадьяры, китайцы. Страшная Гражданская война бушевала по всей территории бывшей Российской империи от Балтики до Тихого океана.

Бывшие союзники по Антанте уже делили наследство рухнувшей Империи, войска интервентов высадились в Одессе и Мурманске, на Дальнем Востоке, в Закавказье. Бывшие союзники методично подливали горячее в пламя разгоревшейся в России Гражданской войны.

Казалось, что с исторической русской государственностью покончено.

Но совершилось очередное чудо Русской истории. Царственные мученики, все новомученики и исповедники рос-

сийские, пострадавшие за Христа в годы Русского лихолетья, молились о своем земном Отечестве. Богоборцам-революционерам не удалось уничтожить Россию, сжечь, как вязанку хвороста, в «огне мировой революции». Сталин стал «строить социализм в отдельной стране», беспощадно уничтожая «ленинскую гвардию». Троцкий, рыдавший о предательстве «идеалов революции», схлопотал по голове ледорубом, а историческая Россия всё же сохранилась в виде СССР. Планы по уничтожению России руками «пламенных революционеров» дали осечку. «Мировой интернационал ростовщиков» немедленно привел к власти в Германии Гитлера, помог вооружить третий рейх и развязал Вторую мировую войну, еще более страшную и кровопролитную.

Во время Великой Отечественной войны Россия не только сокрушила третий рейх, но во многом избавилась и от «революционного наследия», постепенно возвращаясь на свой исторический путь. Однако усилиями Хрущева страну возвратили к «ленинским нормам», реабилитировали «пламенных революционеров» и устроили очередные гонения на Церковь. Советские люди снова запели «И вновь продолжается бой...», «Есть у революции начало, нет у революции конца». И Революция продолжила борьбу с исторической Россией. Заметим, горбачевская «перестройка», как и хрущевская «оттепель», начиналась с призывов вернуться к «ленинским нормам».

Нет у революции конца?

После революции августа 1991-го озвученные еще в годы Крымской войны лордом Пальмерстоном планы расчленения России т.н. «демократы» полностью воплотили в жизнь. От России отторгли Украину, Прибалтику, Закавказье, русские земли Казахстана. Русские стали самым большим разделенным народом: десятки миллионов русских людей внезапно оказались гражданами новых «независимых государств». «Наследники февраля» со всей «революционной решительностью» яростно боролись с «имперским наследием» и «проклятым тоталитарным прошлым». Если ранние большевики ненавидели и проклинали «тёмное прошлое» «отсталой царской России», то новая «демократическая власть» неумоимо обличала и Царскую Россию, и Советский Союз. Революция продолжала воевать с Россией и Православной Церковью, умело используя новые технологии.

Власть «золотого мешка» и растрепанность народа с использованием всей мощи современных СМИ калечило души. А тем-

пам сокращения в ходе либеральных реформ рождаемости и вымиранию нашего населения могли бы позавидовать сопоставители гитлеровского плана «Ост». Международный терроризм при поддержке спецслужб наших «геополитических партнеров» развязал войну на Кавказе, а в криминальных разборках молодых людей погибало намного больше, чем во время войны в Афганистане.

«Коллективного Троцкого» и «коллективного Керенского» образца 1991 года отличала свойственная большевикам ненависть к русской истории и русской культуре и вполне большевистское отношение к «социально близким». Эфир радиостанций заполнил «блатной шансон», а Чубайс заявлял, что ненавидит Достоевского. Пушкина и всю классическую русскую литературу в очередной раз «сбрасывали с корабля современности», а учебники истории писали на гранты Сороса. Либеральные «властители дум» внушали, что тысячелетняя история России — «тупиковая ветвь» развития цивилизации, а русские — народ с извечным рабским сознанием и неискоренимыми имперскими комплексами». Объясняли, что в «тюрьме народов» под властью жестоких царей-тиранов, мрачных коммунистических генсеков и жестоких русских варваров веками изнывали свободолюбивые народы Украины, Прибалтики, Кавказа и Идель-Урала. Единственными светлыми периодами истории России, естественно, были объявлены февраль 1917 года и хрущевская «оттепель». Со всех каналов ТВ живописали ужасы «темного тоталитарного прошлого» и с дрожью в голосе требовали от русских покаяться перед бывшими «угнетенными народами» и всем «цивилизованным миром». Революция продолжалась... февраль 1917-го, октябрь 1917-го, август 1991-го...

Уроки «революционного столетия»

За прошедшие сто лет в России пытались построить без Бога коммунистический «рай на земле». Дважды за столетие либералы силились создать из России «нормальную демократическую страну». Атеистический социализм закончился полным вырождением коммунистической элиты, которая ввергла страну в «дикий капитализм», обещая народу построить «рыночный рай».

Коммунисты, вспоминая столетие революции, обличают «прогнившую элиту царской России». Но за триста лет под властью Русских царей народ построил самую большую в мире Империю, раскинувшуюся на одну шестую часть све-

та. Все достижения советской эпохи были основаны на прочном фундаменте Православной Русской цивилизации. Безбожной коммунистической элите, чтобы «загнать» понадобилось всего три десятилетия после смерти Сталина. Но советский период истории страны оставил нам и неоценимый положительный опыт, который мы обязаны использовать в XXI веке.

Захватив власть в августе 1991 года, российские либералы в очередной раз доказали, что Российская государственность несовместима с либеральным западным проектом. При власти либералов неминуемо наступает деградация государства, которая грозит России утратой суверенитета.

Либерализм навязывает «культ золотого тельца». Культ наживы и всевластие «золотого мешка» несовместимы с ценностями Русской цивилизации. И февраль 1917-го, и события в «демократической» России в «лихие 90-е» доказывают, что правление либералов грозит России неминуемым распадом и гибелью или в лучшем случае участью «сырьевого придатка» т.н. «цивилизованных» стран.

Новая «рыночная элита», сформировавшаяся в условиях «дикого капитализма», готова продать национальные интересы страны за отмену санкций и право распоряжаться ресурсами России. «Рыночная элита» и ее обслуга в либеральных СМИ старательно отстаивают интересы «мирового интернационала ростовщиков». Как и в начале XX века, интересы элиты вошли в противоречие с интересами народа. Социальная напряженность, огромный разрыв между богатыми и неимущими грозит России серьезными потрясениями.

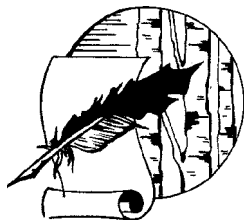
И коммунистический, и либеральные проекты основаны на стремлении подражать Западу. Это на самом деле «две дороги к одному обрыву». Необходимо решительно избавляться от либерального наследия лихих 90-х, зримым воплощением которых является Ельцин-центр, необходимо немедленно убирать проворовавшуюся «рыночную элиту».

«Ельцин-центр» несовместим с маршем «Бессмертного полка». Возрожденный Храм Христа Спасителя несовместим с празднованием хэллоуина. Первые признаки и явные симптомы революционного безумия, тяжелой духовной болезни — ненависть к Православию и исторической России. Несколько лет назад Путин сказал на Валдае знаменательные слова: «Россия возвращается к себе». Святой праведный Иоанн Кронштадтский говорил: *«Перестали понимать русские люди, что такое Русь: она есть подножие Престола Господня! Русский человек должен понять это и благодарить Бога*

за то, что он Русский!» Если мы обретем это понимание, то изберем не дорогу к обрыву, а прямой путь, предназначенный России Богом.

Россия сегодня защищает традиционные нравственные ценности и под натиском богоборческого глобализма отстаивает право на жизнь не только Русской цивилизации, но и других народов. Вновь столкнулись две непримиримые силы, Россия и Революция. Противостояние продолжается. Нынешняя русофобия на Западе, невиданная даже в самые тяжелые годы холодной войны в XX веке между СССР и США, — свидетельство этого непримиримого противостояния. Прошло сто лет. «Мировой интернационал ростовщиков» надеется повторить в России события 1917 года. Но о нас молятся святые Царственные мученики, Собор новомучеников и исповедников Российских, пострадавших за Христа в XX веке. С нами молитвы воинов «Бессмертного полка».

Мы верим, что сбудутся пророческие слова святого праведного Иоанна Кронштадтского: «Я предвижу восстановление мощной России, еще более сильной и могучей, на костях вот таких мучеников, как на крепком фундаменте, будет воздвигнута Русь новая — по старому образцу; крепкая своей верою во Христа Бога и во Святую Троицу! И будет по завету Святого Князя Владимира — как единая Церковь!»

СТИХИ ПОЭТОВ ПСКОВА

Иван ИВАНОВ

* * *

Старинный Псков — торжественен и строг.
Суровы стены, высоки бойницы.
Здесь на мысу, на стыке рек-дорог,
Мой город, Суждено тебе родиться.

Века неслись, как будто тройки-птицы.
Гранитом дыбился у Выбутов порог.
Защитник Псков надежно, видит Бог,
Стоял на страже западной границы.

Одиннадцать веков — достойный путь.
Путь созиданья — в нем, едином, суть,
А Мастерам — первейшая забота.

Венчает город — Троицкий собор.
Оплот духовный людям с давних пор.
И Псков — хранитель этого оплота...

* * *

Я выйду сегодня на улицу —
Услышу весеннюю звень.
Пусть солнышко ласково жмурится
В такой замечательный день.

Пусть дарит мне солнце соцветия
Цветущих роскошных полян.
Мечтаю с восторгом о лете я,
Свечением их осиян.

Пусть кто-то мне скажет, что попусту
Красивые трачу слова,
А это от счастья попросту
Кружится моя голова...

Готов рассказать другу старому,
Как праздничный вечер хорош.
А люди проходят всё парами,
Таких — чтоб один — не найдёшь.

Целуются, грусти не ведая,
О самом простом говорят.
И всех поздравляют с Победою,
И аисты в небе парят,

И небо салютом увенчано,
И падает свет на медаль...
Смеётся счастливая женщина,
С ребёнком идущая вдаль.

Надежда КАМЯНЧУК

ИНВАЛИДАМ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Гремит своей каталкой по дороге,
Баклушами скребёт по мостовой,
Орденосный, молодой, безногий
Герой войны, израненный, живой.
Он на базаре, будто на работе,
Тряхнёт гармонию, разведёт меха:
Когда затянет песню о пехоте,
То вроде жизнь не так уж и плоха.

Стою в толпе я, малая девчонка,
Смотрю, как к шапке денежки несут.

Герой поёт и горестно, и тонко,
Ещё не зная: утром увезут
На острова — там инвалидам место.
Решили власти — будет и приказ —
Всех после санитарного ареста —
На Валаам! И будет в самый раз!

И вновь поёт солдат — «слуга народа»,
Хрипит, сипит, растягивая рот...
Гармошка плачет, и сама природа —
Над всей Россией дождик льёт и льёт.

ДАВАЙ ПО КОФЕЙКУ

Ну что же ты молчишь и грустно смотришь в стенку?
Должно быть, кофейку пора нам заварить,
И, ложками звеня, разместивая пенку,
Мы станем вспоминать... Мы будем говорить
О том, что повезло нам на земле родиться:
На сто девчат — один вернувшийся с войны...
Хотя бы мой отец... Он, всматриваясь в лица,
Вдруг маму узнаёт среди девушек страны.
И всё в ней хорошо: глаза её и руки —
Мне будут рядом с ней все беды нипочём.
Вот только зря отец от глупости иль скуки
Вдруг встанет и уйдёт, и крутанёт плечом...

Ну, не было — и нет... И скатертью дорога!
Смотри, не пожалей! — Да что же я о нём?
Ведь я о всех о нас... А впереди так много
Послепобедных дней! Мы реки повернём!
Мы на земле ещё такое отчебучим —
На Марсе и Луне мы вырастим сады!
Для подвигов у нас всегда найдётся случай,
Но только б без войны! Но только б без вражды...

Да мы счастливы все! Нас матери взрастили,
Спасли-уберегли от самых разных бед...
Да что там говорить — учились мы и жили,
И познавали мир на переломе лет.
О чём мечталось нам — всё выглядит иначе.
И вроде б всё не так, но счастье всё же есть —
Картошка на столе и кофе есть тем паче,
И это надо нам, наверное, учесть.

Пускай и не сбылось всё то, о чем мечталось,
Зато идёт весна, и будет шмель кружить.
Давай сотрём с лица заботу и усталость,
Есть кофе на столе, а значит — будем жить!

Наталья ЛАВРЕЦОВА

ОРДЕН

Я на днях узнала только, хоть не ведала вполне:
Получил мальчишка Толька красный орден на войне.
Пусть не самый распрекрасный, есть покруче арсенал...
Но ведь — орден! Но ведь красный! Ведь за то, что воевал!

Что протопал пол-России и проплавал полземли,
И что пули не скосили, и награды не нашли.
В бескозырочке, безусый, без «регалиев» юнец,
Кто-то скажет: «Викинг русский!»! А ведь это мой отец!

Скажет мама в разговоре: «Ох, уж ты-то воевал!»
Ну а он нам всё про море под гармошку напевал!
Что раскинулось широко, бьет вразмашку по бортам...
Я его красивый орден в память внуку передам.

ЧИСЛЮСЬ ПО РОССИИ

Да, он сумел ответить просто,
Поэт недюжинного роста.
— Где числитесь? — его спросили,
Пытаясь выразить укор.
Ответил: — Числюсь по России.
И числится так до сих пор.
Так просто: «Числюсь по России»...
По облакам ее, по сини —
Та синь слепит со всех сторон.
Ее колдобинам, ухабам,
И мужикам ее и бабам,
С глазами странниц и мадонн.
Самодержавной и державной,
Разгульной и непробивной.

Поэт — всеильный и бесправный
И навсегда — невыездной.
...А там, над Соротью туманной
Всё так же слышно: «Анна, Анна»...
И в липах вздох со всех сторон.
В узорном небе завитушка —
Знакомый росчерк: «Пушкин, Пушкин»!
Ах, Пушкин? Ну конечно он!
О, если бы меня спросили
Мне горло бы обжег вопрос,
И все же «Числюсь по России!» —
Сказала б, продохнув от слез.
По ней, такой самодержавной,
И разудалой, и хмельной,
Где жил великий и бесправный
Поэт, такой невыездной.
Здесь не дожди летят косые,
А стрелы льют из серебра...
И всё же: числюсь по России,
С припиской: «Савкина Гора».

* * *

На Руси когда-то без причины
С чьей-то легкой повелось руки
Самых дельных, терпеливых, сильных,
Называть простецки: «мужики»!
Он мужик, он может дом построить,
Если надо — первым примет бой,
Он, мужик, не только в поле воин,
Если уж с тобой — то он с тобой!
Никогда с ним не бывает скучно,
К политесам разным не привык.
Говорим, взирая равнодушно:
«Что же взять с него — ведь он мужик»!
То порою спорят без причины,
Пьют вино... Но, позабыв про страх,
Мужики, по имени «мужчины»
Очень тихо падают в полях.
Тост подыдем — за таких красивых,
За простых, за наших мужиков,
На которых держится Россия.
На которых держится любовь!

* * *

Родился я в краю равнинном,
Где каждый тополь, каждый клён
Мне были таинством былинным
Забывших сказочных времён.

Где бор и сосенный и ельный
Светился тихо над водой,
И доносился звук свирельный
И голос чистый, молодой.

Где, может, люди, может, боги
Шли по просёлочной дороге
В свои бескрайние луга
Метать высокие стога.

Они смеялись и шутили
И в голубой рассветной мгле
Трезубцы в небо возносили
И пели гимны о земле.

Где провожал их русский мальчик,
И воздух травами пропах...
И солнца жёлтый одуванчик
Оставил привкус на губах.

ЗДЕСЬ РУССКИЙ ДУХ

Там, где Великая с дочкой Псковой
Слились в едином теченье,
Старый собор на земле вечевой
Видит своё отраженье.

Стены под башнями Кром облегли, —
Служат, хоть воля иная, —
Будто внимают набату вдали,
Ратную жизнь вспоминая.

Над берегами — полёт куполов,
Плавный, в ликующем свете.

Мягко срываются с колоколов
Вздохи прошедших столетий.

Вот он, великого времени дух,
Тот, что в столетьях родился;
Тот, что в народе ничуть не потух,
В душу его — воплотился.

ДУША ПОЭТА

Над Соротью Михайловские рощи,
Облюбовали живописный холм,
Где до сих пор стоит, простого проще,
Опального поэта скромный дом,

Где произнёс его опальный житель,
Вдали от воли суетной большой:
«Поэзия, как ангел-утешитель
Спасла меня, и я воскрес душой...»

С тех пор, подобно голосу свирели,
Слова живут во всех концах земли.
Кому-то, может, сердце отогрели
И, может быть, кого-нибудь спасли...

Пусть мир устроен «грозно и прекрасно»,
Но, сохраняя душу в чистоте,
Наверно, жизнь ты прожил не напрасно,
Когда она — служенье Красоте!

Ирина ПАНЧЕНКО

ПУСТЬ БУДЕТ ТАК!

Земля окрасилась в зелёные тона,
И в душах расцвели цветы надежды,
Что мир стоит, и будет всё, как прежде:
Весна и лето, осень и зима.
Влюбляться будут люди по весне,
И создавать семью на склоне лета,

И восхитится по зиме планета
Рождению чада славного в семье.
Пусть будет так! Пусть всё цветёт кругом,
И будет мир в любой избе, квартире!
Возлюбит Бог, коль жить мы будем в мире
В своей стране. Она — наш общий дом.

В ИЗБОРСКЕ

Легко плывут над Мальским облака.
То — отражение: взгляни — по водной глади
Две гордых птицы в свадебном наряде
Скользят, волнуя синь воды слегка.

Журчанье струй, отрада и простор —
Как в час божественного мира сотворенья!
Но не единожды в веках здесь шли сраженья,
А тишина — как прошлому укор.

Тропою торной к крепости иду.
Как мощно взмыли в высоту руины!
Возникнут зримо прошлого картины,
Когда к стене, что в ранах, припаду.

Звон с колокольни церкви, звон мечей,
И стоны, и команды, гром орудий...
Здесь смертный подвиг совершали люди
Чтоб не отдать врагам земли своей.

А мы туристами идём вдоль древних стен.
Здесь тихо так, волшебна и прекрасно!
И мнится: будет в мире безопасно,
И от судьбы не ждём мы перемен.

Уж так ли благостно у западных границ?
Европа предавала не однажды.
История Изборска нам расскажет,
Каких к нам ветры мчат заморских птиц.

На страже быть, чтобы сберечь свой дом
И дух крепить нам завещали предки.
А раны стен — истории пометки.
Изборск в дозоре вечном и святом.

ПРОЗРЕНИЕ

Не возвышай себя перед другими,
Но свой язык и веру сохраняй.
Не предавай ни Родину, ни имя —
Люби свой древнерусский тихий край.
Но, как слепец, не разобрав дороги,
Брела Россия годы наугад
И обивала грязные пороги,
Чтоб милостыню брать у всех подряд.
Не испросив на путь благословенья,
Вручив себя чужим поводырям,
Духовное в пути утратив зренье,
Она брела, познав позор и срам.
Но срок настал. Страна, поднявши вежды,
Всё ж осознала гибельность пути.
Ведь небо посылает луч надежды,
Чтоб свой исконно-русский путь пройти,
Не потрафляя чужеземным вкусам,
Общинный свой не разрушая дух.
О Всеблагой наш Господи Иисусе,
Верни России зрение и слух!
Верни нам гордость за свою Отчизну,
И веру в то, что Богом дан нам путь!
Хоть недруги по нас справляют тризну,
Но живы мы и расправляем грудь!

Татьяна РЫЖОВА

* * *

О, милый Псков! — Руси очарованье,
Люблю тебя (и в этом не нова)
За то, что слышу времени дыханье
Там, где с Великой встретилась Пскова,

За то, что грудью русскою вскормлённый,
Ты русским духом полон до краёв,
За то, что носишь в сердце слово «вольный»,
Не иссушив его в огне веков.

Тот дух повсюду — в памяти преданий,
В шуршанье дуба древнего листвы

И в отраженьи куполов с крестами
В стремнинах вод Великой и Псковы .

Когда свой взор я к небу обращаю
У псковских храмов и шепчу «спаси»,
Ликую я — ведь здесь я ошущаю
Причастность к истинно Святой Руси.

НЕ ЛЮБИТ СЛАВА СУЕТЫ...

Ловить удачу вряд ли надо:
Она всех спринтеров быстрее,
И ускользает, когда ты рядом,
Нет дела для неё милей.
За славой нет резона гнаться —
Не любит слава суеты.
Она придёт, чтобы остаться,
Когда о ней забудешь ты.
И будет рядом скромной тенью,
Не претендуя на любовь.
Рабом ей станешь — и в мгновенье
Она тебя покинет вновь.

Всеволод ТРОИЦКИЙ,
доктор филологических наук,
Заслуженный деятель науки РФ

ЗАДАЧА НАЦИОНАЛЬНОГО СПАСЕНИЯ

Народное образование, составлявшее гордость России XX века, ныне повсеместно искажено, «упрощено» и повреждено антинаучными, примитивно-прагматическими «реформами», исполняемыми под умелую режиссуру западных спецслужб и «заклятых друзей» России через разного рода резидентов, агентов, продажных руководителей, трудами интеллектуальных диверсантов и дипломированных невежд. Многие «островки» нормального образования, отдельные успешные школы и гимназии, которым удаётся противостоять разрушению, не делают погоды. Нынешнее состояние образования в России и политика в этой области свидетельствуют о крупных поражениях России в информационной войне.

Задача созидателей — преодолеть назревающую трагедию, повернуть дело образования на путь возрождения: вернуть школу ко всеобщему, фундаментальному, научному, системному образованию, доведя его до того высокого уровня, какой оно име-

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

ло в лучшие для школы годы XX века, а затем — превзойти этот уровень.

Русский взгляд на образование таков: нормальное образование должно обеспечить предпосылки подлинной человеческой свободы. Свободы в современном мире не может быть без усвоения преподавателями базовых (основополагающих) научных знаний, которые, в свою очередь, обеспечивают начатки духовного опыта и общеобразовательные основы культуры. Образование и есть обретение человеком знаний и передача ему опыта для самостоятельной, по-человечески свободной, умственной, чувственной и духовной жизни.

Свобода зиждется на защите непременных свойств человека, на приобщении к представлениям и духовным традициям, находящимся в русле созидательной жизни своего народа и Отечества. Обретение свободы для нас — это прежде всего свободное владение русским языком, знание основ истории России и русской словесности. Всё мешающее этим условиям и бытию в лоне национальных духовно-нравственных традиций и норм — не может обеспечить свободы. Навязываемые нам недругами и псевдодемократами через информационные каналы формы бытия, нарушающие природные нормы и традиционные национальные культурные представления, — несут рабство и повреждение человеческого в человеке (расчеловечивание).

Свобода в духовной сфере заключается прежде всего в устроении жизни на основах отечественной культуры при гарантированном обеспечении условий её существования, её развития и её государственной защиты. То, что противоречит такой политике, является политикой разрушения.

Свобода — обеспечивается безусловным и абсолютным отрицанием плюрализма в вопросах, в основании которых лежат закреплённые национальной традицией основополагающие духовно-нравственные ценности. Подлинная свобода опирается на обязанность государственной власти выражать интересы создающего большинства, как и на обязанность ограничивать произвол везде, где он приносит или может принести ущерб всему народу, национальным и общегосударственным интересам. В обществе, не придерживающемся такой естественной установки, — и власть и подвластные становятся ордой, толпой, стадом.

Предпосылки нормального, полноценного образования включают: осмысленное осознание мира, душевно-духовное переживание изучаемого, творческое начало в постижении знаний и опыта.

Нормальное образование призвано заложить основы полноценной личности, то есть человека,

- утвердившегося в родном слове,
- мыслящего и умеющего грамотно рассуждать,
- духовно и нравственно устойчивого,
- патриотически убеждённого,
- эстетически воспитанного,
- физически здорового,
- устремлённого к созиданию и творчеству.

Такое образование некогда обеспечивало первоначальную умственно-духовную зрелость молодого человека XX века, которому выдавался по окончании школы соответствующий документ: аттестат зрелости. Нынешнее школьное образование такому документу не соответствует.

Нормальное образование — первейшая национально-государственная задача в России. Решение этой задачи затруднено тяжелейшей информационно-психологической войной, которую мы проигрываем вследствие преступного бездействия на всех её фронтах.

Недрузи России, добившись изменения программ и плодотворных методов обучения, снижения уровня знаний школьников, продолжают разными путями «вбрасывать» в школьную практику «тормозящие» педагогические технологии, чуждые а иногда и абсурдные методы преподавания, выдавая их за «общепринятые» или даже «прогрессивные», навязывают нам через своих «теоретиков» и агентов ложные принципы и абсурдные задачи воспитания. В этой основательно продуманной и, несомненно, хорошо оплаченной системной политике разрушения — наши советчики и консультанты, бывает, доходят до надругательства над великим духовным наследием России и зачастую — не встречают достойного отпора... В этом несомненная наша вина. Я говорю: наша, имея в виду разных по взглядам людей, не повреждённых нравственно, то есть ставящих интересы своего народа и России выше личных выгод.

После революции те же силы пытались уничтожить русскую школу. Тогда проф. Г.И. Челпанов свидетельствовал: «...Истинная демократия, истинное народоправство предполагает школу с высоким учебным уровнем. Понижение образовательного уровня средней школы (это в XXI веке уже, в сущности, достигнуто проведёнными реформами! — В.Т.)... повлечёт за собой прежде всего понижение уровня нашей культуры и приведёт нас к полной культурной зависимости от других народов, потому что именно средняя школа есть основа культуры народа. Понижение образовательного уров-

ня средней школы повлечёт за собой гибель демократии, ибо самоуправляться может только тот народ, у которого есть достаточное число действительно образованных государственных и общественных деятелей, а для этого нужна средняя школа с высоким учебным уровнем».

Нам необходимо всегда помнить: в России любовь к родной земле, — неперенное качество образованного человека. Мы ведём разговор об образованных людях, то есть, как говорят у нас, — о нормальных... Нормальное, здоровое, образование должно быть глубочайшим образом проникнуто знанием и воспитанием любви к Отечеству. Эту азбучную истину не нужно повторять в нормальных условиях.

Только полноценное общее образование может обеспечить защищённость России среди международных хищников! Между тем, общий уровень культуры интеллигентной массы у нас в последние десятилетия заметно снизился. Появилось немало дипломированных дилетантов, посредственно образованных и не отличающихся чувством профессионального долга. «Угроза наступления века невежества кажется совершенно реальной» (акад. В.И. Арнольд). Всё это совершенно ненормально и опасно для независимой страны, для нашей Родины.

Отступление от нормы началось с изъятия верных понятий и введения в педагогический оборот новых словечек. Слово «знание» заменили чужеватым словечком «компетенция». Но это разные понятия.

Знание — это закреплённая сознанием целостная и научно упорядоченная система обобщённых достоверных понятий и представлений о предмете, какой-либо области действительности (базовый минимум).

Знание отличается от информации, то есть суммы сведений, **не обладающей** должной целостностью и логически выверенной обобщённостью, научной упорядоченностью (системностью), аналитической и опытной обеспеченностью.

Знания приобретаются посредством сознательного уразумения, обобщённого исследовательского опыта и возникшего на этой основе логически осмысленного и образного представления об основах той или иной области действительности. Необходимо помнить: «...В живой познавательной деятельности человека вера, чувство и мысль — нераздельны, хотя и могут быть различаемы путём анализа» (Трубецкой С.Н. Сочинения. М. 1994. С. 654)). Компетенция — это всего лишь уровень общей осведомлённости в области науки, прикладной профессии или образования. В отличие от знания,

предполагающего на заключительном этапе освоения целостное научное представление о предмете, при котором «каждое явление входит в рамки научного изучения и находит объяснение, не противоречащее основным принципам научного искания» (Вернадский В.И. Труды по всеобщей истории науки. Изд. 2-е. Наука. 1988. С. 51—52). Компетентность означает, как правило, лишь упрощённо систематизированные представления о предмете, осведомлённость, ориентированную на обыденную информацию и решение обыденных практических задач.

Чтобы возродить наше образование, нужно вернуть в школу овладение системой знаний (школьного уровня) на научной основе по всем изучаемым базовым предметам. Но как восстановить достойную систему образования, которая была разрушена за последние четверть века и при этом, как говорится, не наломать дров? Ведь иные неразумные изменения могут только ухудшить положение?... Нужно прежде всего глубоко осознать принципы, которые были положены в основу происшедшего разрушения образования.

Вспомним: программы по школьным предметам были заменены стандартами, ориентированными на минимум содержания. Затем ввели подброшенную нам с Запада вредоносную форму испытаний — ЕГЭ, нацеливающую прежде всего не на умение широко мыслить и рассуждать в той или иной области знаний, но — на способность находить подходящие ответы, опираясь лишь на память и вариативную догадку. Кстати, полезно обратить внимание на вышедшее 9 лет назад издание «Единый государственный экзамен. Белая книга» (М. 2009 г.). Но несмотря на огромный вред, который наносит ЕГЭ, такую форму испытаний не отменяют, а лишь пытаются вновь и вновь оправдать этот «эксперимент» совершенно неосновательными «доводами». Видимо, большие деньги бросила «контора Даллеса» на внедрение ЕГЭ в наше образование.

Сегодня учителя вынуждают заботиться прежде всего не о смысле преподаваемой дисциплины, не о содержании знания, но — о рамках знаний, о заданных способах осваивать стандартные формы ответов, выбирать и даже... угадывать. И всё это вместо того, чтобы сосредоточить внимание на целостном овладении сущностью предмета, его основными понятиями и закономерностями, осознанием его значения и т.д. Учителя словно запрограммировали: чтобы он работал в соответствии со стандартами, — и он должен был перестроиться: в значительной мере превратиться в «натаскивателя». В

этом одна из причин, почему учитель как специалист в области знаний перестаёт быть первым лицом в школьной иерархии.

Затем узаконили рабскую административную зависимость учителя от директора, «управленческую высоту» которого поддерживали раздутой зарплатой, возможностью лично влиять на зарплату учителей, наконец — расширенными административными правами, которые зачастую оказываются выше прав педагогической науки и учительского коллектива. Началась перестроечная «демократизация» школы, которая уже была испробована после революции и чуть было окончательно не развалила образование в 20-е годы прошлого века.

Современный учитель оказался в нелепой и антипедагогической зависимости не только от директора, но и от ученика, о правах и претензиях которого стали настойчиво и постоянно публично и безответственно рассуждать. Более того, в сознание современников наёмные разрушители (или невежды) пытаются разным способом внедрить нелепую и невежественную мысль о «равноправии» учителя и ученика. На самом деле любое такое «равноправие» уничтожает возможность нормального обучения и воспитания. Ученик станет «равноправным» учителю, когда будет иметь равный с ним жизненный опыт, сумму знаний и статус. Учитель — всегда наставник, назидатель, начальник, если хотите. И в целом ученик всегда — подчинённый и исполнитель, воспринимающий, принимающий и предпочитающий слово учителя.

Абсурдная и растлевающая сознание мысль о «равноправии» учителя и обучающегося отравила педагогическую систему, поставила школу с ног на голову, унизила учителя, лишив его возможности работать в нормальной школьной обстановке. Замечу, что наша русская школа испокон века опиралась на педагогику наставничества, в которой учитель был ответствен за ученика, а ученик всегда был ответствен перед учителем.

Реформы лишили учителя практической возможности полноценно педагогического творчества и не только «стандартизировали» характер его работы, но разным способом бюрократизировали и утяжелили «побочными обстоятельствами» учебный процесс, начиная с многообразных справок-инструкций и кончая многочисленными формами учёта результатов, многочисленными формами отчётности, которые постоянно меняются и обязывают учителя нередко переделывать абсолютно бессмысленные с практической точки зрения документы. Всё это вполне можно рассматривать как одну из форм ведущейся с нами информационной войны, внедряемой манипулятивными способами в нашу систему образования.

Ещё пример: в Москве произошло «объединение» учебных заведений в «комплексы» под началом одного директора. В результате этой откровенно антипедагогической акции роль директора как педагога и организатора педагогического дела практически сведена к нулю: он стал «начальником-распорядителем», «хозяином-администратором», не более того. Тем самым были разрушены научно-педагогические принципы прежней школьной системы. От этого педагогическому делу — только вред. Не думаю, чтобы «реформаторы» этого не понимали... Всё это хорошо продуманная информационная диверсия, которой руководство страны не противостоит. Оставим в стороне определение причин такой политики. Но эти причины (либо профессиональное невежество, либо очевидное профессиональное предательство) коренятся в безнравственном равнодушии к будущему школы...

Важнее всего ныне — восстановить систему образования по школьным предметам. То есть не просто «улучшить», «возвратить хорошее» и т.п., но — восстановить фундаментальные научно-методические начала преподавания школьных дисциплин.

Всякая система имеет свою основу, свои главные и второстепенные, но необходимые для полноты составляющие; есть и такие, которые необходимы для ощущения предмета в целом, но не входят в пристально изучаемую его часть. Этих составляющих осваивающее сознание только касается. Но они обязательны для правильной ориентации, для грамотной полноты представлений. Филологическое образование до перестройки являлось именно таким научно-методическим единством.

Требования восстановления системы не означает слепого копирования. Но можно с уверенностью сказать: программы по словесности нуждаются прежде всего в решительном возрождении.

Вредительское сокращение русской классики в школе, замусоривание начального обучения бездарными и пошлыми стишками, лицемерное сетование о незнании школьниками истории и культуры своей родины и возвращение время от времени в стандарты жалкого числа из тех произведений, которые входили в программы в период расцвета отечественной школы в XX веке — всё это лишь «игры» разрушителей.

Сопоставляя реальное количество произведений классиков, с которыми (по программам изучения и хрестоматиям тех лет!) знакомились школьники в замечательные для шко-

лы времена, легко понять разрушительный смысл «реформ». Следует ещё вспомнить, что произведения, предполагаемые для внеклассного чтения, составляли дополнительный список.

Например, в период расцвета отечественной школы в XX веке учащийся на протяжении 10 лет так или иначе осмысливал немало произведений И.А. Крылова (не считая тех, которые планировались для внеклассного чтения!). Эти произведения частично включались в хрестоматии со 2-го до 6-го класса средней школы.

Приведу для примера список басен И.А. Крылова, изучавшихся и помещённых в хрестоматиях тех лет: «Стрекоза и муравей», «Лягушка и вол», «Мартышка и очки», «Свинья под дубом», «Любопытный», «Лисица и виноград», «Зеркало и обезьяна», «Слон и Моська», «Две собаки», «Кукушка и петух», «Ворона и Лисица», «Крестьянин и работник», «Крестьянин в беде», «Волк и ягнёнок», «Кот и повар», «Волк на псарне», «Щука и кот», «Пруд и река», «Листы и корни», «Слон на воеводстве», «Лжец», «Ворона и курица», «Рыбья пляска», «Крестьянин и река», «Осёл и соловей», «Лиса строитель», «Щука», «Ларчик», «Гуси», «Обоз», «Щука и кот». Итого: 30 басен, не считая тех, которые рекомендовалось читать самостоятельно, по программе внеклассного чтения.

В одном из перестроечных стандартов МО по литературе (базовый уровень, профильный уровень) Крылов, писатель, особенно важный для воспитания нравственности, человечности и незаменимый для обретения чувства родного языка, представлен так: «Четыре басни по выбору». Как говорится, почувствуйте разницу!

Возьмём А.С. Пушкина. В хрестоматиях со 2-го до 8-го класса тех славных лет предназначались для осмысления следующие его произведения и отрывки из них (приведу в последовательности их изучения): «Пчёлка» (отрывок из «Евгения Онегина»), «Утро» (отрывок из «Евгения Онегина»), «Зимний вечер», «Зимняя дорога», «Полтавский бой» (отрывок из поэмы «Полтава»), «У лукоморья дуб зелёный» (вступление к поэме «Руслан и Людмила»), «Сказка о царе Салтане», «Бой Руслана с Головой» (отрывок из поэмы «Руслан и Людмила»), «Зимнее утро», «Зима» (отрывок из романа «Евгений Онегин»), «И вот уже трещат морозы...» (отрывок из романа «Евгений Онегин»), «Весна» (отрывок из романа «Евгений Онегин»), «На берегу пустынных волн...» (вступление к поэме «Медный всадник»), «Осень», «Бесы», «Зимнее утро», «Узник», «Сказка о мёртвой царевне и семи богатырях», «Песнь о вешем Олеге», «Кавказ», «Украинская ночь» (от-

рывок из поэмы «Полтава»), «Анчар», «Дубровский» (в сокращении), «К Чаадаеву», «Деревня», «Няне», «Туча», «Пророк», «Эхо», «Поэту», «Я помню чудное мгновенье...», «Погасло дневное светило...», «На графа А.А. Аракчеева», «На графа А.А. Воронцова», «Ночь. Келья в Чудовом монастыре» (отрывок из трагедии «Борис Годунов»), «В Сибирь», «Арион», «Вновь я посетил», «Памятник», «Капитанская дочка», «К морю», «19 октября 1825 года» (отрывок), «Цыганы», «Евгений Онегин», «Борис Годунов». Итого 45 произведений, включая отрывки.

В стандарте одного из этапов «реформ» конца XX века (с тех пор они заметно не изменились): «К Чаадаеву», «Песнь о вешем Олеге», «К морю», «Няне», «Я помню чудное мгновенье...», «19 октября», «Пророк», «Зимняя дорога», «Анчар», «На холмах Грузии...», «Я вас любил...», «Зимнее утро», «Бесы», «Туча», «Памятник», а также «Погасло дневное светило», «Свободы сеятель пустынный», «Подражание Корану», «Элегия» («Безумных лет угасшее веселье»), «Вновь я посетил...» Итого: 14 произведений. Плюс 6 — по выбору.

По объёму текстов — разница огромнейшая!

Сравним объём изучения творчества Н.А. Некрасова до и после разрушительных реформ.

Ранее, со 2-го по 9-й класс (не считая внеклассного чтения), осваивались следующие произведения: «Крестьянские дети», «Мороз-воевода» (из поэмы «Мороз-Красный нос»), «Генерал Топтыгин», «Дедушка Мазай и зайцы», «Эхо», «На Волге», «Дедушка», «Железная дорога», «Бурлаки» (из поэмы «На Волге»), «Школьник», «Несжатая полоса», «Белинский был особенно любим...» (из «Медвежьей охоты»), «Размышления у парадного подъезда», «Песня Ерёмушке», «Душно! Без счастья и воли...», «Элегия», «Родина», «Поэт и гражданин», «Памяти Добролюбова», поэма «Кому на Руси жить хорошо». Итого: 20 произведений и отрывков. Ныне в стандарт по литературе включены: «Крестьянские дети», «Железная дорога», «Вчерашний день, часу в шестом...», «Мы с тобой бестолковые люди...», «Поэт и гражданин», «Элегия» («Пусть нам говорит изменчивая мода»), «О муза! Я у двери гроба...», а также поэма «Кому на Руси жить хорошо». Итого: 8 произведений (плюс 5 по выбору).

То, что сделано сейчас со школой, по очевидным последствиям для страны равнозначно активно идущему её духовному уничтожению. Речь идёт о том, будет ли русский народ иметь возможность дышать воздухом своей культуры или должен будет задохнуться в атмосфере миазмов массовой культуры, массовой пошлости и насаждаемой в России без-

духовной прагматической, убийственной для нас пресловутой западной цивилизации.

Последние двадцать лет под знаменем «свободы» информаторы-глобалисты всеми способами стараются «выскоблить» духовное наследие нашего народа из современной информационно-среды. Из неё вытеснены мощные духовные потоки родной культуры, дающие народу энергию жизни и созидания: наши традиционные русские песни, русская народная музыка, всемирно ценимые русская классическая литература и русская музыкальная классика. Всё это если и мелькнёт случайно в эфире, то обязательно «затапливается» последующим шквалом пошлой, кричащей эстрады и вульгарной информационной стихии. Это результаты реальной антикультурной политики и властей, преступно бездействующих в деле защиты Отечества от «вредителей русского развития».

Сегодня под прикрытием благостной политической трескотни о некоем «возрождении» продолжается *de facto* духовный геноцид русского народа, прежде всего — в образовании. Сокращение программ и часов по русской словесности в школе, изуродованные стандарты и вслед за тем — появление массы Иванов, не помнящих родства, т.е. вся политика Министерства образования последних двух десятилетий — это не просто уничтожение культурных традиций, а в чистом виде — антикультурный экстремизм, по существу — «законное» развитие русофобии в духовной сфере.

Нас уже приучили к тому, что в школе должны давать минимум знаний. Может быть, по отношению к тригонометрии или чужому языку такое ещё можно допустить, но по отношению к предметам, обеспечивающим становление нормального человека своей страны, — это преступно!.. Перефразируя сказанное некогда немцами о Германии, по отношению к России, мы можем утверждать, что Великую Отечественную войну выиграл русский учитель словесности. Выиграл потому, что программы довоенной школы достойно приобщали к русской литературе.

Сейчас особенно ощутима глубина слов великого композитора XX века Г.В. Свиридова: «...возврат к национальной традиции... — вот истинная новизна для нашего времени»; «Идеалы и нравственные ценности русского искусства XIX века не поколеблены...»; «...сила Русского искусства, русской литературы... в чувстве совести». Эти простые истины традиционны, безусловны, но сейчас их приходится всеми силами отстаивать...

Организованная русофобия «вырастает» на невежестве, на бескультурье, «взлелеянном» современным образованием: «...Отечество наше, — пишет В.Г. Распутин, — во всех его материальных, духовных и нравственных ипостасях извращено так, что и смотреть нет сил, когда тысячелетние его приобретения выбрасываются на свалку или, как вторчермет, идут в переплавку в печах мирового порядка, когда культура отдана в руки разнузданных шоуменов, а образование преобразуется в функциональное натаскивание и программное выскабливание родного духа...»

Разрушители не успокоились! Они уже нагло замахиваются на основы нормального образования, сводя его к вопросу о «накачке информацией». Сегодня откровенно «размышляют» об изменении способов обучения: о школе без учителей с загрузкой материала на электронные носители и т.п.

Педагогически грамотный человек понимает, что все эти провозглашаемые «новаторами» глобальные акции направлены на окончательное и бесповоротное уничтожение нормальной системы образования, на превращение большинства учащихся в «механических человек», а страну — в колонию и арсенал запрограммированных рабов с механически-машинным восприятием мира. Но ведь находятся люди, которые верят в «прогрессивную возможность» этих абсурдных планов. Планов, которые исключают из задач школы главное: «очеловечивание» мысли, воспитание души, становление личности.

Нормальное, здоровое, школьное обучение невозможно без гуманитарных основ образования, без живого слова педагога, без разных форм обучающего и воспитывающего диалога между учителем и учеником, наконец — без целостного воздействия личности учителя.

Перестройка образования, свидетельствуют аналитики, уже «нанесла сильнейший удар по исторической и культурной преемственности русской школы, в результате которого произошла деформация или утрата исторической памяти и русской самобытности, смена русского менталитета и изменение общественного сознания... В итоге катастрофически быстро сокращается число людей, умеющих аналитически и масштабно мыслить, а уж тем более способных подняться до уровня осмысления государственных интересов... Особенно же сильно на детях и молодёжи сказались применение «новейших» образовательных экспериментальных психопрактик с использованием НЛП и других изменяющих сознание методик и концепций «инновационной» пе-

дагогики, направленных на дерационализацию сознания и внедрение мировоззренческого и нравственного релятивизма» (О.Н. Четверикова).

Внедряемые педагогические технологии приводят, говоря словами В.Ф. Базарного, к слову «сообразного природе ребёнка собственного творческого мышления, а также к формированию вместо него инструктирующего алгоритмированного типа мышления, а в конечном счёте — инструктивно-программированного интеллекта».

И всё это восходит к политике разрушения, которая не находит никакого действенного противостояния современной власти: дело ограничивается пустыми разговорами. Сказанное заставляет думать о том, что некая часть руководства «схвачена» наследниками Даллеса или же ровно ничего не смыслит в происходящем. Начинаешь думать и о том, кто и как командует ФСБ, если не остановлено и практически продолжается по всем направлениям долготетное разрушение государственного образования. Ведь названные вопросы вполне можно решить даже не репрессивным, а командно-административным способом при властной поддержке верховной властью грамотных, честных и профессионально вооружённых специалистов...

Однако же дело обстоит серьёзнее, чем можно представить спервоначала. Так называемые реформаторы предполагают на очередном витке реформ уничтожить стеновой хребет русской школы, которая всегда была прежде всего школой русского слова.

Недавно ректор ВШЭ Я.Кузьминов заявил, что главная задача образования — это приобретение «цифровой культуры», умение работать с большими данными, компетенции в области дизайна, компьютерное моделирование, то есть всё то, что имеет в основе — цифру. Опора на цифру знаменует собой примитивизацию мысли, «упрощение» сознания и деградацию культуры и «расчеловечивание» человека. В основе отечественной культуры, науки и образования лежит — слово. Заявление сего начальника теснейшим образом связано с задачей, поставленной ещё в даллесовских планах ЦРУ об оттеснении России в области науки, культуры и образования за пределы уровня так называемых «цивилизованных стран».

К сожалению, такова наша печальная действительность. Осуществлению названного чудовищного плана много способствуют самонадеянные «управленцы», невежественно рассуждающие о «новациях», «прорыве», новых технологиях и не видящие в упор, что за всем этим стоят наёмники

Запада, активно воплощающие в жизнь замыслы разрушения России.

Президент России В.В. Путин не так давно заметил, что «настоящий патриотизм — это образованный патриотизм». Это важно понимать сегодня, во время длительного системного разрушения отечественного образования «на административном уровне».

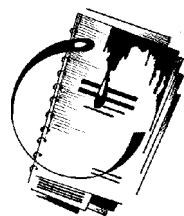
Возрождение всеобщего образования в России на научной основе, возвращение утраченных за время так называемых «реформ» плодотворных научных, педагогических и научно-методических традиций — вот задачи, которые необходимо решать незамедлительно.

Впереди — огромная работа по восстановлению школьного образования в России на фундаменте плодотворных традиций и завоеваний отечественной науки, в том числе — науки педагогической. Эта работа связана с неизбежной борьбой против глубоко невежественных или, возможно, сознательных разрушителей, которым волею нынешних правителей безответственно даны преимущественные права в руководстве образованием перед грамотными и квалифицированными специалистами. Но, уверен, Победа будет за нами!

ЭКСКЛЮЗИВНАЯ БОМБА

Удивляться в наше время мало чему приходится. Может, скоро увидим «чудеса в небе», голограммы спускающихся с небес «пророков» или что-то в этом роде. Но тому, видимо, будут предшествовать не менее фантазийные, но более прозаические картины. Вот «киборги и кентавры» совсем не за горами. В русле создания «кентавров» — генные «перспективные» разработки и поиски. Должен быть еще создан «новый человек», который будет верить в любую созданную «искусственным интеллектом» и «цифровой технологией» фантазмагорию. Разложение граждан России «новым искусством», культурными диверсиями (тоже своеобразная борьба с генетическим кодом) идет много медленнее запланированного Западом. «Цивилизованный мир» рискует пасть быстрее, чем Россия под его натиском. Значит, вывод прост, нужно ускорить процесс, наносить удары по всем фронтам, и по самому «перспективному» — по генетическому коду нации уже в буквальном смысле. Если это удастся — результат гарантирован. Часть нации просто вымрет, а оставшаяся — превратится в сборище зомби и кентавров.

Разработки в этом направлении до того «перспективные», что, оказывается, осуще-

ДОСЬЕ "МГ"

ствляются в тайне и от граждан России и даже от руководства нашего государства.

На заседании президентского Совета по правам человека 30.10.17, которое прошло в Кремле, Владимир Путин заявил, что в России собирают «биологический материал» о проживающих в стране людях. Правда, центральные СМИ не стали концентрировать на том внимание.

Реплика президента последовала после слов председателя организации «Российский общественный институт избирательного права», который сообщил, что в единый день голосования 10 сентября около миллиона просмотров видеотрансляций с избирательных участков были инициированы с IP-адресов из-за рубежа и выразил озабоченность, что образы наших сограждан оказываются в чужих руках и непонятно, как и в каких целях используются.

В.В. Путин ответил: «Образы-то ладно, а вы знаете, что биологический материал собирается по всей стране? Причем по разным этносам и людям, проживающим в разных географических точках Российской Федерации. Вот вопрос: вот это зачем делается? Это делается целенаправленно и профессионально. Мы такой объект большого интереса».

А вот слова из одного небольшого репортажа от 28 июля прошлого года, раскрывающие детали информации о том, что американские ВВС реализуют контракт на закупку образцов живых тканей россиян европеоидной расы: «Объединенная база Сан-Антонио, штат Техас. Научный центр при этой базе объявил, что ему срочно потребовались биоматериалы русских. Не просто восточноевропейцев, например, жителей бывшего СССР, а именно — русских... Сбор данных ведут именно подопечные Пентагона». Ну и так далее.

Официально авиационная база, разместившая тендер на закупку, занимается, как ей и положено, подготовкой летчиков для американских ВВС. На этом примере видно, что генные лаборатории Пентагона действуют под «прикрытием». Между информацией президента на Совете по правам человека и о тендере ВВС США при желании можно найти некоторую разницу: глава государства говорит о представителях разных этносов России, на которых собирают генный материал, а Пентагон объявил тендер на образцы европеоидов — русских. То ли президент выразился в наиболее общем виде, то ли он исходит из несоизмеримо большего объема информации.

Эксперты в сюжете относительно «тендера» поясняют, что речь идет о создании биологического оружия, биологических вирусов, разработок, нацеленных именно на «российскую аудиторию», на «зональные группы». «Образцов укра-

инцев у них более чем достаточно... Тендером заинтересовалась калифорнийская медклиника, которая как раз специализируется на сборе человеческих тканей. У неё только один зарубежный филиал, расположенный в Москве, — так называемая «Лаборатория биоресурсов...» Дальше — ретроспективная информация об использовании американцами биологического оружия во Вьетнаме, на Кубе...

В данном случае, думается, речь может идти не просто о биологическом оружии, но о более «продвинутой» его разновидности — геном (генетическом, этническом) оружии, поражающем не только физическое здоровье, но изменяющем суть человеческую, психологию, способность адекватно воспринимать события, подавляющем репродуктивные функции нации. И нацеленное на «целевую группу» — русских. Возможно и вероятно — и на другие народы и этносы России. Ну а биоматериалы нужны для расшифровки генома русских с дальнейшим изменением одного. Хотя, возможно, что и «старые», испытанные разновидности биологического оружия, как например, «атипичная пневмония», всякие «зверинные» и «птичьи» гриппы также оттачиваются для применения к «целевой аудитории» — русским. Вопрос тесно связан также и с продовольственной безопасностью страны, со здоровьем нации. На население России можно воздействовать геномодифицированными продуктами питания. Хотя по некоторым оценкам только Россия на сегодняшний день обладает потенциалом производства (выращивания) первозданных, не тронутых геной инженерией пищевых культур. Все остальные страны уже потеряли такую возможность.

Смешно выглядят объяснения быстро подключенных либералами «экспертов», объясняющих слова президента. Мол, основная цель этих исследований в США заключается в изучении генетического разнообразия разных этносов в России, в поиске различий между ними, в том числе и того, какие болезни их поражают, и в описании этих отличий. Альтруисты, значит, там — в ВВС США. Такие же экзальтированные «альтруисты» еще у Пентагона сидят на Аляске, на базе ХААРП — собирают «сведения о северном сиянии»...

Когда-то Роспотребнадзор как единая стройная система да еще под руководством бывшего хоть и немного эпатажного, но хваткого и ответственного специалиста в этой сфере — Геннадия Онищенко костью в горле стоял разным антирусским силам. Вне всяких сомнений попытки децентрализации единой системы контроля был подсказан (если не сказать — «продиктован») российскому руководству извне. В свое время Онищенко обращал внимание, что вирус африканской чумы свиней,

распространяющийся по России, мог быть синтезирован в биологической лаборатории ВМС США. Многолетнее функционирование в Тбилиси американской биологической лаборатории вызывало его беспокойство: «Прямая угроза, конечно, есть. Наличие специальных устройств, работа в лаборатории военных бактериологов из США, которые нам известны, усиливают наши сомнения в том, что власти Грузии хотят идти по пути доверия, а не обслуживать примитивные легенды американских военных».

Использование биологического оружия в сочетании с иными современными методами со стороны вероятного противника посредством организации конфликтов между отдельными группами населения, сетевых и информационных войн, использования «пятой колонны» и криптоармии внутри России — всё, что нужно вероятному противнику для создания тотального хаоса в нашей стране. Пока расчищается площадка, устраняются структуры и люди, могущие квалифицированно противостоять этому. Геннадий Онищенко, правда, сейчас в Государственной думе, но никакими рычагами, кроме депутатских и экспертных, не располагает.

Насчет базы в Тбилиси вспомнился еще один загадочный эпизод, о котором толком не знали, да еще и забыли. Тогда, конечно, все заподозрили в этом, как всегда, Москву. Хотя именно Кремлю такого рода недоразумения, да еще в то напряженное время, были невыгодны. В 2005—2006 году в Чечне внезапно возникла эпидемия женского психоза. Хворь поражала только чеченок, но не женщин других национальностей. Через несколько российских каналов, помнится, проходили об этом репортажи. Не отработка ли этнического оружия велась тогда именно оттуда, с базы Тбилиси?

Теперь немного коснусь не столько информации (пусть каждый выводы делает самостоятельно), сколько ссылок на другую, но связанную тему: по ДНК-генеалогии. Именно на то, на что хотят воздействовать и нанести удар американцы.

Масштабные исследования, результаты которых опубликованы в 2010 году в «The American Journal of Human Genetics», говорят о неправомерности расхожего мнения о сильной монгольской примеси в крови русских, доставшейся их предкам еще во времена татаро-монгольского нашествия, практически не оставили следа на населении современного северо-западного, центрального и южного регионов. Исследованием также доказана идентичность генотипов русских, украинцев и белорусов (источник — velros.info).

Всем этим современным вызовам, действиям геополитических врагов, в том числе относительно «генетического оружия», должна противостоять сильная научная база России.

Еще, разумеется, работа спецслужб. Ну, беспокойства по поводу второго — меньше. Судя по всему «компетентные органы» государства работают добротню по пресечению вышеназванных рисков. А вот по первому вопросу, насчет науки, — сложно сказать. Об ударах по российской науке говорил еще в 2013 году Д. Медведев: «Система управления этими структурами (академиями наук) сложилась еще в тридцатые-сороковые годы прошлого века. Сложилась под влиянием субъективных факторов. И конечно же не в полной мере соответствует современным задачам развития страны».

Но как так можно говорить о науке, дающей лучшие результаты в мире, как «о сложившейся под влиянием субъективных факторов»? История Российской академии наук много глубже советских времён. РАН является правопреемницей Императорской Академии наук и Академии наук СССР. Лучшие национальные основы науки и академии наук заложены еще М.В. Ломоносовым. Система управления наукой оттачивалась в России столетиями и являлась (вместе с советским образованием) лучшей в мире, во всяком случае в пятидесятые-семидесятые годы прошлого столетия.

Создается впечатление, что за последние годы советская система науки только разрушалась, но не создавалось почти ничего нового. На базе старой (лучшей) системы науки, обновив ее, надо было создавать современную российскую. И потенциал-то, чувствуется, еще есть. Однако же кому-то это все не нужно. Я даже могу согласиться, что «реформы» РАН имели реальные предпосылки, проблемы, которые необходимо было решать. Но вместо решений проблем, как всегда, когда за решение вопросов берутся либералы, процесс вводится в режим резонанса — на старые проблемы накладываются новые проблемы, которых до этого не существовало.

Либералы в науке — страшнее не придумаешь. Вот детище Д.А. Медведева «Сколково»: научно-технический комплекс по коммерциализации новых технологий давно дал свои «всходы». О выявленных финансовых нарушениях неоднократно приходится упоминать. Кто-нибудь ответит четко насчет эффективности деятельности «Сколково»? В научном, финансовом, натуральном исчислении — где результаты? Вместо этого создается «Сколково»-2, да под издевательским названием — «хайп». Почему на это не обращается внимания ни в СМИ, ни, скажем, в Государственной думе? Ведутся какие-то детские игры (это было бы смешно, если бы речь шла не о миллиардах впустую выкинутых бюджетных средств и ложных направлениях НИОКР) с хайпарками. Там ушлые «ребяты-демократы» со своими «понтами» и «хайпами» просто режутся,

валяют дурака, как комсомольцы, которым «партия дала по-рулить». О какой безопасности страны может идти речь?

Научная общественность в целом пребывает в затяжном летаргическом сне и после выборов президента РАН. Кстати, один из реальных кандидатов на выборах президента РАН, состоявшихся в конце сентября 2017 года, В.Я. Панченко, в открытую заявлял при представлении своей программы, что приоритетом для российской науки должны стать мероприятия по предотвращению киберугроз. Но проиграл выборы за пост президента РАН. Может, поэтому и проиграл, что сама тема кому-то неужодна в правительстве.

В идеале нужно совместить современные вызовы и гуманистическое отношение по принципиальным вопросам. С одной стороны — наша страна не имеет права оказаться в развитии технологий, науки и промышленности в хвосте мировых разработок, чтобы не позволить безнаказанно применять против нее генетическое (этническое) оружие, а с другой — нельзя перейти черту, стирающую различия между душой человеческой и железкой, машиной. Вопросы безопасности государства от всевозможных рисков и агрессивных научных разработок, исходящих от всяких ВВС США, должны быть на высочайшем уровне. Иными словами, Россия должна иметь возможность отбить любую атаку, выиграть любую войну, откуда бы опасность ни исходила. Для этого нужна наука, а не имитация науки, не пародия на нее в виде всяких «хайпарков».

Валерий ХАТЮШИН

ПОЗОР ВСЕГО ЗАПАДНОГО СПОРТА

Эти заметки были написаны в сентябре 2016 года. Тогда же они были опубликованы на нескольких ресурсах Интернета, а затем в «Молодой гвардии». Но многие уже забыли о том скандале. И наши трусливые спортивные чиновники теперь об этом даже не заикаются. Но тогда, полтора года назад, об этом трубили все мировые СМИ. Но особенно впечатляюще эта

информация выглядит теперь, после отстранения России от Зимней олимпиады в Пчёнчхане и череды моральных издевательств международных мошенников от спорта над российскими олимпийцами.

СКОТЫ

Вот это и произошло. То, о чём я неоднократно писал, наконец подтвердилось. Неизвестные хакеры взломали базу данных Всемирного антидопингового агентства (ВАДА) и выложили убийственную информацию в Интернет. ВАДА вместе с МОК были вынуждены признать подлинность этой информации, хотя, конечно, трусливые вадовские чиновники и обрушились на Россию с обвинениями в организации этой хакерской атаки. Да какая разница, чьи это были хакеры?! Главное — то, что они докопались до истины, которую все разумные люди создавали, но не могли доказать. Теперь же ничего и доказывать не надо. Всё стало ясно, как день.

Я это знал всегда. Но нужны были подтверждения. Теперь они известны всему миру. Согласно информации, полученной хакерами, ВАДА **разрешала** очень многим американско-европейским атлетам принимать допинг. И не просто допинг, не просто анаболики, стимулирующие повышенную энергетику организма и рост мышц, укрепляющие нервную систему и т.д., но и настоящие наркотики, значительно повышающие выносливость, нечувствительность к боли, понижающие волнение, страх и неуверенность в своих силах. Повторяю, очень многим. И в первую очередь, конечно, американским.

Первый хакерский удар пришелся на неоднократных победительниц олимпийских игр и всевозможных международных соревнований по теннису — на т.н. «братьев» (сестер) Уильямс, этих чёрных горилл, монстров в юбке, накачанных мышечной массой и мужскими гормонами. А также на четырехкратную олимпийскую чемпионку Рио по спортивной гимнастике Симону Байлс, выполнявшую на снарядах какие-то умопомрачительные акробатические прыжки в несколько оборотов с абсолютно безразличным, отсутствующим выражением лица. И весь этот допинг, все эти наркотики, как оправдывались темнокожие аферистки, они принимали по назначению врачей в качестве терапевтических целей... И самое главное — с разрешения ВАДА. В то время как теннисистка Мария Шарапова, основная соперница «братьев» Уильямс, была не допущена на Олимпиаду в Бразилию из-за приема безобидного витамина под названием мельдоний...

Как мы помним, **всю** нашу олимпийскую команду вадовский карманный мошенник, подданный Канады по фамилии Макларен намеревался не допустить до поездки в Рио-де-Жанейро, предусмотрительно накануне Олимпиады внеся мельдоний в список запрещенных препаратов. Лишь благодаря вмешательству председателя МОК Т.Баха удалось отстоять для игр в Рио половину нашей олимпийской сборной. Более того, на основании лживого доклада мошенника Макларена, голословно обозвавшего Россию допинговой страной, была отстранена **вся** наша паралимпийская сборная от участия в Паралимпийских играх 2016 года. Не помогли ни обращение в Спортивный арбитражный суд в Лозанне, ни апелляции наших спортсменов-инвалидов в Международный паралимпийский комитет. Глава этого комитета и по совместительству член правления Всемирного антидопингового агентства британец Филип Крейвен был неумолим.

Мало того, что это отстранение не вписывается ни в какие человеческие и морально-нравственные рамки, а лицензии на участие наших спортсменов-инвалидов были незаслуженно, подло и цинично распределены между другими странами-участницами, — вадовская машина политических провокаций, как теперь выясняется, сама оказалась замешанной в **культу-вировании** допинговой зависимости многих западных (прежде всего американских и английских) ловцов лёгких побед.

Вторым хакерским разоблачительным ударом были выведены на чистую воду еще десять американских и шесть английских олимпийцев, чемпионов и призеров Рио — пловцов, легкоатлетов, боксеров, велосипедистов, опять-таки принимавших сильнейший допинг и настоящие наркотики не просто с разрешения, а, можно не сомневаться, **с подачи, с поощрения вадовских чиновников**, т.к. поощрение это очень хорошо оплачивалось штатовскими околоспортивными денежными мешками. Зарвавшиеся дельцы этой «антидопинговой» конторы просто-напросто делали на этом бабло или, как у нас говорят, хорошие бабки. А чтобы никто их в этом не заподозрил, они решили воспользоваться громоотводом — обвинением России в том, в чём сами погрязли по уши. Легко были найдены штрейкбрехеры — супруги Степановы (неудавшиеся легкоатлеты) и русофобский мерзавец Г.Родченков (бывший глава РУСАДА), которые и выступили за рубежом в качестве «свидетелей» российского «допингового скандала», ими же и придуманного. Естественно, все они были хорошо поощрены американскими денежными мешками.

Накануне Олимпийских игр в Бразилии западная пропагандистская машина с шумом и «благородными» воплями

быстро слепила и раздула на весь мир «допинговую историю» наших спортсменов, ссылаясь на прием ими пресловутого мельдония, а Россия этой крайне визгливой машиной была объявлена «допинговой страной». Как говорится, дело было сделано, и «братья» в теннисных юбках по фамилии Уильямс, а также прыгучий чернокожий монстр Симона Байлс могли спокойно ехать в Рио за золотом для Америки.

То, что олимпийский и паралимпийский спорт подмяли под себя американско-европейские скоты, думаю, давно ни для кого не секрет и не новость. Мерзко сознавать другое. А именно то, что на эту грязную авантюру легко поддались сами западные атлеты. Они-то прекрасно знали, на что шли, они-то, конечно, сознают, что свои медали они берут с помощью обмана, с помощью отвратительных средств, с помощью западной фармакологии, официально запрещенной в спорте. И при этом — показывают пальцем на тех, кто действует по правилам, оскорбляют и обвиняют других в том, в чём сами виновны выше крыши.

И я больше скажу: уже давно ВСЕ американские спортсмены сидят на допинге, на самых разных стимуляторах или даже на наркотиках. Потому что знают: их проверять не будут. А если и проверят — данные скроют, а еще лучше потеряют. И если кого-то из штатовских атлетов иногда ловят на запрещенных препаратах, то это означает лишь одно: кому-то за хорошее бабло понадобилось убрать конкурента.

Как теперь стало известно, 53 английский спортсмена, участвовавших в августе 2016-го в Олимпийских играх, принимали запрещенные препараты с разрешения ВАДА.

Вот теперь и думайте, господа-товарищи: можно ли с этими околоспортивными мошенниками иметь дело?

ЛИПОВЫЕ ЧЕМПИОНЫ

Вот и непобедимый испанский теннисист Рафаэль Надаль, как оказалось, все свои победы одержал на допинге. И «уникальные» американские пловцы — тоже дутые, липовые, начавшие стимуляторами и наркотиками. И даже прославленный венгерский пловец Ласло Чех — в той же компании. А с ними — десятки немцев, поляков, англичан, среди которых чемпионы последней летней Олимпиады, жрали допинг бесстрашно, безнаказанно, с разрешения г-на Макларена и с внутренним хохотом показывая пальцем на русских — «Это они, они допингёры, гоните их отсюда!» Немцы несколько фильмов сняли про русский мельдоний...

Как теперь становится ясно, ВАДА — это структура прикрытия в системе изготовления фальшивых чемпионов и присвоения огромных гонораров. В системе, созданной на

Западе в противовес российскому спорту. И когда ее творцы поняли, что даже сильнейшие стимуляторы не дают должного результата, и русские берут медали наравне с накачанными допингом западными атлетами, тогда мошенники из ВАДА по указке из Вашингтона пошли на беспрецедентный, отчаянный шаг: придумали предлог для отстранения русских от любых международных соревнований. В значительной мере им это удалось сделать, используя ничтожество и трусость наших главных спортивных функционеров. Но, как говорится, чёрт шельму метит. При беззубости наших спортивных чиновников в дело вступили неизвестные хакеры...

Этот позор всего западного спорта и убудочное скотство покровителей и адвокатов этого позора еще по-настоящему не оценены и не осознаны. Но позор этот и волны от него будут только нарастать. Хакеры ведь еще далеко не всё выставили на всеобщее обозрение... И как дальше будут существовать Олимпийские игры и весь международный спорт — трудно себе даже представить. Ведь масштабы позора, вранья и подлости только-только начинают приоткрываться... Но я не представляю, как можно теперь выходить кому-то на теннисный корт с «сестрами» Уильямс и с тем же Надалем?

Пока же западный протестантский цинизм позволяет Европе и Америке этот свой позор и эту свою подлость молча проглатывать...

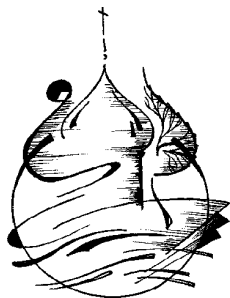
Международный спорт оказался в полном отстое. Если одним можно выступать с допингом, а другим нельзя, то какой же это спорт? Это называется игра в дурака. Если мир согласен и дальше играть в этого дурака — значит, туда ему и дорога. Ну а если всем разрешить выступать с допингом, то это уже будет не спорт, а самоубийство и уголовные разборки. Вот к чему привела нас эта американская ВАДА. Пиндосов вообще близко нельзя ни к чему подпускать!

Из новой партии хакерских разоблачений вадовско-американских махинаций всему миру стало известно, что только в 2016 году **более двухсот** штатовских атлетов получили от ВАДА разрешение на употребление допинга! Это, между прочим, **более половины** их олимпийской команды! Но и это еще не всё. В 2015 году таких американских спортсменов, получивших от ВАДА благословение на использование запрещенных стимулирующих и стероидных препаратов, было **583!** То есть **Штаты просто-напросто дурачат весь остальной мир своими спортивными достижениями, которые, на деле, не стоят ломаного гроша! Их надо лишать абсолютно всех медалей, рекордов и чемпионских званий!**

Алексей ШВЕЧИКОВ,
доктор философских наук

СТАЛИН И ТРЕТИЙ РИМ

Может показаться искусственным или даже недопустимым соединением двух, кажется, противоположных явлений: с одной стороны, генеральный секретарь богоборческой коммунистической партии, с другой святой старец, инок одного из Псковских монастырей XVI века по имени Филофей — автор православной идеи: Москвы как Третьего Рима. Один внешне исповедует идею социалистической государственности, другой — государственности православно-монархической. Филофей считает, что Московская Русь (Третий Рим) по промыслу Божию становится источником правды и справедливости на всей земле, а Сталин видит величие России в том, что она первой в мире строит социализм. Но в одном они сходятся — в особой роли и месте России в мире. В ее самоценности и в ее влиянии на судьбы всего человечества, а не одного только русского православного народа. Русский православный народ поверил в правду старца Филофея и принял ее. Что касается Сталина, то и его правду народ принял и поддержал. Но правда Фило-

СИМВОЛ ВЕРЫ

фея шла от русского православного святого, а правда Сталина шла от грузина и коммуниста. Значит, до принятия его правды требовалось обращение грузина в русского, а коммуниста в человека, верующего в Христа. Савл должен был обратиться в Павла. Мы и ставим перед собой задачу понять как это обращение произошло.

Спаситель Третьего Рима

Двадцатый век стал для России катастрофическим. Трагедия России началась в этом веке с ее поражения в войне с Японией. Затем последовала первая русская революция 1905 — 1907 гг. В 1914 году Россия вступила в войну с Германией — началась Первая мировая война, перешедшая для России сначала в Февральскую революцию, а затем в революцию Октябрьскую, социалистическую. Социалистическая революция породила Гражданскую войну, которая стоила России более 11 миллионов человеческих жизней её граждан, погибших на фронте, умерших в эпидемиях или от голода, а также покинувших свое Отечество, спасая свою жизнь от революционных репрессий. Казалось, что Третий Рим в муках закончил свое существование, ибо спасение его казалось маловероятным. Однако исторический опыт давал надежду на спасение. Русь средневековая сбросила с себя жестокий гнет Золотой Орды, пережила Смутное время, разгромила непобедимую армию Наполеона Бонапарта.

Но главной надеждой была вера наших православных людей в то, что Господь не оставит православную Русь без своей поддержки и защиты, пошлет на помощь истерзанному православному русскому народу настоящего Отца народа и Хозяина страны. Этим избранником Божиим оказался Иосиф Виссарионович Сталин. То, что Сталин — богоданный вождь и спаситель России и русского народа, Русская Православная Церковь не сомневалась. Митрополит Сергей, будучи Местоблюстителем Патриаршего Престола, в поздравительной телеграмме И.В.Сталину в связи с 5-летием Советского государства писал: «Сердечно и молитвенно приветствую в Вашем лице богоизбранного вождя наших воинских и культурных сил, ведущего нас к победе над варварским нашествием, к мирному процветанию нашей страны и к светлому будущему ее народов».

О богоданности Сталина России и её народу говорил и хорошо знавший Сталина Патриарх Алексий. Их оценку Сталина разделял еще один из известных и почитаемых иерархов РПЦ двадцатого века — митрополит Киевский Нико-

лай: «Русские верующие видят в лице Верховного вождя нашей страны (Сталина) Богом ей данного отца своего народа, и горячи их молитвы Господу Богу о его здравии на долгие годы». Причисленный к лику святых РПЦ архиепископ Крымский Лука разделял эту же точку зрения о Сталине и его роли в спасении России: «Сталин сохранил Россию, показал, что она значит для мира. Поэтому я, как православный христианин и русский патриот, низко кланяюсь Сталину».

Какие выводы следуют для нас, православных людей, из этих оценок православными иерархами Сталина и его роли в жизни и делах нашего Отечества? Во-первых, мы не можем игнорировать мнение о Сталине и его роли в судьбах нашего православного народа и нашего Отечества самых почитаемых духовных наставников Русской Православной Церкви в XX веке. Во-вторых, мы не можем игнорировать и тот очевидный факт, что либерализация и духовное разложение правящего класса и интеллигенции царской России достигло такого состояния, что стало угрожать не только существующему строю, но самому существованию Российской империи. В-третьих, либеральная, революционная зараза проникла даже в духовную опору империи — Русскую Православную Церковь, в ее священноначалие. Под угрозу был поставлен сам факт существования России как Третьего Рима, а это уже не соответствовало ее Божественному предопределению. Третий Рим надо было спасать от неминуемой гибели. Поэтому появление Сталина в высшем руководстве партии большевиков было явлением неслучайным. Неслучайной была и ранняя смерть В.И. Ленина.

Не было шансов на победу и у троцкистско-зиновьевско-бухаринских оппозиционных группировок, пытавшихся отстранить Сталина от власти и уничтожить его. Сталин бился с оппозицией за правду и справедливость, а оппозиция противопоставляла ему ложь, вражду, ненависть и мещанское благополучие. Сталин был созидателем, а не разрушителем. Он и оппозицию призывал к переходу от разрушения к созидательной работе. Очевидно, представлять Сталина в качестве Бича Божия для борьбы с оппозицией и враждебными социализму силами не совсем верно. Не для бичевания он был призван, а для удержания и созидания. Главным методом его работы было не принуждение, а убеждение. Но Сталин оклеветан его врагами и заблудшими, судящими о Сталине лишь по репрессиям 30-х годов, по «Ленинградскому делу» и «Делу врачей». Но это лишь одна (темная) сторона его истории, которая перекрывается величием тех дел, которые он совершил во имя России, православной Церкви, рус-

ского народа и всех народов России, во имя восстановления разрушенного враждебными силами Третьего Рима.

Недрузи Сталина называют его хитрым и коварным горцем, азиатом, недоученным семинаристом и прочими негативными эпитетами. Сталин же считал себя «русским человеком грузинской национальности». Что касается его образованности, то несомненно, что он стал одним из образованнейших политических деятелей своей эпохи. Сталин искренне любил Россию, высоко ценил и уважал русский народ, что подтверждает его выступление на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 года. Он признал, что русский народ является выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза, что он стал «руководящей силой Советского Союза среди всех народов нашей страны», что русский народ имеет ясный ум, стойкий характер и терпение. Сталин считал великой честью для себя быть руководителем такого народа. Сталин любил не только русский народ, но и Россию.

Светлана Аллилуева — дочь Сталина утверждала в своих воспоминаниях: «Отец любил Россию очень сильно и глубоко, на всю жизнь. Я не знаю ни одного грузина, который настолько бы забыл свои национальные черты и настолько полюбил бы всё русское. Еще в Сибири (во время ссылки — А.Ш.) отец полюбил Россию по-настоящему: полюбил язык и природу. Он вспоминал всегда о годах ссылки, как будто это были сплошь рыбная ловля, охота, прогулки по тайге. У него навсегда сохранилась эта любовь к России». Так Сталин становился великим русским человеком грузинской национальности. Но русский человек, утверждал Достоевский, велик тогда, когда он православный. Значит, Сталин как великий русский человек был по определению *православным*, разделяющим православную идею Москвы как Третьего Рима. Чем может быть подтвержден этот общий вывод о диалектическом единстве идеи инока Филофея и коммунистического вождя Сталина? Естественно, аргументами и фактами. О чём же говорят факты и какие аргументы из них следуют?

Верующий Генсек

Существует твердое убеждение, подтверждённое высшим руководством Русской Православной Церкви, в том, что Сталин был православно верующим человеком. Об этом говорят и реальные факты его религиозной политики по сохранению и обновлению РПЦ за годы его правления. Уже в юношеские годы в сознании Сталина рождается идея «Великой правды»

и социальной справедливости, которую он назвал «Божественной мечтой». Эта мечта была «чиста как солнечный луч», как Христианское учение. Но люди «забывшие бога, хранящие в сердце тьму» не могли превратить эту мечту в реальную жизнь. Для ее осуществления нужны новые люди с холодной головой и горячим сердцем, писал будущий Сталин в одном из своих юношеских стихотворений.

В двадцатилетнем возрасте, будучи учащимся второго курса Тбилисской духовной семинарии, он приходит к выводу, что к «людям, забывшим Бога, хранящим в сердце тьму», одним словом Христовым не достучаться и правду и справедливость среди них не утвердить. Возможность этого утверждения он увидел в нарастающей волне революционной борьбы, конечной целью которой и объявлялось установление такого общественного строя, в котором будут восстановлены христианские принципы жизни. Таким обществом должно стать социалистическое общество. С этих пор все его помыслы, все физические и умственные (духовные) силы были поставлены на службу реализации социалистической идеи, его «божественной мечты». Во имя ее Сталин принял марксистский вариант социализма, имея внутри себя убежденность в возможности построения христианского социализма.

Партия же, в руководстве которой он оказался после победы Октябрьской революции, вела политику на уничтожение религии вообще, потому что относилась к ней как к темной реакционной силе, тормозящей общественный прогресс. Начавшаяся после победы борьба революционной власти с религией предполагала ее полное уничтожение. В строго секретном указании Ленина председателю ВЧК Ф.Э. Дзержинскому от 1 мая 1919 года говорилось: «В соответствии с решением ВЦИК и Сов. нар. комиссаров необходимо как можно быстрее покончить с попами и религией. Попов надлежит арестовывать как контрреволюционеров и саботажников, расстреливать беспощадно и повсеместно. И как можно больше. Церкви подлежат закрытию. Помещения храмов опечатывать и превращать в склады». Указание подписано председателем ВЦИК М.И. Калининым и председателем Совнаркома В.И. Лениным.

Это строго секретное указание было не случайным актом. Оно было показателем неизменной долгосрочной антирелигиозной политики новой власти, что и утверждает другое строго секретное письмо Ленина Молотову для всех членов Политбюро правящей партии. Написанное послание было вызвано тем, что в городе Шуя Иваново-Вознесенской губернии 28 февраля 1922 года во время попытки изъятия церковных

ценностей из храма на нужды голодающих возник конфликт между верующими прихожанами и членами комиссии по изъятию церковных ценностей, который закончился стрельбой, в результате которой 4 человека из прихожан были убиты солдатами Красной Армии и 10 человек было ранено.

В письме Молотову Ленин обвиняет в случившемся церковнослужителей и требует жестокой расправы над виновниками этой трагедии, в первую очередь, он призывает к расправе над священнослужителями. «...Я, — писал Ленин, — прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли это в течении нескольких десятилетий».

Два этих письменных документа раскрывают суть проводимой под руководством Троцкого и Ленина антирелигиозной политики в первые годы Советской власти и говорят о религиозном невежестве этих двух выдающихся и откровенно игнорировании того факта, что в России, в русском народе (прежде всего в крестьянстве) была сильна традиция православной веры. Проводить такими методами борьбу с религией означало пилить сук, на котором сидишь. Эта политика была безумной, провокационной и опасной для новой власти. Это подтвердил, прежде всего, Кронштадтский мятеж и крестьянское восстание под руководством Антонова в Тамбовской губернии. Но не только эти события говорили о неприемлемости борьбы с религией изуверскими, насильственными методами. Даже ненавистник религии Карл Маркс в одном из интервью заявил, что насильственные методы борьбы с религией бесперспективны и недопустимы. Троцкий и Ленин откровенно проигнорировали эти предупреждения Маркса и совершили непростительную ошибку в решении религиозного вопроса.

Сталин в отличие от Троцкого и Ленина в духовном плане был более образован и лучше понимал безумие ведущейся партией религиозной политики и как-то сумел уклониться от участия в ней. В случае публичного объявления о своей религиозной позиции он был бы изгнан не только из руководства, но и из партии. Понятно, что он не мог публично выступить против линии партии по борьбе с религией, направленной на ее полное уничтожение. Но у нас есть основания считать, что он от православной веры, закрепленной в его душе и разуме со времени вхождения в храм с боголюбивой матерью, а потом в Горийской духовной школе с последующим обучением в духовной семинарии, не отказался в

течении всей своей жизни. Это просматривается при внимательном анализе тех партийных и советских документов, которые отражают религиозные вопросы и к которым Сталин лично приложил руку. Начиная с 1923 года, когда Ленин уже тяжело заболел и отошел от дел, а Троцкий стал утрачивать свое былое влияние в партии и государстве, Сталин стал набирать силу. Острота безумной атеистической политики начала давать, не без участия Сталина, сбои. Она стала более разумной и спокойной, хоть и не перестала быть атеистической.

По мере наращивания своего политического влияния в партии и государстве Сталин стал иногда позволять себе открытые проявления симпатии к религиозным вопросам. Уже став Генсеком ЦК ВКП(б), через год после жестоких призывов Ленина к уничтожению РПЦ по инициативе Сталина во все партийные организации рассылается секретное Циркулярное письмо № 30 от 16.08.1923 г. «Об отношении к религиозным организациям». В тексте письма указывается, что партийные организации не исполняют требований программы партии и решений XI съезда о необходимости «заботливо избегать всякого оскорбления чувств верующих», что «издевательство над предметами веры и культа... не ускоряют, а затрудняют освобождение трудящихся масс от религиозных предрассудков». В тексте письма приводится масса примеров такого подхода в борьбе с религией. В качестве вывода в письме говорится, что грубыми и бестактными действиями в отношении к верующим, которые составляют громадное большинство населения, партийные организации «наносит неисчислимый вред Советской власти». Письмо требовало: воспретить закрытие церквей и молитвенных помещений; воспретить аресты религиозного характера; помнить, что гонения на верующих и служителей церкви только еще больше укрепляют «религиозные предрассудки»; не допускать непродуманных действий в отношении к религии; не превращать борьбу против церкви в орудие конфронтации. По тексту письма чувствуется, что он отредактирован человеком, знающим и понимающим важность и актуальность темы. Очевидно, этим редактором был Сталин.

Хотя текст письма не отменяет борьбу с «религиозными предрассудками», но требует от партийных организаций цивилизованных форм и методов этой борьбы, оно несомненно кардинально отличается от троцкистско-ленинских требований «уничтожения попов». ЦК ВКП(б) под руководством Сталина продолжает держать в поле зрения религиозные вопросы. На мартовском 1930 года Пленуме ЦК ВКП(б) в постановлении по вопросу искривления партлинии в колхоз-

ном движении говорится о таком же искривлении в области борьбы с «религиозными предрассудками». В частности, указывается на факты административного закрытия церквей без согласия подавляющего большинства селян. Пленум потребовал: «Решительно прекратить практику закрытия церквей в административном порядке... Допускать закрытие церквей лишь в случаях действительного желания подавляющего большинства крестьян и крестьянок не иначе как после утверждения постановления сходов областным исполкомом. За издевательские выходки в отношении религиозных чувств крестьян и крестьянок привлекать виновных к строжайшей ответственности».

В двадцатые-тридцатые годы Сталин не мог остановить развернутой с 1918 года под руководством партийных и советских органов борьбы с религией под лозунгом борьбы с «религиозными предрассудками». Идеология, формы и методы этой борьбы были разработаны Троцким и поддержаны Лениным. В них жестко и однозначно проводилась идея: «Социализм и религия несовместимы». Значит, выступать открыто против этой борьбы было равносильно выступлению против социализма. Такой шаг был бы оценен его собственным окружением как недопустимое отступление от принципов марксизма-ленинизма, как уступка «мракобесию». Поэтому единственное, что он мог сделать, это не допустить полного разгрома Русской Православной Церкви.

Когда его положение окрепло после принятия новой Конституции 1936 года, разгрома оппозиции и «ленинской гвардии», Сталин смог позволить себе пойти на чрезвычайный шаг — отвержения троцкистско-ленинской враждебно непримиримой установки на отношение к религии. 11 ноября 1939 года Политбюро ЦК ВКП(б) принимает беспрецедентное решение, которое посягнуло на эти ленинские установки. Политбюро ЦК ВКП(б) прикоснулось к неприкасаемому — ленинскому наследию. Это был сбалансированный вызов враждебному отношению к православию, которое было сформулировано Лениным и Троцким. Политбюро постановило:

«Признать нецелесообразной впредь практику органов НКВД СССР в части арестов служителей русской православной церкви, преследование верующих. Указание товарища Ульянова (Ленина) от 1 мая 1919 года №13666-2 «О борьбе с попами и религией», адресованное пред. ВЧК товарищу Дзержинскому, и все соответствующие инструкции ВЧК-ОГПУ-НКВД, касающиеся преследования служителей Русской православной церкви и православных верую-

ших о т м е н и т ь. НКВД СССР произвести ревизию осужденных и арестованных граждан по делам, связанным с богослужебной деятельностью. Освободить из-под стражи и заменить наказание на не связанное с лишением свободы осужденным по указанным мотивам, если деятельность этих граждан не нанесла вреда Советской власти». Это решение Политбюро запротоколировано и подписано Сталиным.

Во исполнение этого решения из лагерей ГУЛАГа было освобождено 12860 заключенных, из под стражи освобождено 11223 человека, против которых были заведены уголовные дела, связанные с религиозной деятельностью. Это решение Политбюро приняло, несомненно, по инициативе Сталина, несомненно и то, что, не будь 1937 года, Сталин бы не смог выйти с таким предложением, ибо сомнительно, чтобы Политбюро поддержало бы такую инициативу своего генсека.

Созидатель и защитник обновленного Третьего Рима

Сталин, знавший историю России и историю ее главной Церкви, конечно, знал и об идее Третьего Рима и принял ее. Обновленный вариант Третьего Рима представлялся Сталину **православным социализмом**. Последующий анализ поставленной проблемы может убедить в реальности этого утверждения. Хотя Сталин официально и провозглашал себя верным учеником Ленина, на самом деле, когда какая-то ленинская догма явно выходила за пределы реальности, тогда он отдавал предпочтение не догме, а реальности. Так и произошло с одним из основополагающих догматов марксизма-ленинизма — учения о «диктатуре пролетариата», идущего от Маркса. В «Критике Готской программы» он писал: *«Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата»*. Этот «переходный период» получил в марксизме имя — «социализм». В своей знаменитой работе «Государство и революция» Ленин согласился с Марксом в оценке социализма как переходного периода от капитализма к коммунизму и подтвердил, что государственная власть в этом периоде осуществляется в форме «диктатуры пролетариата». Ленин дополнил Маркса тем, что эта диктатура будет ограничивать ряд свобод бывших угнетателей, а их сопротивление будет подавляться силой, что приведет к некоторой ущербности демократии.

В оценке Сталина было свое видение роли и места диктатуры пролетариата в процессе строительства социалистического общества. Уже в первой половине 20-х годов он обнаружил очень опасную тенденцию в том, что партийная верхушка начинает превращать диктатуру пролетариата в свою собственную диктатуру, то есть диктатура класса подменяется диктатурой партии, которая провозглашается руководящей и направляющей силой всего общества, всех происходящих в нем процессов. Он понимал, что оппозиция и партбюрократия используют диктатуру пролетариата как ширму для защиты своих позиций и своей власти.

В ходе подготовки к принятию новой Конституции Сталин решил дать решительный бой сторонникам и защитникам диктатуры пролетариата. По его мнению, в СССР нет пролетариата, а есть советский рабочий класс и есть его союзник в лице трудового крестьянства. Выступая с докладом о принятии новой Конституции и формулируя свою позицию в отношении к диктатуре пролетариата, он сказал: «Наш рабочий класс часто называют, по старой памяти, пролетариатом. Но наш рабочий класс не только не лишен (как в капиталистических странах. — А.Ш.) орудий и средств производства, а, наоборот, он ими владеет вместе со всем народом. Можно ли после этого называть наш рабочий класс пролетариатом? Ясно, что нельзя». Поэтому Сталин настаивал на том, чтобы закрепить в первой главе Конституции положения о том, что Советский Союз есть государство рабочих и крестьян, и подчеркнул, что ни о какой диктатуре не может быть и речи. Новый Третий Рим не нуждался ни в какой диктатуре.

Что касается партии, то она, по мысли Сталина, утверждает московский историк Ю.Н. Жуков, «создавалась до революции с двумя целями: захват и удержание власти. Эти цели достигнуты: власть захвачена и удержана. Ее функции, цели и задачи, ее предназначение в общественной жизни кардинально изменились, поэтому должна измениться и ее роль, ее статус. Она уже не нужна обществу как «руководящая и направляющая сила». Пропаганда и агитация, подбор и расстановка кадров — вот задачи, которые должна решать партия в современном социалистическом обществе. Все главные сферы жизни общества должны управляться органами советской власти, главными среди которых является Верховный Совет СССР и Советское правительство, назначенное Верховным Советом. Партийная номенклатура, которую Сталин называл «проклятой кастой», хорошо понимала, что такая сталинская политика в отношении места и роли партии в

обществе ведет к утрате ею главного — власти. Сталин бился за расширение и укрепление демократии, но партократия добивалась укрепления своей власти и льгот. Именно поэтому партократия саботировала новую Конституцию 1936 года, а в 1937-м — инициировала репрессии. Сомневающимся в обоснованности этого вывода рекомендую обратиться к материалам Восьмого чрезвычайного съезда Советов и материалам Февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года. Приписывать Сталину неумемную жажду власти, кровожадность и тиранию, которые якобы подтолкнули его к репрессиям, — значит клеветать на него, расписываясь в своем невежестве.

Сталин видел впереди не умытую кровью Россию Троцкого, а Россию мирную, свободную и процветающую. Он не рвался, как Хрущев, в иллюзорное коммунистическое завтра, он думал о том, как укреплять и совершенствовать социализм на основе не либеральных, а христианских ценностей. Он возрождал Россию как Третий Рим на православно-социалистических началах, а вовсе не создавал интернационалистическую Красную империю. Он не мог объявить об этих целях публично, но настойчиво и последовательно шел к осуществлению своих целей, реализуя их по мере возможностей и по мере роста своего авторитета в партии и обществе. Он возвращал Россию в русло ее исторического течения. Венцом его усилий по возрождению России как Третьего Рима стала его встреча с руководством Русской Православной Церкви 4 сентября 1943 года.

Этой встрече предшествовало создание при Правительстве СССР Совета по делам Русской Православной Церкви. Сталин распорядился подобрать достойную кандидатуру на пост главы этого Совета. Этой кандидатурой оказался полковник госбезопасности Г.Г. Карпов — в прошлом выпускник духовной семинарии. Уже этот выбор и создание Совета подчеркивали то, что государственная власть намерена серьезно изменить характер отношений между государством и Православной Церковью. Наставления, высказанные Сталиным во время его инструктивной беседы с Карповым, подтвердили позитивную значимость этих намерений. Фактически в этих наставлениях Сталин изложил программу развития церковно-государственных отношений в СССР на длительную перспективу. О чём же шла речь во время этой беседы? Сталин дал Карпову следующие рекомендации:

1. Совет будет осуществлять свою деятельность под непосредственным руководством Правительства СССР.

2. Не превращать Совет в бывшего обер-прокурора царского времени. Не вмешиваться в административную, канон-

ническую и догматическую жизнь Церкви, подчеркивая в своей деятельности ее самостоятельность.

3. В отношениях Совета с Патриархом не давать ему поводов рассматривать председателя Совета как обер-прокурора. Обеспечить соответствующие встречи, приемы, формы обращения с Патриархом.

4. Не смотреть в карман Церкви и духовенства, так как это испортит отношения между Советом и церковным центром и другими руководящими деятелями Церкви.

5. Не делать «булавочных уколов» группам верующих при рассмотрении вопросов об открытии церквей. Регулировать, но не зажимать.

6. Совету обеспечить, чтобы епископат являлся полновластным хозяином епархии. Право архиерея распоряжаться церковными суммами.

7. Не чинить препятствий к организации семинарий, свечных заводов и тому подобного.

Начатая работа по нормализации отношений между Церковью и государством свидетельствовала, во-первых, о том, что победа Красной Армии на Курской дуге летом 1943 года сделала очевидным факт неизбежного поражения фашистской Германии в войне с СССР. Во-вторых, эта победа подняла авторитет Верховного Главнокомандующего Советского Союза И.В. Сталина как в стране, так и за рубежом на недосягаемую высоту. В этих условиях у Сталина появилась реальная возможность приоткрыть свои планы относительно РПЦ, ее места и роли в послевоенном СССР. Своей встречей с руководством Православной Церкви он дал понять о возвращении России и русского народа в русло традиционной духовности, в основе которой лежала христианская вера. Встреча Сталина с руководством РПЦ состоялась на исходе 4 сентября 1943 года на ближней даче Сталина в Кунцево. Во встрече приняли участие со стороны государственной власти: Сталин, Маленков и Берия; со стороны церкви: Местоблюститель патриаршего престола митрополит Сергей, митрополит Ленинградский Алексей и митрополит Киевский Николай. Встреча проходила в исключительно тёплой, миролюбивой обстановке. Один из участников встречи митрополит Николай вспоминал: «Мы были поражены сердечной теплотой приема и самой личности главы правительства; но под этой внешней обаятельной простотой — в его словах, в его общении с людьми — мы видели истинное величие вождя, которого вся страна по праву зовет великим Сталиным. Взволнованные и потрясенные радостью встречи с Иосифом Виссарионовичем, мы были до глубины души тронуты не

только его вниманием к нуждам Церкви, но и теплой его заботой о бытовых нуждах каждого из нас».

Есть основания предположить, что и Сталин испытывал радость общения с руководителями Церкви. Перед ним сидели три митрополита (интеллектуальный и духовный цвет РПЦ на тот период), пережившие время церковных расколов и гонений на Церковь. Он хорошо знал их, а митрополита Сергия знал еще в дореволюционное время и в ходе беседы сообщил ему об этом. Сталин относился к сидящим перед ним митрополитам с уважением и доверием. Он знал, что эти люди его не подведут, интриги вокруг него плести не будут, а внесут достойный вклад в дело возрождения Церкви и строительство новых церковно-государственных отношений, которое он намерен был осуществить с их помощью. В этом окружении Сталин чувствовал себя теплее и надежнее, чем в окружении своих светских соратников. Он чувствовал духовную близость с ними. Всё это и придавало встрече теплый, дружественный характер, сознание того, что их встреча имеет судьбоносный характер для настоящего и будущего страны и народа.

В начале встречи Сталин объявил, что Правительство приняло решение об оказании помощи РПЦ в возрождении ее полноценной внутренней и внешней жизни. Поэтому и пригласили руководство Церкви для того, чтобы выслушать предложения главных иерархов и их видение путей активизации и возрождения религиозной жизни православной Церкви.

Местоблюститель Патриаршего престола митрополит Сергий прежде всего сказал о необходимости избрания Патриарха — главы Русской Православной Церкви. Сталин отнеся к этому предложению позитивно, но заметил, что идет война и собрать Поместный Собор затруднительно, поэтому предложил избрать Патриарха на Архиерейском Соборе, но в ближайшее время. Это предложение митрополитами было одобрено. Далее были обсуждены предложения митрополитов по возрождению внутрицерковной жизни. Митрополиты были поражены доброжелательностью Сталина. Он выслушал все их вопросы и просьбы и дал на них положительные ответы. Он даже поинтересовался, в каких условиях они живут и как питаются, и предложил свою помощь в решении их бытовых проблем. Здесь же было принято решение о закрытии журнала «Безбожник».

После окончания встречи Сталин даже дружески взял митрополита Сергия под руку и помог ему спуститься по лестнице на выходе, а на прощание сказал ему многозначительную фразу: «Владыко! Это всё, что я в настоящее время могу

для Вас сделать». Эта фраза говорила о том, что Сталин сожалеет об ограниченности тех мер, которые будут приняты для возрождения полноценной жизни РПЦ, но сделать больше для неё не может. Он дал понять, что его окружение вкуче со всей партократией заряжено марксистско-ленинской враждебностью к религии и не мыслит ни о какой терпимости по отношению к ней. Достаточно вспомнить такой факт. В ноябре 1943-го один из ближайших соратников Сталина В.М. Молотов от имени Правительства дал указание председателю Совета по делам Православной Церкви Г.Г. Карпову следующего содержания: «Пока не давать никаких разрешений на открытие, закрытых ранее, церквей... В последующем по вопросу открытия входить за санкцией в правительство и только после этого спускать указания в облисполкомы. Открытие церквей в некоторых местах придется произвести, но нужно будет сдерживать решение этого вопроса». Обратим внимание на то, что это указание Молотова противоречит духу встречи 4 сентября и сделано через два месяца после него. Похоже, что Молотов предпочитал выполнять не указания Сталина по изменению отношений с религией, а советы своей жены Полины Жемчужиной — подруги Голды Мейер, будущего премьера Израиля.

Именно эти силы мешали Сталину восстановить Третий Рим в форме православного социализма, построенного на принципах социальной справедливости, правды, христианской веры и любви к человеку.

Через десять лет Сталин завершит свой земной путь. Противостоящие силы не позволили ему во всей полноте осуществить свою «божественную мечту». Встреча 4 сентября 1943 года обозначила пределы его возможностей. Но эта встреча спасла Православную Церковь от неминуемой гибели, что затем подтвердилось во время т.н. хрущевской «оттепели». Не будь этой встречи, Хрущев и впрямь мог бы «увидеть по телевизору последнего попа». Но восстановленная Сталиным Православная Церковь выстояла и пережила хрущевские гонения. К концу жизни Сталина в СССР насчитывалось 13 786 действующих храмов и 62 монастыря. Проведены 3 Поместных собора. Церковь продолжала выполнять функцию духовного наставника русского народа и не теряла надежду на восстановление Третьего Рима. Не теряет и сегодня.

О ПАТРИОТИЗМЕ И НАЦИОНАЛИЗМЕ

Патриотизм есть любовь к Родине, к своему Отечеству, и комментарии здесь не нужны. Слово это имеет и всегда в России имело сугубо положительное значение. Было только одно исключение. В конце 1980-х и в 90-е годы бесновавшиеся «демократы» поносили и это слово, а для убедительности приводили вырванную из контекста фразу жившего в XVIII веке английского литератора С.Джонсона: «Патриотизм — последнее прибежище негодяев». Получалось, что каждый патриот есть заведомый негодяй. (В действительности, Джонсон имел в виду преступников, которые для смягчения наказания провозглашали себя патриотами Великобритании — это тогда помогало.)

А вот с национализмом дело хуже. В СССР его порицали и употребляли не иначе как с довеском — «буржуазный». В последнем Советском энциклопедическом словаре (1986 г.) прямо написано, что, во-первых, национализм «противоположен пролетарскому интернационализму» (что уже плохо само по себе), а, во-вторых, что основа его — «идеи национального превосходства и национальной исключительности».

В том же словаре по поводу интернационализма сказано, что он есть международная со-

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

лидарность рабочего класса. Однако в данное понятие ВКП(б)—КПСС вкладывала более глубокое, но не афишируемое содержание, а именно — забвение национальных интересов ради «братства трудящихся всех стран», и, разумеется, «братства народов СССР». То, что национальные интересы и, тем более национальное выпячивание клались на алтарь межнационального единства и благоденствия Родины, никаких сомнений у русских людей не вызывало. А вот *как* они клались на этот алтарь, порождало немало вопросов.

«Единство народов» на практике привело к тому, что русский народ занял последнее место по уровню жизни в СССР. Когда-то самый образованный народ Российской империи, он по числу людей с высшим образованием на 1 тыс. жителей к 1980-м годам скатился на последнее место (к слову сказать, процент людей с учёными степенями в Киргизии, где письменность появилась лишь в 1930 г., был выше, чем в РСФСР).

Вот некоторые цифры. В республиканском бюджете России от налога с оборота оставалось 70%, в остальных республиках 100%, от прибыли предприятий союзного подчинения — соответственно 12 и 20%. В межреспубликанской торговле РСФСР имела положительное сальдо 40—42 млрд. руб. (рубль тогда стоил дороже доллара), а если к этому добавить субвенции на 9—10 млрд., то в итоге Россия даром отдавала другим союзным республиками по 50—60 млрд. ежегодно. Неудивительно, что из каждого заработанного рубля Россия тратила на себя 80 коп., а, к примеру, Грузия — 5 руб.

Таким образом, **интернационализм в СССР стал способом решения национальных задач за русский счёт.**

Но вернёмся к национализму. Остриё борьбы здесь Советская власть направила исключительно против русского национализма, и советские вожди, начиная с Ленина (ещё до революции), называли его не иначе как «великодержавным шовинизмом» (о шовинизме — чуть ниже). К русскому народу большевики вообще относились, мягко говоря, не очень доброжелательно. Ленин в 1922 г. писал, что русские — это *«угнетающая или так называемая великая нация (хотя великая только своими насилиями, великая только так, как велик держиморда)»*, а через год Бухарин вторил: *«Русские должны искусственно себя поставить в положение более низкое по сравнению с другими, чтобы тем самым искупить свою вину перед угнетёнными нациями»*. Эта политика «искупления» продолжалась до конца существования советской власти.

Очевидно, советской трактовкой власти руководствуются и в нынешней РФ, и остриё борьбы направляют опять же на русский национализм.

Но вот вопрос: как же назвать чувство любви к своей нации, преданности ей, уважения к ее истории, традициям, культуре, религии? Патриотизмом? Но патриотизм — это любовь к Отечеству, любовь к России, в которой проживают десятки коренных этносов. Но придумывать ничего не надо, потому что есть то самое слово — «национализм».

Оно так трактуется и в Википедии («...в своей основе национализм проповедует верность и преданность своей нации»), и в Британской энциклопедии («...верность и приверженность к нации или стране, когда национальные интересы ставятся выше личных или групповых интересов»), и в Японской («...всеобщая приверженность и верность своей нации»). Заметим — не превосходство своей нации, а преданность своей нации!

Создатель, разделив человечество на народы, наделил людей, как и животных, тремя видами инстинктов: 1 — инстинкт самосохранения (грубо говоря, «шкурный» инстинкт, самый низший уровень), 2 — инстинкт продолжения и продолжения рода (родовой инстинкт) и 3 — инстинкт сохранения и продолжения этноса (племени, народности, нации), т.е. национальный инстинкт, аналогичный видовому инстинкту у животных.

И как ни старалась советская власть истребить национальный инстинкт (провозгласив даже создание «новой исторической общности — советского народа»), у неё ничего не получилось: армяне ощущали себя армянами, узбеки — узбеками, латыши — латышами. Да и не могло получиться, тем более что страна была разделена на национальные республики, области и округа. В наибольшей степени этот инстинкт был подавлен у русских: едва ли не большинство их уже называли себя не русскими, а советскими людьми.

Сегодня пытаются создать ещё одну «историческую общность — российскую нацию», и тоже ничего не получится. Даже если Республику Татарстан преобразуют в Казанскую губернию, Башкортостан — в Уфимскую губернию, а Республику Бурятия — в Область Забайкальского казачьего войска, татары останутся татарами, башкиры — башкирами, а буряты — бурятами и национальный инстинкт вытравить не удастся.

Совершенно очевидно, что национальный инстинкт проявляется разными гранями — и в гордости за принадлежность к своей нации, и в уважении к её прошлому, и в желании ей благоденствия. Если человек ощущает себя членом своей нации, если он радуется успехам своей нации и огорчается неудачами, если он болеет душой за настоящее и будущее своей нации, если он обладает чувством национального достоинства, то он и есть националист, хотя далеко не каждый отдаёт себе в этом отчёт.

Можно ли уничтожить этот инстинкт, не уничтожив сам народ или не «растворив» его в другом этносе? Нет. Можно лишь на время подавить (как это произошло с русским народом). Это понимал и великий писатель Л.Н. Толстой («*Нет такого народа, который не искал бы в своей жизни утверждения национальной гордости*»), и великий учёный Д.И. Менделеев («*Национализм во мне столь естественный, что никогда никаким интернационалистом меня из него не выбить*»). А выдающийся русский философ И.А. Ильин писал: «*Что такое есть национализм? Национализм есть любовь к историческому облику и творческому акту своего народа во всём его своеобразии. Национализм есть вера в инстинктивную и духовную силу своего народа, вера в его духовное призвание. Национализм есть воля к тому, чтобы мой народ творчески и свободно цвёл в Божием саду. Национализм есть созерцание своего народа перед лицом Божиим, созерцание его души, его недостатков, его талантов, его исторической проблематики, его опасностей и его соблазнов. Национализм есть система поступков, вытекающих из этой любви, из этой веры, из этой воли и из этого созерцания*».

Разве любовь к своим родителям — это ненависть к чужим родителям? Разве любовь к своему народу — это ненависть к другим народам (об агрессорах речь не идёт)? Как видим, понятие «национализм» не содержит никакого негативного начала. Оно никак не противоречит патриотизму, оно — дополняет его.

Мы все любим своё Отечество — Россию, но разве в душе каждый не выделяет свой народ? Может быть, надо запретить татарину гордиться государственным деятелем Борисом Годуновым и поэтом-мучеником М.Джалилем, мордвину — скульптором Эрзя и певицей Л.Руслановой, еврею — художником Левитаном и композитором Дунаевским? А ведь это тоже национализм.

Однако, если любя свой народ, человек видит в нём одни достоинства, а недостатки только у других, если он высокомерно, презрительно или враждебно относится к другим народам, не надо называть его националистом. Для этого есть другой термин — **шовинизм**. Шовинизмом сегодня поражены все бывшие советские республики, исключая (пока!) только Белоруссию. И уж совсем последнее дело, если человек ставит свою нацию во главу мира, считает её исключительной и призванной повелевать человечеством. Тогда это — **нацизм**. Есть ли хоть один исторический пример русского шовинизма или русского нацизма? Так **не умышленно ли подменяют разные понятия борцы с русским национализмом?**

Впервые о русских национальных интересах громко заявил великий Ф.М. Достоевский, а русский национализм как

явление возник в начале XX века (движения «Союз русского народа», «Союз Михаила Архангела» и др., философы и публицисты В.В. Розанов, М.О. Меньшиков и др.). Возник как реакция на попытку разрушения государства — Первую «русскую» революцию, в которой инородцы играли главную роль.

Сильный всплеск русских национальных чувств произошёл и в первые годы после Октябрьского переворота, когда во власти и в безжалостных карательных органах также доминировали инородцы. Ещё одно возрождение началось в конце 1970-х годов, когда в глаза стала бросаться экономическая и социальная дискриминация русского народа (правда, возрождение затронуло не весь народ, а лишь часть русской интеллигенции).

Особенно сильный подъем русского национализма произошёл в 1990-е — начале 2000-х годов, когда в разрушении и разграблении страны явственно прослеживалась активная роль высокопоставленных инородцев, а государственные (!) СМИ непрерывно унижали и оскорбляли русский народ. Дошло до того, что русский народ, внёсший наибольший вклад в разгром фашизма, стали обвинять в фашизме, а бывший министр культуры Швыдкой заявил, что «русский фашизм страшнее германского».

Кратковременные всплески происходили позднее в Москве (события на Манежной площади в 2010 г. и в Бирюлёве в 2013 г.) и в ряде других городов как ответ на беспредел чужеземцев и покровительство им полиции (в те годы даже родилась горькая шутка: «Если бьют русского — это бытовая драка, если русский даёт сдачи — это экстремизм и разжигание межнациональной розни»).

Из пунктирно приведённых исторических фактов следует, что русский национализм обостряется только тогда, когда русский народ подвергается унижению, оскорблению или откровенной дискриминации. В спокойное время русский национализм «спит», а сам народ готов снять с себя последнюю рубашку, если кому-то нужна помощь.

В этом заключается особенность русского национализма и вообще русского характера, о котором, наверное, наиболее точно сказал Сталин (1939 г.): *«Русский народ — великий народ. Русские — это добрый народ. У русского народа ясный ум, он как бы рожден помогать другим нациям. Русскому народу присуща великая смелость, особенно в трудные времена, в опасные времена. Он инициативен. У него стойкий характер, он мечтательный народ, у него есть цель, поэтому ему и тяжелее, чем другим нациям, но на него можно положиться в любую беду».*

Так что не надо бояться русского национализма. Нужно просто уважать русский народ!

ПРЕДВЕСТИЕ АПОКАЛИПСИСА

5 декабря 2017 года американская газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала знаменательную статью известного обозревателя, политического редактора «Еврейского журнала», старшего научного сотрудника Института политики еврейского народа Шмуэля Рознера «Конечно же, Иерусалим — столица Израиля».

В своей статье Рознер замечает: *«По мнению многих ученых, на этом месте находился храм приблизительно за 1000 лет до того, как его разрушили римляне. Это может означать, что примерно в течение трех тысяч лет Иерусалим является центром еврейского народа — физическим центром, когда на этом месте стоял храм, и центром для молитв и возникавших вдалеке чаяний в тот период, когда евреи были рассеяны по всему земному шару. Каждый год, в самом конце Йом-Киппура, самого святого дня в году, а также в конце Еврейской пасхи евреи произносят фразу: «В следующем году в Иерусалиме».*

Затем евреи вернулись. В XIX веке евреи начали возводить дома и селиться за стенами Старого города в Иерусалиме. Затем шестидневная война положила конец временному управлению Иорданией Старым городом и объединила Иерусалим под юрисдикцией Израиля. Однако это возвращение оказалось более спорным для международного сообщества. Даже Соединенные Штаты, самый близкий союзник Израиля, не признали этот город нашей столицей, несмотря на то, что наше правительство находится там с 1949 года. По имеющимся данным, президент Трамп скоро изменит эту ситуацию и даже объявит о том, что он переводит посольство Соединенных Штатов из Тель-Авива в Иерусалим. «В следующем году американское посольство будет в Иерусалиме» — эти слова не были в наших молитвах, но, тем не менее, мы приветствуем их и воспринимаем их как знак поддержки — и признания существующей реальности».

Как видим, в еврейском мире были заранее осведомлены о «судьбоносном» решении Трампа.

Здесь следует вспомнить, что в сентябре 2016 года возрождающийся в Израиле синедрион избрал раввина Баруха Кахане следующим первосвященником, а уже в ноябре синедрион направил руководителям РФ и США В. Путину и Д. Трампу обращение о восстановлении третьего иудейского храма.

Пресс-секретарь синедриона раввин Гилель Вайс заявил, что избрание Трампа, который обещал признать Иерусалим столицей Израиля, побудило возрождающийся верховный иудейский суд послать это обращение. Вайс объяснил, что выборы в США сделали вечную иудейскую мечту реальностью. «Мы готовы восстановить Храм», — сказал раввин Вайс. В своем письме синедрион напомнил Трампу его предвыборное обещание переместить посольство США из Тель-Авива в Иерусалим, фактически признав древний град столицей Израиля. «Лидеры Америки и России могут привести народы к глобальному миру путем построения Храма, источника мира», — пояснил журналистам Вайс.

«Глобальный мир» — вот так: ни много ни мало! Вспомним однако: *«Когда будут говорить: «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба, подобно как мука родами постигает имеющую во чреве, и не избегнут»* (1 Фес. 5, 3).

Однако в марте 2016 года Трамп действительно заявил: «Когда Соединенные Штаты поддержат Израиль, шансы на достижение мира вырастут, и вырастут стремительно. И я расскажу вам, что произойдет, когда Дональд Трамп станет президентом Соединенных Штатов. Мы перенесем американское посольство в вечную столицу еврейского народа — Иерусалим. И мы пошлем всем ясный сигнал, что никаких разногласий нет между Америкой и нашим самым надежным союзником — государством Израиль».

И вот 6 декабря 2017 года действующий президент США Дональд Трамп принял решение признать Иерусалим столицей Израиля.

Об этом американский лидер заявил, выступая в Белом доме: «Я решил, что сейчас пришло время официально признать Иерусалим столицей Израиля... Израиль является суверенным государством, которое вправе принимать решение о местонахождении своей столицы. И признание этого статуса города является правильным шагом», — подчеркнул президент США.

Трамп также поручил Госдепартаменту начать подготовку к переносу посольства США в Иерусалим из Тель-Авива — в соответствии с принятым в 1995 году законом, исполнение которого откладывалось предыдущими президентами Аме-

рики. «Новое посольство внесет огромный вклад в процесс мирного урегулирования. Делая это заявление, я хочу закрыть один очень важный вопрос. Это решение никак не повлияет на обеспечение наших твердых обязательств ускорить достижение мирного соглашения, — отметил американский лидер, — США поддержат решение палестино-израильского конфликта по принципу сосуществования двух государств, если обе стороны согласны на это», — добавил он.

Надо сказать, что с 1949 года в Иерусалиме расположены почти все государственные и правительственные службы Израиля, но там до сих пор не было зарубежных посольств. Тем не менее, очень многие страны имеют в Иерусалиме свои консульства.

Премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху тут же поблагодарил Трампа за принятое решение: «Мы глубоко признательны президенту за его отважное и справедливое решение признать Иерусалим столицей Израиля и подготовить к переносу сюда посольство Соединенных Штатов».

Хорошо известно, что дочь Трампа — Иванка и его зять Джаред Кушнер, отвечающий в Белом доме за палестино-израильское регулирование, исповедуют иудаизм и на протяжении многих лет находятся в теплых отношениях с Нетаньяху.

В арабском мире решение Трампа вызвало самую бурную реакцию. Последовали резкие заявления от многих лидеров, в ряде стран начались протестные акции.

Консолидированную позицию выразила Лига арабских государств. «После заявления Трампа мирный процесс можно считать мертвым. Такой шаг разгневет всех палестинцев и арабов, и в ближайшие дни стоит ожидать серьезной общественной реакции», — заявил в телевизионном интервью помощник генерального секретаря Лиги Хусам Заки.

Даже союзники США по «мировому сообществу» отрицательно восприняли новые директивы американского лидера. И обстановка накалилась в мире уже в первые часы после выступления американского лидера в Белом доме.

Восток — дело тонкое. Вскоре всё станет явным. Но о скрытых причинах происходящего мало кто не догадывается...

ВЕРОЯТНЫЙ СЦЕНАРИЙ ВОЙНЫ

В последнее время забытая ранее угроза третьей мировой войны — снова тема всеобщего обсуждения. Неделю назад военные машины США и России чуть было не столкнулись в Сирии. НАТО наращивает военный потенциал на границе с нашей страной и не собирается отказываться от враждебной риторики. Каковы сценарии возможного военного конфликта? Об этом необходимо задумываться, для того чтобы предотвратить не совсем адекватные действия наших «западных партнеров», которые давно уже превратились снова в «вероятных противников».

Военный аналитик Валентин Василеску из Румынии, страны, находящейся на передовой натовского антирусского фронта, пытается дать ответ на этот вопрос на основании характерной для последних военных операций США тактики и особенностей применяемого вооружения. На страницах англоязычного аналитического центра «Катехон» он утверждает, что агрессия США и их союзников против России — вовсе не исключенный сценарий. США обязаны любой ценой остановить Россию, которая своими действиями в Сирии, а до этого в Крыму и на Украине меняет американоцентричное статус-кво. Для того чтобы сохранить гегемонию, американцы идут к большой войне.

Главное направление удара

По мнению Василеску, главное направление, где стоит ожидать удара США, — западное. «США не планируют высадку на русском Дальнем Востоке, вместо этого, как Наполеон и Гитлер, США будут стремиться оккупировать стратегически важную столицу страны — Москву», — резюмирует он. По его словам, целью евромайдана изначально было создание удобного плацдарма для агрессии против России. Луганск, отмечает аналитик, находится всего в 600 километрах от Москвы. Однако план американской агрессии был превентивно сорван после воссоединения России с Крымом и создания Луганской и Донецкой народных республик на востоке Украины.

По мнению Валентина Василеску, главная задача НАТО — нанести России быстрое поражение, которое заставит сколлапсировать политическую систему страны. Проамериканские агенты влияния свергнут Владимира Путина, и войну можно будет считать выигранной. Поэтому США будут действовать по логике Гитлера, ставя на тактику блицкрига. В случае поражения России НАТО оккупирует территории до линии Санкт-Петербург—Великий Новгород—Калуга—Тверь и Волгоград.

Война в воздухе — колоссальные потери

Главными целями первой волны авианалетов станут российские аэродромы и системы ПВО. На вооружении России находятся высококлассные истребители и мобильные противовоздушные системы, способные обнаружить и уничтожить даже американский самолет пятого поколения. Поэтому даже при поддержке союзников по НАТО американские военные не смогут добиться превосходства в воздухе. С большими усилиями они могут достичь временного превосходства в воздухе в некоторых зонах на границе России глубиной в 300 километров. Для того чтобы обезопасить полеты в тех районах, где активно работают российские системы ПВО, американцы будут вынуждены бросить в первую волну атаки не менее 220 самолетов (включая 15 бомбардировщиков В-2, 160 — F-22A и 45 — F-35). В-2 может нести 16 бомб GBU-31 с лазерным наведением (900 кг), 36 кассетных бомб GBU-87 (430 кг) или 80 бомб GBU-38 (200 кг). Самолет F-22A может нести 2 бомбы JDAM (450 кг) или 8 бомб по 110 кг.

Серьезным препятствием для американцев станет тот факт, что ракеты AGM-88E, предназначенные для борьбы с системами ПВО с дальностью действия 160 километров, слишком большие для того, чтобы быть загруженными внутрь F-22A и F-35s (4,1 м длиной и 1 м высотой). Если же они будут установлены на пилонах, пострадает хваленая «невидимость» этих самолетов. Ранее такая проблема не возникала, так как в последние 20 лет США вели войны исключительно против противников с устаревшими системами ПВО.

Что касается F-22A, то они будут большей частью сбиты. Как отмечает эксперт, доклады Пентагона свидетельствуют, что американские военные были удовлетворены результатами применения F-117 (первый самолет пятого поколения в американских ВВС) в Кувейте и Югославии и намеревались заменить новыми аппаратами устаревшие модели. Пентагон планировал заказать 750 F-22A, чтобы заменить ими само-

леты F-16. Однако Россия разработала РЛС 96L6E, способный обнаруживать американские «стелсы». Пентагон в результате уменьшил заказ до 339 самолетов F-22A. Пока американцы разрабатывали и тестировали эти самолеты, у России появились комплексы С-400, способные обнаруживать эти аппараты. В итоге в ВВС США поступило только 187 самолетов F-22A.

Для того чтобы усложнить задачу российским системам ПВО, США выпустят более 500—800 крылатых ракет с кораблей и подлодок в Балтийском море. Российские самолеты, в первую очередь истребители МиГ-31, и системы ПВО смогут нейтрализовать большую часть из этих ракет, уверен эксперт, но это еще не все, что могут применить американцы.

В то же самое время самолеты F-18, F-15E, B-52 и B-1B, находясь на безопасном расстоянии от российской границы и не входя в зону действия систем С-400, нанесут удар крылатыми мини-ракетами AGM-154 или AGM-158, дальность действия которых до 1000 километров. Они могут поразить корабли Балтийского флота России и ракетные батареи комплексов «Искандер» и «Точка». В случае успеха американцы смогут нейтрализовать 30% российской сети РЛС, 30% батальонов С-300 и С-400, размещенных между Москвой и странами Балтии, и 40% компонентов автоматизированной системы разведки, управления, связи и целеуказания, кроме того, пострадают аэродромы, будет заблокирован вылет более 200 самолетов и вертолетов.

Однако ожидаемые потери американцев и их союзников составят 60—70% самолетов и крылатых ракет, которые войдут в русское воздушное пространство уже при первой волне авианалетов и ударов.

Но что станет самым главным препятствием для завоевания силами НАТО господства в воздухе? По мнению эксперта, это эффективные средства радиоэлектронной борьбы. Речь идет о комплексах «Красуха-4» типов SIGINT и COMINT. Эти системы могут эффективно вести радиоэлектронную борьбу против американских спутников слежения «Лакросс» и «Оникс», РЛС наземного и воздушного базирования (AWACS), в том числе размещенных на разведывательных самолетах RC-135 и беспилотниках Northrop Grumman RQ-4 Global Hawk.

По словам эксперта, имеющиеся на вооружении российских войск системы РЭБ могут эффективно ставить помехи для американских бомб и ракет с лазерным, инфракрасным и GPS-наведением. Также Россия может создать на границе со странами Прибалтики в районах Санкт-Петербурга и Калининграда две зоны, не проницаемые для вражеской авиации, комбинируя системы ПВО (С-400, «Тор-М2» и «Панцирь-2М») и РЭБ.

В настоящее время 8 батальонов С-400 защищают небо вокруг российской столицы, один находится в Сирии. Всего в российских вооруженных силах 20—25 батальонов С-400. Часть из них может быть переброшена к западной границе вместе с 130 батальонами С-300, которые могут быть модернизированы и укомплектованы РЛС 96L6Е, эффективно обнаруживающей натовские «стелсы». В настоящее время проходит испытания еще более совершенный комплекс ПВО — С-500, который предположительно пойдет в войска с 2018 года.

Автор уверен, что из-за превосходства России в средствах РЭБ НАТО не сможет достичь преимущества в радиоэлектронной войне. В результате в первой волне атаки против России воска НАТО в 60—70 процентах случаев будут наносить удары по ложным целям. Из-за высоких потерь в первой волне авиаударов и невозможности достижения превосходства в воздухе ВВС НАТО будут нести высокие потери. К американской группировке в 5000 самолетов присоединятся их союзники. Но они не смогут предоставить более 1500 самолетов.

Превосходство в бронетехнике

В настоящее время находящиеся на вооружении российской армии образцы бронетехники — танки Т-90 и Т-80 и модернизированные версии танков Т-72, как отмечает Василеску, соответствуют натовским аналогам. По мнению эксперта, лишь БМП-2 и БМП-3 уступают американским М-2 «Брэдли». Однако новый танк Т-14 «Армата» не имеет аналогов в мире. По всем показателям он превосходит и немецкий «Леопард-2», и американский М1А2 «Абрамс», и французский АМХ 56 «Леклерк», и британский «Челенджер 2». То же самое можно сказать о БМП Т-15 и «Курганец-25» и новом БТР-амфибии ВПК-7829 «Бумеранг». После 2018 года Россия будет обладать самой современной бронетехникой, что радикально изменит соотношение сил на поле боя.

Как видно из приведенного анализа, уже сейчас война с применением обычных вооружений может дорого стоить нашим западным противникам. Перевооружение же российской армии, которое произойдет к 2018 году, полностью ликвидирует технологическое преимущество Запада в военной сфере. Чем более готовыми, мощными и оснащенными будут наши Вооруженные силы, тем меньшей будет вероятность того, что Запад решится на открытую войну против России.

Maxpark.com

Дорогие читатели «Молодой гвардии», у вас есть возможность получить в подарок Собрание сочинений в 6 томах главного редактора журнала Валерия Хатюшина. Для этого необходимо приехать в редакцию или оплатить почтовую доставку в сумме 500 руб. Деньги нужно перевести на банковскую карту Сбербанка № 63900238 9037017175, указав в сопроводительном письме свой полный почтовый адрес.

Дорогие друзья!

Не забудьте оформить подписку на «Молодую гвардию» на вторую половину 2018 года. Наш журнал существует исключительно на средства, поступившие от подписки. Мы же со своей стороны обещаем вам на страницах «Молодой гвардии» новые интересные, острые материалы, которые не оставят вас равнодушными.

В каталоге Роспечати подписной Индекс «МГ»: 70544 — как для индивидуальных подписчиков, так и для предприятий и организаций.